Линда Родригес
Мак-Робби
Однажды,
давным-давно...
Непослушные
принцессы
Клуб
семейного
досуга

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Героини этой книги – решительная женщина-фараон Хатшепсут и мудрая княгиня Ольга, рассудительная «французская волчица» Изабелла и печально известная отравительница Лукреция Борджиа, удачливая Роксолана и безумная Анна Саксонская, нацистская шпионка Стефани фон Гогенлоэ и княжна-коммунистка Софья Долгорукая… Уникальные судьбы принцесс – настоящих, но совсем не похожих на сказочных!

- Линда Родригес Мак-Робби
-
- Введение
- Воительницы Принцессы, которые проявили себя на полях сражений
- Пинь-Янь
- Ольга Киевская
- Хутулун-Чаха
- Лакшми-баи
- Узурпаторши Принцессы, узурпировавшие власть в мире мужчин
- У Цзэтянь
- Зинга Нгола
- Интриганки Принцессы, которые составляли заговоры и плели интриги
- Изабелла
- Роксолана
- Екатерина Радзивилл
- Стефани фон Гогенлоэ
- Уцелевшие Принцессы, которым пришлось принимать трудные или предосудительные решения
- Малинче
- София Доротея
- Сара Уиннемакка
- София Долгорукая
- Тусовщицы Принцессы, которые прожигали свою жизнь
- Карабу, известная также под именем Мэри Бейкер
- Шарлотта Прусская
- Клара Уорд
- Глория фон Турн-и-Таксис
- Развратницы Принцессы, пользовавшиеся дурной репутацией вследствие своей сексуальной распущенности
- Полина Бонапарт

- Маргарет
- Сумасшедшие Принцессы, которые, скорее всего, страдали безумием или были близки к этому
- Елизавета Австрийская
- Шарлотта Бельгийская
- Франческа
- Библиография
- Благодарности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35

- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58

Линда Родригес Мак-Робби
Непослушные принцессы

© Linda Rodriguez McRobbie, 2013
© DepositPhotos.com / Gromovataya, обложка, 2014
© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2014
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2014

ISBN 978-966-14-6756-8 (fb2)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Мак-Робби Л.-Р.
М15 Непослушные принцессы: роман / Линда Родригес Мак-Робби; пер. с англ. О. Буйвола. – Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Белгород: ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2014. – 352 с.
ISBN 978-966-14-6795-7 (Украина)
ISBN 978-5-9910-2832-5 (Россия)
ISBN 978-1-59474-644-4 (англ.)

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

Переведено по изданию:
McRobbie L. R. Princess Behaving Badly: A Novel / Linda Rodriguez McRobbie. – Philadelphia: Quirk Books, 2013. – 288 p.

Введение
Однажды давным-давно…

Любая девочка хоть разочек в своей жизни притворялась принцессой.

Линда из «Зверя» Алексы Финн

Так уж и любая? Не уверена.

Когда я сама была маленькой девочкой, я не хотела быть похожей на принцессу. Не подумайте, что я была пацанкой или кем-нибудь в этом роде. Просто принцессы меня не занимали. Я любила лошадей, особенно крылатых… а еще единорогов… Крылатый единорог составлял предел моих мечтаний. Впрочем, во времена моего детства диснеевские принцессы еще не превратились, как в наши дни, в сверкающих на солнце дурочек пастельных тонов. Тогда можно было быть маленькой девочкой и не подражать слепо Белле, Ариэль или Золушке. (В том случае, если мы имеем дело с «боевой» девчонкой, выбор ограничен Мулан и Меридой.)

В наши дни одержимость принцессами стала в головках многих девочек настройкой по умолчанию. В 2000 году компания Уолта Диснея решила раскрутить на рынке своих ланеглазых героинь полнометражных мультипликационных фильмов под собирательным именем «принцессы». С этого момента начинается распространение эпидемии. «Принцессы» на данный момент являются самым успешным брендом среди товаров, рассчитанных на девочек, не достигших тринадцатилетнего возраста. В 2012 году эта медиафраншиза, созданная компанией Уолта Диснея, стала в Соединенных Штатах наиболее прибыльной, далеко обогнав «Звездные войны» и «Улицу Сезам». За год на международном рынке компания заработала на «принцессах» более четырех миллиардов шестисот миллионов долларов. Если прибавить к этому родственные бренды, такие как «Барби. Принцесса и поп-звезда», наборы зеркал для настоящей принцессы от «Мелиссы и Дуга», бессчетное количество украшенных блестками розовых футболок с принцессами, то становится понятно, что именно социологи и встревоженные родители называют «индустриальным комплексом принцессы».

В своей замечательной книге «Золушка съела мою дочь» (издательство «Харпер Коллинз», 2011 год) Пегги Оренштейн исследует одержимость девочек «симпатичненькими розовыми» нарядами принцесс. Кроме всего прочего, она беспокоится из-за того, что игры в принцесс порождают в душах девочек далекие от реальности надежды относительно своей грядущей женской красоты, а еще ограничивают формирование эстетических вкусов розовым или алым бальным платьем. В результате из маленьких девочек вырастают самовлюбленные, эгоистичные девушки. Я придерживаюсь того же мнения. Хотя пока еще нет прямых доказательств того, что всеобщее помешательство на принцессах способствует завышенной или заниженной самооценке девочек, но, как по мне, это культурное явление вносит в их души незаслуженное чувство превосходства и мнимое ощущение власти, проистекающей не из добрых дел, ума или хороших лидерских качеств, а из физической привлекательности, богатства и наличия поблизости сильных мужчин. Культура «принцесс» навязывает девочкам иллюзорные представления о том, как с ними должны обращаться в жизни, что имеет настоящую цену и к чему женщины должны стремиться в этой жизни.

Конечно, большинство маленьких девочек, вырастая, понимают, что жизнь состоит не из одних лишь пышных нарядов, крестных фей и прекрасных принцев, но фантазии насчет того, чтобы и самой стать принцессой, прочно остаются в их головках. История Кэтрин Миддлтон, красивой «девушки, живущей по соседству» из простой семьи, которая в апреле 2011 года вышла замуж за франтоватого принца Уильяма, похожа на сказку. Конечно, по рождению она никакая не принцесса, но теперь по праву носит титул герцогини Кембриджской. Даже репортаж со свадьбы выглядел как взятый из диснеевских мультфильмов эпизод. Я бы не удивилась, если бы увидела щебечущих синешеек, несущих в своих клювиках шлейф платья Кэтрин. Бульварные издания всего мира неплохо подзаработали на распространении двухмерного и до слащавости умильного образа «принцессы» Кэтрин, забывая о горькой судьбе предыдущей британской принцессы, начало истории которой тоже походило на сказку. Светловолосая голубоглазая Диана также была Золушкой, и ее сходство с героиней мультфильма не ускользнуло от внимания прессы. Подлинная история принцессы Дианы, впрочем, состояла из брака по расчету, супружеской неверности мужа, слухов о ее собственных изменах, проблем, связанных с нерегулярным питанием и излишней популярностью, жалких заигрываний с британскими средствами массовой информации и случайной

смерти во время попытки удрать от папарацци. Не такой должна была стать сказочная жизнь, на которую все надеются.

Возможно, наилучший способ обезопасить других от неоправданных ожиданий заключается в том, чтобы рассказать им о настоящих принцессах и их далеко не сказочной судьбе. Многие принцессы оказывались в безнадежной ситуации. Так, к примеру, Софию Доротею Целльскую заставили выйти замуж за человека, которого она называла «свиным рылом», за мужчину, который бил ее, изменял ей, а когда она отплатила мужу той же монетой, запер в замке как узницу и продержал там более трех десятков лет до самой смерти Софии. Другие, как Анна Саксонская, страдали серьезными психическими заболеваниями, вызванными ограниченным генофондом, что столь же опасно, как и абсолютная власть.

Но некоторые принцессы находили в себе силы изменить свою судьбу. Китайская императрица У доказала, что принцессы могут быть такими же готовыми на все последователями политических принципов Макиавелли, как и принцы. Другие, например Сара Уиннемакка, использовали свои титулы, как подлинные, так и мнимые, для привлечения внимания общественности к важным вопросам. Третьи хотели одного – веселиться напропалую. Так, к примеру, американка Клара Уорд, одна из так называемых «долларовых принцесс», бросила своего не особенно прекрасного принца и сбежала от него со скрипачом-цыганом. А еще среди них были и такие, которые принцессами на самом деле не являлись, например Карабу и Франческа, работница фабрики, полька по национальности, которая выдавала себя за спасшуюся Анастасию Романову.

Исторические принцессы были способны на великие и ужасные поступки. Они принимали опрометчивые решения и совершали роковые ошибки. Они любили не тех мужчин, или слишком много мужчин, или вообще никого не любили. Они были женщинами, которые лгали, убивали, использовали секс в качестве оружия или одевались как представители сильного пола, для того чтобы заполучить власть в мире мужчин. Они не боялись запачкать руки, даже обагрить их кровью. Эти женщины были обыкновенными людьми, но слово «принцесса» с множеством его оттенков часто добавляло глянцу к их человеческой сущности.

Описывая судьбу каждой из женщин, о которых вы прочтете ниже, я постаралась избавиться от мифа и представить их образы как можно более близкими к действительности. Но история достоверна настолько, насколько правдивы были те, кто ее записывал. В случае, когда речь идет о женщине, сомнения

в достоверности удваиваются. Я постаралась опираться в своей реконструкции на наиболее достоверные источники, но, как всегда, когда пишешь о прошлом, приходится считаться со слухами и гипотезами.

Вот вам истории о реальных принцессах и реальных женщинах. Они, возможно, и жили давным-давно, но их истории далеко не всегда заканчивались счастливо.

Воительницы Принцессы, которые проявили себя на полях сражений Альфхильда (V столетие н. э.) Принцесса, ставшая предводительницей морских разбойниц

Ледяные воды Балтийского моря

Принцесса Альфхильда стояла перед непростым выбором. Достойный во всех отношениях мужчина в конце концов преодолел глухую оборону ее отца и посватался к ней. Претендента на ее ложе не обезглавили и не отравили. Она могла выйти замуж за этого молодого человека и наслаждаться спокойной жизнью, как принято было среди девушек ее круга, или расстаться с жизнью принцессы и стать предводительницей морских разбойниц.

Угадайте, какой выбор она сделала.

Папина дочка

Единственная дочь заботливого до крайней степени короля гётов[1] Сиварда, маленькая Альфхильда, была воспитана девочкой скромной и целомудренной, патологически целомудренной. Когда рядом с ней появлялся мужчина, она «укрывала свое лицо краем накидки», дабы не вызывать видом своей красоты у него приступа похоти.

У Альфхильды было достаточно оснований с такой тщательностью оберегать собственную девственность. Ее история изложена в «Gesta Danorum» («Деяниях датчан»), многотомном труде историка XII столетия Саксона Грамматика, написанном на латыни. Если верить хронисту, девственность была чуть ли не единственным достоянием Альфхильды. Но закрывание лица являлось лишь одной из множества хитростей, к которым девушка прибегала для того, чтобы не подпустить к себе мужчин. По словам Саксона Грамматика, король Сивард сделал все, на что

только способен отец симпатичной девочки-подростка, обладающий властью.

«Он содержал дочь под постоянным присмотром и подарил ей двух змей. Король надеялся, что когда они вырастут, то смогут защитить ее целомудрие. С такой опасной преградой немыслимо было сунуть свой нос в ее опочивальню. Король также повелел, чтобы каждый, кто попытается туда войти, тотчас был обезглавлен, а его отрубленная голова была надета на кол и выставлена на всеобщее обозрение. Страх, вызванный этими распоряжениями, охлаждал пыл излишне страстных молодых людей».

Нашелся, правда, один молодой человек, пылкость которого не остудили все эти преграды. Он посчитал, что «опасность делает попытку еще благороднее». Звали его Альф. Был он сыном датского короля Сигара. Однажды Альф ворвался в спальню к Альфхильде. Одетый в окровавленную шкуру животного (должно быть, он хотел свести этим рептилий с ума), Альф убил одну змею, запустив раскаленным докрасна слитком железа ей в пасть. Вторую змею он убил более традиционным способом, проткнув ей горло копьем.

Хотя сноровка, с которой молодой датчанин расправился с пресмыкающимися-телохранителями, произвела на Сиварда должное впечатление, король решил сделать Альфа своим зятем, только если Альфхильда «примет свободное и обдуманное решение» в его пользу. Храбрый искатель ее руки, который только что убил ее любимых домашних зверушек, также произвел на девушку благоприятное впечатление, а вот мать Альфхильды настоятельно посоветовала дочери «хорошенько подумать», не особенно «очаровываться пригожестью» жениха и не забывать «о добродетели».

Поколебленная в своем мнении мудрым советом матери, Альфхильда решила, что Альф не мужчина ее мечты. Вместо того чтобы выйти за него замуж, девушка оделась в мужскую одежду и во главе команды, состоящей из таких же девушек, как она, занялась морским разбоем.

Привет, мореход!

Почему Альфхильда ступила на путь пиратства, неизвестно. Саксон Грамматик ничего не говорит о мотивах ее поступка. Также непонятно, откуда появилось «множество таких же

девушек», которые присоединились к ней. Несмотря на необычное решение, принятое принцессой, сюжет об Альфхильде кое в чем типичен для исторического фольклора той эпохи. Подчеркнуто щепетильное отношение к девственности и чрезмерные меры по ее охране, исключающие даже тень какого-либо «веселья», соответствуют реалиям и этическим ценностям Древней Скандинавии. Этот мотив можно встретить и в других окрашенных романтизмом легендах и сагах, повествующих о девах-воительницах, которые предпочли швейной игле меч.

Саксон Грамматик, хоть и не объясняет причину поступка Альфхильды, заявляет тем не менее, что, хотя в прошлом девы нечасто выбирали «жизнь морских удальцов», уникальным это явление не было. Появлялись и другие девы, писал он, которые «питали отвращение к рутине дней» и меняли свою природную «мягкость и легкомысленность» на щит и меч. Они делали себя «бесполыми» и «вместо веретена брали в руки копье». «Они нападали на мужчин, выставив перед собой жала своих копий. В их взорах пылала ненависть. Они думали только о смерти, позабыв о развлечениях». Этим девам, по словам Саксона Грамматика, приходилось вести себя подобно мужчинам и скрывать свои красивые лица от взора ничего не подозревающих представителей сильной половины человечества, дабы не разжечь в их сердцах похоть. Мысль о том, что необузданная мужская страсть могла быть достаточным поводом для того, чтобы женщина взяццлась за оружие, кажется, не приходила в голову автору «Деяний датчан».

В любом случае из Альфхильды получилась грозная пиратка. Учитывая то, что для удачного морского разбоя одной абордажной сабли и повязки на глазу недостаточно, причина ее успеха сокрыта во глубине веков. На подробности Саксон Грамматик очень скуп. Несмотря на довольно снисходительные замечания насчет дев-воительниц, хронист считает, что «деяния Альфхильды превосходят доступные обычной женщине». Вместе со своими боевыми подругами принцесса добыла несметные сокровища. К ней присоединился еще один корабль, команда которого на этот раз состояла целиком из мужчин. Викингов восхитила красота и «крутизна» Альфхильды. Через некоторое время под ее началом находилась целая флотилия кораблей, которая нападала на суда, плавающие вдоль побережья Финляндии.

Но лихие времена подходили в концу. Альфхильда совершенно сбросила со счетов упрямство отвергнутого ею убийцы ее домашних зверушек. Альф не забыл целомудренной красавицы и пустился на ее поиски, «совершив множество

плаваний» по покрытым льдом морям и время от времени участвуя в сражениях с викингами. Однажды недалеко от побережья Финляндии его корабль встретился с целой флотилией пиратских судов. Воины Альфа были против того, чтобы нападать на превосходящие их силы викингов, но принц воскликнул, что для него «будет стыдом, если кто-то расскажет Альфхильде о том, что он отступился от ее поисков, испугавшись нескольких кораблей». Какая ирония!

Разгорелось морское сражение. Датчане среди всеобщей резни успевали дивиться тому, что «у их недругов такие гибкие конечности и такая грация во всем теле». Альф вместе со своим побратимом Боргаром заскочили на один из вражеских кораблей и ринулись на корму, «убивая на своем пути всех, оказывающих сопротивление». Боргар ударом сбил шлем с одного из викингов. Альф, к своему глубочайшему изумлению, увидел красавицу Альфхильду, «деву, которую он искал на море и на суше, подвергаясь стольким испытаниям и опасностям».

В этот миг Альф понял, что «должен воевать не оружием, а поцелуями, должен отложить в сторону свое грозное копье и вести себя учтиво». Одним из учтивых поступков принца было то, что он «избавил» Альфхильду от пропахшей пóтом мужской одежды и уложил к себе в постель. На этом карьера морской разбойницы закончилась.

Язык, которым Саксон Грамматик описывает возвращение Альфхильды к жизни принцессы, говорит нам о многом. Он пишет, что Альф «страстно ее обнял», «распорядился, чтобы она сняла с себя мужскую одежду», а после этого «зачал с ней дочь». Чего хотела сама Альфхильда и как относилась к тому, что ее «карьере» морской разбойницы пришел конец, неизвестно. Хрониста ее мнение не интересует. Из используемой им лексики видно, что у Альфхильды не было другого выхода. На этом заканчивается история принцессы-пиратки в изложении Саксона Грамматика.

Жила-была принцесса-пиратка

Рассказ хрониста о добродетельной принцессе, ступившей на путь морского разбоя, может быть, а может и не быть правдой. Не надо забывать, что «Gesta Danorum» – исторический труд, в котором помимо вполне реальных конунгов и героев фигурируют великаны, ведьмы и драконы. В любом случае судьба Альфхильды, ставшей девой-воительницей, основывается на существовавшей в действительности традиции, независимо

от того, жила ли такая девушка когда-то на белом свете. Позже ученые рассматривали множество исторических легенд, собранных Саксоном Грамматиком, в качестве подспорья для лучшего понимания раннесредневековой скандинавской культуры.

Чему эта легенда должна была научить грядущие поколения, чьи дети будут слушать рассказ об Альфхильде, собравшись у очага бесконечной в Скандинавии зимней ночью, трудно сказать. Современной читательнице может показаться несправедливым то, что «подвиги» Альфхильда променяла на мужчину и семейную жизнь. Как можно быть матерью и женой после того, как ты стала пираткой? Не стоит судить о легенде с позиций феминизма XXI века. Не надо забывать, что Саксон Грамматик писал свою интерпретацию истории Дании семь веков спустя после смерти легендарной Альфхильды.

Под пером хрониста сага об Альфхильде, которая сама по себе имела многосотлетнюю языческую предысторию, испытала сильное влияние христианских представлений о роли полов в общественной жизни. Альфхильда скромна и целомудренна, но при этом, в соответствии с легендарной традицией, умело обращается с мечом и боевым топором, как и приличествует деве-воительнице. Альфу пришлось побороть ее воинственность, чтобы стать достойным ее. В конце легенды все складывается как нельзя лучше: оставив жизнь «морской разбойницы», Альфхильда становится женой и матерью. Саксон Грамматик не скрывает негативного отношения к подобного рода воинственным девам, больше места уделяя в своем труде не истории, собственно говоря, Альфхильды, а критике дев-воительниц.

Так что в определенном смысле рассказ об Альфхильде является сказкой поучительного содержания, во многом напоминающей «Золушку» и «Белоснежку». Вот только здесь больше сумасбродства… и змей.

Пинь-Янь (600–623) Принцесса, возглавившая армию

Китай времен династии Тан

В одиночку с порочным императором не справиться. Будучи дочерью военачальника, Пинь-Янь прекрасно это понимала. Когда ее отец и брат с оружием в руках сражались против императорской армии, она не сидела без дела, рискуя стать военной добычей. Пинь-Янь собрала и возглавила собственную армию в количестве более чем семидесяти тысяч воинов. С помощью дочери отец захватил трон и стал основателем новой династии, время правления которой считается «золотым веком» в истории императорского Китая.

Кстати говоря, в то время Пинь-Янь не исполнилось еще и двадцати лет.

Яблоко от яблони…

Пинь-Янь была дочерью генерала Ли Юаня, гарнизонного командира, под началом которого находились значительные военные силы. Приходясь дальней родней правящему императору, Ли Юань не особо горел желанием становиться одним из лидеров повстанцев, но, будучи влиятельным, честолюбивым и могущественным человеком, генерал не мог не оказаться на подозрении у страдающего паранойей императора Ян-ди из династии Суй.

Даже в наши дни Ян-ди считается одним из самых жестоких злодеев в китайской истории. Ради того чтобы занять престол, он убил собственного отца. Став императором, Ян-ди разбазарил деньги и военную мощь страны в безуспешных попытках завоевать другие страны. То, что осталось от государственной казны, он истратил на грандиозное строительство, которое должно было прославить его в веках. Когда деньги иссякли, Ян-ди поднял налоги, которые оказались просто непосильными: после поголовной мобилизации всех пригодных к воинской службе мужчин работать в поле стало почти некому. В 613 и 614 годах прокатилась волна восстаний. Первыми выступили голодающие

крестьяне, но вскоре к мятежу присоединились недовольные феодалы и чиновники. Испугавшись, Ян-ди принялся заключать в тюрьму или казнить всех, кто казался ему неблагонадежным.

Император уже давно подозревал Ли Юаня, и на то имелись свои причины. Тот был честолюбивым генералом, под началом которого находилась большая армия. Но еще более тревожным являлось то обстоятельство, что, как передавали, у Ли Юаня под левой рукой было родимое пятно в форме дракона – явный признак того, что ему на роду написано стать императором. В 615 году подозрения Ян-ди укрепились, когда на улицах городов начали распевать песенку, в которой говорилось, что будущего императора будут звать Ли. Имя это было очень распространено в Китае. Песенка могла означать просто смену императоров, но Ян-ди имел достаточно оснований полагать, кем окажется этот Ли.

В 617 году император приказал заключить Ли Юаня в тюрьму по обвинению в том, что его поймали во время прелюбодеяния не с одной, а с двумя императорскими наложницами. Такое преступление каралось смертью. Вскоре, однако, Ян-ди отменил свой приказ – со всех сторон наступали войска мятежников, и ему нужна была помощь генерала. Теперь перед Ли Юанем встал выбор: либо он открыто присоединится к мятежу, либо императорская паранойя рано или поздно его погубит. Генерал выбрал путь мятежа.

Заручившись поддержкой соседних тюркютов, Ли Юань собрал армию в тридцать тысяч бойцов. С гонцами он передал секретные послания своему сыну Ли Шими́ню и зятю Цао Шао, мужу Пинь-Янь, раскрывая в них свои планы. Положение Пинь-Янь и ее мужа было довольно шатким. Они жили при императорском дворце, где Цао Шао был командиром императорской стражи. Муж рассказал жене о своем намерении сбежать к бунтовщикам. При этом Цао Шао выразил опасения насчет ее безопасности. Его страхи были небезосновательными. Ян-ди вполне мог взять Пинь-Янь в заложницы и даже, желая отомстить ее отцу и мужу, пытать ее. Эта женщина была не из тех, кто падает в обморок, терзается сомнениями и ждет до тех пор, пока ее не бросят в темницу. Она заявила, что сама позаботится о себе. Цао Шао сбежал из дворца, а Пинь-Янь поступила так, как обещала.

Она отправилась в поместье, расположенное в провинции Ху и принадлежащее ее семье. Там Пинь-Янь обнаружила, что война и сильная засуха довели местных жителей до голода. Тогда она приказала открыть двери своих амбаров для голодных народных масс, чем сразу же заслужила их благодарность. Они стали ее

должниками. Умный ход для человека, которому вскоре нужно собирать собственную армию.

Армия Госпожи

Спустя несколько месяцев войска ее отца и брата вступили в кровопролитное противостояние с императорской армией. Поняв, что победа зависит от числа воинов, Пинь-Янь решила увеличить шансы, приведя на помощь своим родным собственную армию.

Вскоре по ее повелению среди местных жителей, которых она совсем недавно спасла от голода, начался набор добровольцев, сильных, пригодных к воинской службе мужчин. Эти люди шли служить в армию Госпожи, как они сами это назвали. Затем Пинь-Янь решила увеличить число воинов, послав молодого слугу к главарю местной шайки «веселых молодцов», грабивших неподалеку от ее поместья, с предложением присоединиться к ее армии. Также она разослала повсюду своих слуг в поисках банд, бродящих по стране. Почему эти разбойники приняли ее предложение, точно неизвестно. Возможно, потому, что чаша весов склонялась в пользу Пинь-Янь и ее родни. Женщина на свой страх и риск заключила союз с самыми большими из действующих повстанческих группировок провинции Ху. После этого Пинь-Янь убедила кое-кого из императорских приближенных предать своего господина. Среди перебежчиков были глава правительства и генерал, под началом которого находились десять тысяч солдат. Спустя несколько месяцев под стягами армии Госпожи сражалось более семидесяти тысяч человек. Они, сметая все на своем пути, прошлись по провинции и осадили столицу Ху.

Понимание человеческой природы сослужило Пинь-Янь неплохую службу. Она заставила своих воинов дать клятву не мародерствовать в деревнях, через которые они проходили. Более того: после побед солдаты раздавали еду местным жителям. История утверждает, что люди воспринимали ее воинов скорее как освободителей, чем как очередную ораву вечно голодной саранчи. Ряды армии Госпожи пополнялись добровольцами.

Успехи повстанцев в провинции Ху побудили императора послать войска разобраться с храброй женщиной-полководцем. Армии Госпожи удалось быстро разгромить посланные против нее силы, что позволило армиям брата и отца Пинь-Янь одержать победу над основными силами императора. По прошествии менее

года с тех пор, как Пинь-Янь сбежала от императора к бунтовщикам, силы мятежников во главе с ее отцом, братом и мужем вплотную подобрались к императорскому дворцу в Дасинчэне. Ян-ди не стал испытывать судьбу. Любуясь собой в зеркале, пока его страна пылала в огне междоусобной войны, он заявил императрице: «Какая красивая голова! И кто первым захочет снести ее с плеч?» Когда бунтовщики подошли совсем близко, Ян-ди сбежал из дворца на юг. Ему не суждено было лишиться своей головы. В 618 году императора задушили в бане собственные советники.

Ли Юань вошел в императорский дворец и объявил себя следующим правителем страны, основав тем самым новую династию Тан, время правления которой до сих пор считается вершиной культурного и политического могущества императорского Китая. Ли Юань взял себе тронное имя Гао-цзу, что в переводе означает Прародитель. Одним из первых принятых им решений было решение пожаловать Пинь-Янь титул принцессы и сделать ее кем-то вроде военного судьи. Эта должность предполагала вооруженную свиту и множество помощников, находящихся в ее личном подчинении.

Спустя пять лет после победы Пинь-Янь умерла при невыясненных обстоятельствах. Ей исполнилось всего лишь двадцать три года. Ее могли свести в могилу трудные роды, болезнь или бич императорского Китая – заказное убийство. Когда ее отец, который не забыл, как храбрость Пинь-Янь помогла ему взойти на престол, задумал пышные похороны с возданием покойной воинских почестей, придворные спросили, зачем оказывать такую честь женщине. Тогда Ли Юань ответил: «Она была необыкновенной женщиной».

Во времена Пинь-Янь китаянки всех сословий пользовались большей свободой и уважением, чем женщины в других обществах той эпохи. Жены императоров, например, часто были признанными политическими советниками своих мужей. Впрочем, личность Пинь-Янь уникальна и среди них. В ее времена женщины могли править, стоя за кулисами, но самой запрыгнуть на спину коня и командовать войсками – это уж слишком. Если бы она осталась жива, то со временем вполне могла бы стать полновластной императрицей.

В 626 году, через три года после смерти Пинь-Янь, ее отец отрекся от престола. Его сын стал императором под именем Тай-цзун. Несмотря на череду социальных конфликтов, то и дело перерастающих в мятежи, время правления династии Тан считается золотой эрой китайского военного могущества и чудесной поэзии. Тан – последняя великая императорская

династия Китая. А Пинь-Янь – ловкая, храбрая принцесса-воин, которая помогла привести ее к власти.

Семь воинственных королев древности

Эти увешанные оружием женщины пили вино из черепов убитых ими врагов и нещадно хлестали дышащих пламенем жеребцов. Этим леди вы бы не захотели попасться на глаза.

Фу Хао

В 1976 году китайские археологи нашли хорошо сохранившуюся, никем не разграбленную могилу Фу Хао, одной из жен императора (вана) У Дина из династии Шан-Инь. Она умерла около 1200 года до н. э.

Бóльшая часть того, что мы знаем о Фу Хао, почерпнута из гадательных костей, найденных в ее могиле. На этих осколках древние китайские верующие писали свои вопросы к богам. После этого кости помещали в огонь и держали там до тех пор, пока они не потрескаются. Верующие толковали увиденное и на тех же костях записывали «ответы» богов. Чем-то этот вид гадания напоминал то, как авгуры[2] ворожили на внутренностях птиц. Изучение этих надписей дало современным археологам возможность узнать, что волновало людей в столь древние времена. Много вопросов к духу Фу Хао не отличалось оригинальностью. Люди, например, интересовались, пройдут ли легко роды и утихнет ли зубная боль. Ответы на оба вопроса, кажется, были отрицательными. Но некоторые вопросы тривиальными никто бы не назвал, даже если учесть тот факт, что Фу Хао была одной из трех старших жен императора. Спрашивалось, например, окончится ли битва победой или когда будет самое удобное время для особого жертвоприношения богам. Фу Хао была не только женой императора, она исполняла при У Дине функции шамана и главнокомандующего его войсками. Она проводила важные религиозные ритуалы и приносила в жертву богам животных и людей. Фу Хао, стоя во главе армии Шан-Инь, одержала несколько побед над соседними народностями. О том, какое высокое место эта женщина занимала при жизни, косвенно свидетельствует ее богатое захоронение. В загробный мир она отправилась, прихватив с собой четыреста шестьдесят восемь предметов из бронзы, включая разные виды оружия, семьсот пятьдесят пять

нефритовых изделий и шесть тысяч девятьсот раковин моллюска каури, которые использовались в Древнем Китае вместо денег. Эти раковины часто клали в могилы умерших, чтобы те расплачивались ими в своей загробной жизни. Вместе с Фу Хао закопали останки шестнадцати принесенных в жертву человек. Среди них был воин в полном боевом облачении. Человеческие жертвы дополнились трупами собак. Одного пса зарыли как раз под гробом Фу Хао.

Архидамия

Жившие в III веке до н. э. спартанские женщины были не менее воинственны, чем их мужчины. Царица Архидамия, жена Эвдамида Первого, была еще круче, чем большинство из них.

Около 272 года до н. э. один беспринципный претендент на верховную власть в Спарте надоумил не любившего сидеть без дела военного гения периода античности Пирра, царя Эпира[3], пойти войной на город-государство. Армия Пирра превосходила числом спартанцев и была лучше вооружена. Апелла (народное собрание) решило ради безопасности женщин и детей отправить их на кораблях на остров Крит. Как пишет античный историк Плутарх, это решение расходилось с мнением царицы Архидамии. Сжимая обнаженный меч в руке, она появилась перед собранием и объявила, что женщины будут оборонять Спарту наравне с мужчинами.

Частью оборонного плана спартанцев было выкопать глубокий ров между их поселением и лагерем Пирра. Архидамия, организовав женщин и детей, послала их на земельные работы, и треть длины рва была выкопана благодаря их усердию. Когда началась битва, храбрые женщины остались на поле боя. Одни перевязывали раненых, другие участвовали непосредственно в боевых действиях. Пирру пришлось отступить перед беспримерной яростью спартанцев и, надо заметить, появлением свежих сил их союзников из Македонии.

Боудикка

Боудикка была женой короля племени иценов, проживавших в Восточной Англии. Пока ее муж был жив, римляне, которые около сорока лет с трудом удерживали Британию в повиновении, считали его своим союзником и не вторгались на территорию иценов. Когда же король умер, римляне в одностороннем порядке

пересмотрели договор, заключенный между империей и племенем иценов. Территория современной Южной Англии уже находилась под властью Рима. Почему бы не замахнуться на всю страну?

Сначала римляне постарались уговорить Боудикку отдать им власть над землями иценов добровольно. Когда же уговоры не помогли, они раздели королеву догола и выпороли, а двух ее дочерей-подростков изнасиловали. В 60 году н. э. взбешенная Боудикка возглавила восстание иценов и союзных им племен. Когда королева ехала в передовом отряде стодвадцатитысячной армии, состоящей как из мужчин, так и из женщин, она, должно быть, выглядела чрезвычайно воинственной. Дион Кассий, римский историк II века, описывает ее высокой, грациозной женщиной с копной курчавых, спускающихся до бедер рыжих волос. Взгляд у нее был пристальный, а голос – хрипловатый.

Обозленная воительница «обладала умом более ясным, чем это обычно свойственно женщинам». Под ее предводительством ицены шли вперед, уничтожая все на своем пути. Разгромив девятый легион, восставшие до основания разрушили Колчестер. Потом ицены сожгли дотла торговое поселение Лондиниум, впоследствии выросшее в современный Лондон. Людские жертвы во время восстания исчислялись тысячами.

Перед началом последней битвы Боудикка произнесла зажигательную речь, которая могла бы соперничать с речами Генриха Четвертого при Азенкуре[4], Уильяма Уоллеса в «Храбром сердце» или парня из кинофильма «Студенческая команда». Королева иценов взывала к своим воинам, стоя на боевой колеснице. Боудикка заявила, что боги на их стороне, а она, обыкновенная женщина, готова умереть за свободу. «Покажем им, что они зайцы и лисы, вознамерившиеся править собаками и волками!» – призвала Боудикка.

Но повстанцы потерпели сокрушительное поражение. Волна праведного гнева и звериной жестокости со стороны бриттов спала, а свирепая Боудикка то ли приняла яд, не желая попасть в руки врагу живой, то ли умерла от болезни.

Томирис

Томирис, жившая в VI веке до н. э., была царицей массагетов, кочевого народа, обитавшего когда-то на территории современного Ирана. Геродот писал, что массагеты были отличными воинами, искусными в стрельбе из лука и верховой

езде. Еще древнегреческий историк писал о том, что оружие их изготовлено из золота (что кажется очень непрактичным). Мужчины сожительствовали со всеми женщинами племени. Состарившегося соплеменника приносили в жертву, а его труп поедали ближайшие родственники.

Томирис получила власть над массагетами после смерти мужа. Персидский царь Кир Великий[5] решил, что время траура подходит как нельзя лучше для того, чтобы заполучить земли вдовы. Он послал к ее двору гонца, притворяясь, что ищет себе жену, но осмотрительная Томирис поняла, что Киру нужно кое-что другое.

Получив отказ, Кир отбросил всякое притворство и начал вторжение в землю массагетов. Сначала дела у Томирис пошли не самым лучшим образом. Хитрый Кир разделил свои войска, оставив часть их позади в качестве приманки. Во главе с сыном царицы массагеты напали на лагерь противника, перебили персов и упились винами своих врагов. Воины Кира вернулись и перебили пьяных массагетов, а сына Томирис взяли в заложники.

Царица поставила персидскому царю ультиматум: либо он вернет ее сына и уберется с их земель подобру-поздорову, либо на себе в полной мере испытает гнев массагетов. Если Кир не примет ее условий, то в этом случае, писала ему Томирис, «я клянусь Солнцем, покровителем массагетов, столь же кровожадным, как и я, что ты с головой окунешься в кровь».

Кир, конечно же, не пошел на попятную. Тогда Томирис созвала всех воинов своего царства и повела их в бой против персов. Это была яростная, кровавая битва. Все персы, включая самого Кира, сложили в ней свои головы. Когда Томирис нашла его тело среди павших, она обезглавила врага и погрузила отрубленную голову Кира в кровь, выполняя таким образом собственную угрозу. Согласно легенде, царица приказала сделать из черепа Кира кубок.

Сишельгаита

В 1058 году, когда норманнские завоеватели добрались до Северной Италии, лангобардская княжна Сишельгаита была выдана замуж за предводителя завоевателей Роберта Отви́ля по прозвищу Куница. Подобные союзы были довольно распространенным явлением: приобретения, добытые с помощью меча, часто узаконивались перед алтарем.

Хотя Сишельгаита легко могла стать скромной пешкой

в политических играх сначала отца, а потом мужа, этому не суждено было случиться. Если уж говорить начистоту, поведение этой особы казалось настолько выдающимся, что спустя столетие о ней писала другая дама благородных кровей. Согласно Анне Комниной, византийской царевне и историку, жившей в XII веке, в 1081 году Сишельгаита решительно выступила против войны норманнов с Византией. Роберт Отвиль к этому времени уже покорил бóльшую часть Южной Италии, включая Салéрно. Сишельгаита убеждала мужа не искушать свою удачу, воюя с соседней сверхдержавой. Когда же выяснилось, что Роберт не собирается прислушиваться к ее советам, Сишельгаита решила совершить куда больше того, что диктовал ей супружеский долг. Облачившись в доспехи и «являя собою грозное зрелище», она вместе с мужем и его воинами направилась в город Бриндизи, расположенный на побережье Италии, а затем пересекла Адриатику, для того чтобы биться с византийцами на их территории.

Роберт и его норманны во многом уступали византийцам. Опасаясь за свою жизнь, люди Роберта начали отступать. Это не на шутку разозлило Сишельгаиту. Бросив гневный взгляд на норманнов, женщина закричала: «Куда вы бежите? Стойте! Бейтесь как мужчины!» (Возможно, ее слова несколько отличались от этого стиля, достойного Гомера, но так уж записала их Анна Комнина.) Далее предание повествует: «Когда же мужи продолжили разбегаться, она схватила длинное копье и бросилась с этим оружием на них. Воины одумались и повернули обратно, чтобы сражаться».

Они победили, но удача недолго сопутствовала Роберту. Спустя два года ему пришлось вернуться в Италию и защищать своего союзника Папу Римского от притязаний императора Священной Римской империи. Прошло еще два года, и Сишельгаита вместе с мужем вернулась в Византию, готовая возобновить борьбу. На этот раз ее зажигательных речей оказалось недостаточно для успеха военного похода. На обратном пути, вдобавок ко всем бедам, ее муж смертельно заболел и слег с лихорадкой. После этого норманны никогда больше не смогли отвоевать земли, которые они уступили Византии.

В 1085 году, когда Роберт лежал на смертном одре, Сишельгаита вновь проявила свою храбрость, на этот раз в довольно предосудительном деле. Предполагают, что она пыталась отравить сына Роберта от первой жены и тем самым расчистить дорогу к трону для собственного сына. Умирающий муж узнал о ее планах и заставил Сишельгаиту дать его сыну противоядие. После этого, как полагают, женщина отравила

мужа, во всяком случае, ускорила его смерть.

Со временем Сишельгаита устранила расхождения во мнениях с сыном Роберта, и ее собственному сыну позволено было стать герцогом. До самой смерти, случившейся в 1090 году, она оставалась могущественной и влиятельной герцогиней.

Рани Дурвагати

Рани (княгиня) Дурвагати сопротивлялась завоевателям-моголам. Она сражалась даже после того, как *стрела вонзилась ей в глазницу.*

Женщина родилась в 1524 году на территории, которая составляет сейчас северную часть Центральной Индии. Дурвагати принадлежала к роду правителей княжества Чандел, вот уже три столетия повелевавших своим народом. Вступив в брак с принцем из княжества Гондвана, она способствовала союзу двух ранее независимых династий. Когда в 1545 году умер ее муж, сын Дурвагати не мог править из-за слишком юного возраста, поэтому, как это часто бывало, вместо сына стала править его мать. Последующие два десятилетия ее правления были периодом экономического процветания и успешной защиты от поползновений соседних государств Мальвы и Бенгалии.

В 1564 году Дурвагати столкнулась с врагом еще более сильным и безжалостным. Падишах моголов Акбар[6] вознамерился присоединить земли Гондваны к своей державе. Сначала Акбар направил послание, в котором Дурвагати предлагалось признать власть правителя моголов и платить ему дань. В этом случае он обещал не нападать на ее владения. Дурвагати отказалась, заявив, что лучше умереть свободной, чем жить рабыней иноземного правителя. После этого Акбар послал свои войска, желая довести рани до одного из выше названных состояний.

Дурвагати выступила во главе собственной армии, вооружившись луком и стрелами. После того как ее войска понесли большие потери, а сын был ранен, дела и вовсе приняли печальный оборот. Стрела угодила рани в глаз. Не потеряв присутствия духа и желая продолжать сражаться, княгиня обломила древко стрелы, оставив наконечник в ране. Следующая стрела вонзилась ей в шею. Страшась попасть в плен, Дурвагати приказала погонщику своего боевого слона убить ее. Когда тот отказался, женщина закололась собственным кинжалом.

Битва была проиграна, а вместе с ней потеряно княжество.

Амина из Зариа

XVI столетие. Амина была старшей дочерью правительницы обширных плодородных территорий между озером Чад и рекой Нигер, составляющих в настоящее время северо-центральную часть государства Нигерия. Говорят, эта женщина была лучшей наездницей и стрелком из лука среди народа хауса. Эта принцесса с «розовыми пятками», как описывают ее легенды, защищала свои земли от других африканских племен, недавно перешедших в ислам.

Умелая лучница, она поражала мишени, расположенные на самых дальних холмах. Амина скакала на коне по прозвищу Демон, который фыркал огнем. Во главе армии из более чем двадцати тысяч человек Амина вернула себе территории, прежде захваченные врагами, и пошла дальше, до самого истока реки Нигер. Для защиты границ своего государства Амина приказала построить ряд крепостей, остатки которых сохранились до настоящего времени. В каждой завоеванной деревне она выбирала себе любовника, которого бросала, когда ее армия перебиралась на новое место.

Кроме военных действий и коллекционирования любовников, Амина занималась тем, что способствовала развитию караванной торговли через пустыню Сахара. Эта женщина правила тридцать четыре года. Память о ней до сих пор живет в названиях школ и других учреждений Нигерии.

Ольга Киевская (890–969) Княгиня, которая, несмотря на организованную ею резню, стала святой

Киевская Русь

Судя по всему, княгиня Ольга была замужем за жадным человеком, жадным и к тому же недалеким. Звали его Игорем. Он был не слишком популярным у народа правителем Киевской Руси, государства X века, от которого берет свои истоки современная Россия. Название свое в исторической литературе Киевская Русь получила от города Киева, бывшего его столицей. Подданные князя роптали по поводу войн, которые Игорь вел против древлян – славянского племени, чье княжество находилось к западу от его владений, и последующего ограбления покоренных. Если Игорь не пользовался любовью среди собственного народа, то можно себе представить, как ненавидели его древляне. Ненависть эта могла только возрасти после того, как Игорь силой оружия покорил древлян и заставил их платить *ежегодную* дань не раз в год, а дважды.

В 945 году Игорь потребовал у древлян еще больше: больше денег, больше пушнины, больше меда… Князь Мал, предводитель древлян, заявил товарищам: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». Схватив князя Игоря, древляне избрали для него мучительную казнь: они привязали его к верхушкам двух деревьев и разорвали надвое. После смерти мужа Ольга осталась вдовой с трехлетним сыном Святославом, который не то что усидеть на троне, залезть на него не смог бы самостоятельно.

А потом и самих древлян обуяла жадность. Осмелев после смерти тирана, они решили: «Вот убили мы князя русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим».

Замысел был не таким уж плохим, если бы они не упустили из вида одно обстоятельство – характер княгини Ольги.

Кровавая месть

Рассказ о том, как княгиня Ольга отреагировала на вызов со стороны древлян, содержится в «Повести временных лет», также называемой «Первоначальной летописью». Это собрание легенд и рассказов повествует о временах образования древнерусского государства.

В «Повести временных лет» рассказывается о том, что древляне послали двадцать своих знатных мужей вести с княгиней переговоры. Ольга учтиво их приняла и спросила, что привело их к ней. «Любезна мне речь ваша, – ответила послам княгиня. – Мужа моего мне уже не воскресить». Затем княгиня пригласила древлян вернуться к ее двору на следующий день, тогда она сможет подготовить им достойную встречу. Ночью по приказу Ольги ее челядь выкопала глубокую и широкую яму перед крыльцом княжеского терема. На следующий день, когда послы вернулись, их бросили в эту яму и похоронили живьем. В то время как их засыпáли землей, княгиня Ольга склонилась над краем ямы и спросила, по душе ли дорогим гостям оказанный ею прием. Но на этом ее месть не закончилась.

После этого княгиня Ольга послала к древлянам гонца, требуя к себе самых родовитых и доблестных мужей, дабы они сопровождали ее в Древлянскую землю к князю Малу. Если же они не окажут ей великой чести, то ее народ, предупреждала Ольга, не отпустит ее. Одураченные древляне ей поверили. Княгиня Ольга устроила им любезный прием, лично провела в баню, где послы могли помыться после долгого путешествия. Когда древляне оказались внутри бани, Ольга приказала запереть дверь и поджечь строение. Раунд второй.

Очевидно, никто не рассказал древлянам о том, что все их послы убиты. Они ни о чем не подозревали, когда Ольга прислала им очередного гонца. На этот раз гонец заявил, что княгиня скоро прибудет. Пусть древляне заварят «меды многие в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своем муже». Ольга привела с собой небольшую дружину. Когда древляне поинтересовались, где их самые родовитые и доблестные мужи, княгиня солгала, утверждая, что они на подходе. А потом она предложила всем садиться пировать и пить хмельные меды. Древляне с удовольствием приняли ее предложение. Когда они напились, княгиня Ольга приказала своим воинам наброситься на пьяных и перебить их. Так погибло пять тысяч древлянских мужей.

Но и на этом ее месть не закончилась.

Ольга вернулась в Киев и, созвав «много храбрых воинов»,

пошла войной на выживших древлян. Ее воины собрали кровавую жатву по деревням и весям Древлянской земли. Когда города пали под ударами кровожадных завоевателей, побежденные спрятались за стенами столичного города Искоростеня. Княгиня Ольга и ее войско провели год под стенами города, желая взять его силой оружия, но безуспешно. Тогда у княгини созрел новый план.

Ольга послала к древлянам гонца и велела ему сказать: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и согласились на дань, и уже возделывают свои нивы и земли; а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть от голода». Древляне ответили, что рады будут заплатить княгине дань, но боятся ее мести.

Княгиня Ольга на это заявила: «Я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву, и во второй раз, а в третий – когда устроила тризну по своем муже. Больше уже не хочу мстить. Я хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Дань, которой облагала древлян княгиня, была малой. Ольга потребовала по три воробья и по три голубя ото всех, живущих в городе. Жители Искоростеня с радостью отдали ей птиц.

Но и на этом месть княгини Ольги не закончилась.

Когда наступила ночь, княгиня приказала своим воинам привязать кусочки ткани, пропитанные серой, к лапкам птиц. Затем крылатых поджигателей выпустили на свободу. Они полетели прямиком к домам, где жили, и подожгли их. Ольга приказала ловить и убивать беглецов из горящего Искоростеня.

Только теперь Ольга была удовлетворена своей местью.

Неправедная православная святая

«Повесть временных лет» была написана спустя несколько столетий после смерти Ольги. Неясным остается то, является ли рассказ о ее кровавой мести правдивым. Дело в том, что эта история имеет несколько параллелей в скандинавских сагах. Судя по всему, викинги особое внимание уделяли вдовам, жестоко мстящим за своих мужей. Если хронология верна, то Ольге должно было быть около пятидесяти пяти лет, когда она отправилась в военный поход на древлян. Другие источники, впрочем, подтверждают отдельные эпизоды «Повести временных лет», в частности жестокое убийство Игоря и в равной степени жестокую месть, которая за этим последовала.

В любом случае Ольга – историческая личность, хотя

историкам мало что известно о ее жизни до страшной мести. Через мужа она принадлежала к династии Рюриковичей, основателем которой был предводитель викингов Рюрик, вступивший на престол в 862 году. Эта династия правила на Руси до XVI века включительно. Когда Ольга пришла к власти, Киевская Русь представляла собой рыхлую федерацию славян, варягов и прочих языческих племен. После мести за мужа княгиня Ольга управляла сильной рукой еще по крайней мере два десятилетия вместо своего сына. Она стала первым правителем Киевской Руси, начавшим чеканить собственные монеты. Вследствие ее нововведений государство стало более централизованным. Всюду по Европе и Средиземноморскому региону разъехались ее послы.

Княгиня Ольга была первой из династии, кто перешел в христианство будущего православного обряда. Этот шаг открывал больше возможностей в сфере дипломатии и торговли с соседними, уже принявшими христианство византийцами, жителями Моравии и болгарами. Рассказ о ее крещении в Константинополе в 954 или 955 году – очередной пример ее хитрости. В легенде рассказывается, что Константин Седьмой был настолько пленен ее красотой, что предложил выйти за него замуж. Ольга, в свою очередь, хотела торговать с Византийской империей, а не давать Константину Седьмому повод претендовать на власть в Киевской Руси. Княгиня заявила, что этот брак невозможен, ведь она не христианка. Если император согласен крестить ее самолично, то она подумает. Церемония состоялась. После этого, когда Константин Седьмой вновь заикнулся о своем предложении, Ольга ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? А у христиан не разрешается это. Ты и сам это знаешь».

Обращение княгини в христианство сделало ее причастной к религиозному меньшинству в собственной стране, что впоследствии сделало ее святой. Хотя попытки Ольги широко распространить христианство на Киевской Руси во время ее правления ни к чему не привели, эту женщину считают «бабушкой» Церкви в Украине и России.

Существует мнение, что кровавая месть за смерть мужа уходит корнями в ее языческое прошлое. После смерти княгиню Ольгу начали почитать за ее благочестие. Впоследствии церковные биографы писали, что «хотя у нее было женское тело, храбрость у княгини была мужская». Ей расточали разного рода похвалы, например, что «среди язычников она сверкала подобно жемчужине в навозной яме». «Отбеливание» ее образа принесло свои плоды. В наши дни украинцы знают ее под именем святой

Ольги. В 1997 году был учрежден орден княгини Ольги, кровавой святой Киевской Руси.

Хутулун-Чаха (около 1260–1306) Дочь хана, побеждавшая мужчин в единоборстве

Центральная Азия

Родители Хутулун-Чаха очень волновались за свою дочь. И дело было не в том, что девушка вела себя как юноша. Большинство монгольских женщин в XIII веке вели себя довольно грубо. Родителей беспокоило то обстоятельство, что дочери скоро должно было исполниться двадцать лет, а она до сих пор не вышла замуж. По меркам того времени ее вполне уже можно было назвать старой девой. Хутулун-Чаха отказывалась выходить замуж за того, кто не сумеет победить ее в любимом виде спорта – борьбе… Пока что никому это не удавалось. Хуже того… Поползли грязные слухи о том, почему девушка не выходит замуж. Это начало марать доброе имя ее отца.

Храбрый «принц», который ничем не уступал Хутулун-Чахе, бросил ей вызов. Он был настолько уверен в победе, что поставил на кон тысячу лошадей. Заинтересованные родители начали уговаривать дочь поддаться ему, но не было никакой уверенности в том, что Хутулун-Чаха сдастся даже ради интересов ханства.

Всегда готова к драке

Война была у Хутулун-Чахи в крови. Девочка родилась около 1260 года. Отцом ребенка был хан Хайду, кровавый правитель Центральной Азии. Хутулун-Чаха приходилась племянницей хану Хубилаю[7] и праправнучкой самому Чингисхану. Девочка росла среди четырнадцати братьев. Больше дочерей в семье не было. То, что Хутулун-Чаха увлеклась борьбой, неудивительно. Удивляться приходится тому, что в этом спорте она достигла таких вершин, что никто в ханстве не мог ее победить. В этом-то и таилась главная проблема.

В некоторых источниках ее называют «красивой», но, скорее всего, это не больше чем художественное преувеличение. На самом деле Хутулун-Чаха была ширококостной, широкоплечей девушкой, которая еще в раннем детстве научилась ездить верхом

и стрелять из лука. У монголов мальчиков и девочек с детства учили защищать свои стада от грабителей. Лук представлял собой идеальное оружие для женщин и детей – при обращении с ним нужна не сила, а точность. Других монгольских девочек борьбе не учили, а вот для Хутулун-Чахи сделали исключение. Девочка показала себя исключительной и в других отношениях. Со временем отец очень привязался к своей дочери. По мере того как Хутулун-Чаха росла, хан Хайду все больше полагался на ее силу, помощь, совет и боевое искусство.

Поведение Хутулун-Чахи привлекло к себе внимание чужеземцев, среди которых особое место занимает Марко Поло, странствующий венецианский купец, чьи рассказы о путешествиях по Востоку разожгли у европейцев интерес к расположенным там странам. Среди ханских монгольских родов, напротив, такое поведение ничем не выделялось. Ханши не только стреляли из лука, но и командовали войсками, соревновались в скачках и управляли огромными территориями. Чингисхан, к примеру, считал своих дочерей куда лучшими военачальниками, чем сыновей. Он даровал им ханства, которые женщины защищали как одержимые против набегов своих родных братьев.

Хутулун-Чаха, по-видимому, унаследовала эту Х-хромосому монгольской воинственности у своих предков. Хан Хайду постоянно воевал с армиями хана Хубилая. В пылу битвы, подле отца, девушка производила ужасающее впечатление на противника. Марко Поло писал, что в подходящий момент она «бросалась в гущу врагов и, накинувшись на какого-нибудь воина, как ястреб на птицу, тащила его к отцу».

Истории о боевом мастерстве Хутулун-Чахи попали в современные ей летописи вместе с другими подобного рода повествованиями об одержимых войной, безжалостных и кровожадных монголах. Среди соплеменников же Хутулун-Чаха прославилась именно своими борцовскими качествами. Ее невозможно было победить. Во время борцовских соревнований монголы часто ставили на кон лошадей. Поговаривали, что Хутулун-Чаха выиграла более десяти тысяч лошадей. Марко Поло писал, что эта «великанша» соглашалась выйти замуж только за того, кто сможет победить ее в единоборстве.

Достойный соперник

К 1280 году враги семьи начали распространять слухи о том, что Хутулун-Чаха отказывается выходить замуж потому,

что является любовницей собственного отца. А затем появился молодой высокородный «принц», который не пожалел тысячи лошадей за попытку. По описанию, данному Марко Поло, он был «молодым щеголем, сыном богатого и могущественного правителя, мужем доблестным, сильным и отважным». В другом месте венецианец пишет о его «красоте, бесстрашии и силе». Видя в сватовстве этого «принца» выход из сложившейся затруднительной ситуации, родители Хутулун-Чахи уговаривали дочь поддаться ему.

Сначала казалось, так и будет. Марко Поло, любимый исторический турист, присутствовал на поединке. «Они обхватили друг друга руками и стояли, меряясь силой. Долгое время никто не мог взять верх». Но потом Хутулун-Чаха приподняла и бросила своего соперника «на мощенный камнями двор дворца». «И когда он увидел себя лежащим, а ее стоящей над ним, великий стыд омрачил его сознание». Теперь у Хутулун-Чахи не было «принца», но прибавилось лошадей, которых приходилось кормить.

Впоследствии, к величайшему облегчению ее родителей, Хутулун-Чаха вышла замуж, но не за человека, победившего ее в единоборстве, а за того, кого полюбила. О нем мало что известно, за исключением того, что Хутулун-Чаха сама выбрала его себе в мужья. Но даже замужество не смогло утихомирить ее буйный нрав. Хутулун-Чаха по-прежнему сражалась подле отца, воины которого все глубже вторгались на территорию Монголии и Китая. Когда в 1301 году хан Хайду умер от полученных в бою ран, стали поговаривать, что Хутулун-Чаха должна унаследовать его власть над ханством.

Но родня богатырки, в особенности ее братья, была против. По словам ее современника, персидского историка, один из братьев сказал: «Управляй лучше ножницами и иглами!» Что произошло в дальнейшем, неизвестно. Ее недоброжелатели пишут, что годы после смерти отца Хутулун-Чаха провела, «разжигая повсюду пламя междоусобиц и мятежей» и сражаясь на стороне одного из братьев, который тоже хотел стать ханом. В 1306 году она погибла. По одним сообщениям, Хутулун-Чаха была убита в бою, по другим, ее лишил жизни один из братьев-соперников.

Со смертью Хутулун-Чахи заканчивается целая эпоха в истории Монголии и созданной Чингисханом империи. Эта женщина стала последней из диких воительниц, последней из предводительниц монгольских племен. Согласно одной теории, когда женщин устраняют от власти, во главе империй становятся все более праздные мужчины. В результате этого

процесса империя монголов сначала впала в эпоху стагнации, а потом развалилась на несколько государств.

Легенду о Хутулун-Чахе наверняка позабыли бы, если бы не экзотическая повесть под названием «Турандот», вошедшая в сборник преданий, изданных в 1710 году французским ученым Пти де ла Круа. На историю «принцессы» де ла Круа наткнулся во время работы над биографией Чингисхана. Под его пером жестокая дочь хана, обожающая борьбу, превратилась в девятнадцатилетнюю наследницу придуманного им китайского императора, которая отказывается выйти замуж за претендента на ее руку, если он не докажет, что равен ей в интеллектуальном плане. В 1761 году итальянский драматург Карло Гоцци написал пьесу «Турандот» о «кровожадной женщине», чья гордость – ее же погибель. Джакомо Пуччини начал сочинять оперу под таким же названием, которую после его смерти, в 1924 году, доработал его коллега.

В монгольской культуре Хутулун-Чаха навсегда оставила свой след в том виде спорта, который так любила. В наши дни, когда монголы борются, они выходят в рубашках-распашонках с длинными рукавами и открытой грудью, возможно, для того, чтобы продемонстрировать соперникам, что они мужчины. Это дань памяти женщине, которая никогда не терпела поражения.

Лакшми-баи (1834–17 июня 1858) Жена махараджи, которая возглавила повстанцев, неся приемного сына у себя за спиной

Джханси, северная часть Центральной Индии

Рани (княгиня) Лакшми-баи княжества Джханси умерла в пылу битвы, зажав поводья своего коня в зубах и по мечу – в каждой руке. То ли она развернулась, чтобы зарубить солдата, который выстрелил ей в спину. То ли была ранена и прожила достаточно долго, чтобы раздать своим людям драгоценности, а они сложили для тела своей рани погребальный костер. Вариантов этой легенды множество. Как бы там ни было, а Лакшми-баи погибла и стала легендой, символом борьбы индийцев против колониального гнета.

На самом деле Лакшми-баи не собиралась восставать. Она была молодой вдовой махараджи княжества Джханси. Когда в 1857 году индийцы подняли восстание против Британской Ост-Индской компании, первоначальным намерением рани было подождать до тех пор, пока британские власти не возьмут ситуацию в свои руки. Но чиновники компании объявили, что она сочувствует мятежникам в лучшем случае или является «шлюхой бунтовщиков» в худшем. Тогда рани Лакшми-баи решила показать им, какой мятежной она может быть.

Рани

До того как стать рани Лакшми-баи (с хинди «рани» переводится как «княгиня» или «королева»), она носила имя Битур Ману. Девочка родилась в семье брамина и рано потеряла мать. Детство ее прошло в роскошном дворце бывшего пешвы (премьер-министра) распавшейся Маратхской империи[8]. Ману росла и играла среди мальчиков, поэтому училась тому, чему учили их. Девочка научилась читать и писать, ездить на коне и слоне, владеть мечом и запускать воздушного змея. Говорили, что Ману отличалась исключительной храбростью. Однажды,

когда взбесившийся слон вырвался на свободу в городе, Ману запрыгнула ему на хобот и утихомирила животное, прежде чем оно успело причинить значительный вред. Неизвестно, сколько в этой истории правды, а сколько вымысла, последнего, скорее всего, больше, но несомненным остается одно: маленькая Ману была выдающимся ребенком.

В 1842 году ее выдали замуж за бездетного вдовца, пожилого махараджу города-государства на севере Центральной Индии, который находился в вассальной зависимости от Британской Ост-Индской компании. Согласно источникам, невесте тогда было всего лишь восемь лет. В XIX веке среди правящей элиты такой возраст вступления в брак не был чем-то необычным. После свадьбы ей дали новое имя – Лакшми-баи. Вольное детство девочки-сорванца закончилось. Дальнейшая ее судьба была связана с Джханси, жаркой и безводной местностью, жители которой называют свирепые пылевые бури «дыханием дьявола».

В четырнадцатилетнем возрасте Лакшми-баи стала женщиной, а в семнадцать забеременела. Рождение сына, наследника махараджи, принесло счастье, но оно было недолговечным – ребенок скончался в трехмесячном возрасте. Вскоре за ним последовал скорбящий муж.

В ноябре 1853 года в возрасте девятнадцати лет рани Лакшми-баи осталась вдовой. Незадолго до своей смерти махараджа, желая избежать поглощения Джханси Ост-Индской компанией, усыновил пятилетнего мальчика и объявил его своим наследником. До его совершеннолетия управление государством возлагалось на Лакшми-баи. Но лорд Дальхузи[9], генерал-губернатор, поставленный на свой пост компанией, отказался признать законность прав Лакшми-баи и усыновленного мальчика. В начале 1854 года Британская Ост-Индская компания аннексировала Джханси под предлогом того, что под непосредственной властью англичан его жителям будет лучше. Рани Лакшми-баи гарантировали выплату пожизненной пенсии и разрешили остаться во дворце махараджи. Женщина принялась писать письма лорду Дальхузи, объясняя существующие отличия между британскими и индийскими законами, но генерал-губернатор остался непреклонен. Ост-Индская компания поглотила Джханси.

Возмущение

Британское присутствие в Индии могло бы показаться нелепым, если бы не большие деньги, выкачиваемые из страны,

и претензии на то, чтобы называться империей. Ост-Индская компания правила с 1773 года в землях, которые непосредственно находились под ее властью и были главным образом либо захвачены во время войн, либо аннексированы «мирным» путем, а также через местные династии правителей, которые были марионетками в руках английских чиновников. Но Индия была страной жаркого климата и множества болезней. Колонизаторы к такому не привыкли. Местное население роптало из-за ограничений, налагаемых на их автономию. Британцы часто не выказывали должного уважения к местным традициям, законам и религиозным верованиям. Рано или поздно это должно было плохо закончиться.

В мае 1857 года индийские сипаи (войска из местного населения, нанятые Ост-Индской компанией) решили, что с них хватит. Искрой, поджегшей пороховую бочку, стало решение армейских командиров, находившихся на службе у компании, использовать винтовочные патроны с бумажной оболочкой, пропитанной животными жирами. Чтобы зарядить оружие, необходимо было добраться до пороха, разорвав оболочку зубами. При этом солдаты рисковали попутно «пригубить» немного жира. Теперь это может показаться смешным, но жир был свиным или коровьим. Индуисты возмутились, потому что, согласно их религиозным верованиям, корова – священное животное, а свинья считалась грязным животным. Вера мусульман строго запрещала им употреблять в пищу продукты из свинины. Жир был заменен на другой, но семена недовольства уже были посеяны. Несколько сипаев отказались пользоваться патронами.

Десятого мая, после того как взбунтовавшиеся сипаи предстали перед военным трибуналом и были приговорены к каторжным работам, в городе Мирут началось восстание. Британцев перебили, когда те вышли из церкви после окончания службы. По городу прокатилась волна убийств, мародерств, изнасилований и поджогов. В близлежащем Дели воцарился хаос. Там последний падишах Могольской империи оказал бунтарям помощь и поставил своего сына, не имеющего никакого военного опыта, командовать войсками.

Спустя месяц после начала восстание докатилось до Джханси, где британские чиновники за четыре года своего правления не смогли завоевать расположение у местного населения. Во-первых, они сняли запрет на забой коров, чем разгневали верующих индуистов. Во-вторых, потребовали, чтобы доходы, прежде направлявшиеся на нужды индуистских храмов, передавались теперь Британской Ост-Индской компании. В-третьих, заставили Лакшми-баи оплатить часть государственных

долгов ее мужа из положенной ей по договору пенсии и не допускали к деньгам, оставленным покойным махараджей усыновленному им ребенку. Рани писала ходатайства, ратуя за интересы своих бывших подданных, но не получала на них ответа. Ко времени, когда мятеж достиг Джханси, гнев накапливался уже довольно долго.

Кипящее негодование прорвалось наружу 8 июня 1857 года. Британцы нашли убежище в крепости города. После сдачи вооруженным силам повстанцев шестьдесят один человек (мужчины, женщины и дети) были убиты. Несмотря на более поздние свидетельства, Лакшми-баи, кажется, все же не принимала непосредственного участия в этой резне. В это время она сидела в своем дворце, вокруг которого толпились вооруженные мятежники.

Когда в конце месяца повстанцы покинули Джханси, с ними отбыли остатки разгромленной британской администрации. Рани взяла бразды правления в свои руки. Для укрепления обороны страны она приказала набирать войска, отливать пушки и делать оружие. Согласно распространенной легенде, Лакшми-баи тренировала собственный полк женщин-солдат. Правда это или нет (судя по всему, нет), эта армия первоначально создавалась не для войны с англичанами. Куда больше Лакшми-баи тревожили раджи-соседи, которые, воспользовавшись безвластием, принялись создавать собственные империи. В сентябре и октябре 1857 года она успешно отбилась от двух таких метивших в императоры правителей.

Хотя у Лакшми-баи было достаточно причин связать свою судьбу с мятежниками, в течение всего лета и осени рани пыталась наладить отношения с изгнанными британскими властями. Так, например, когда повстанцы, осадив англичан в крепости, потребовали от Лакшми-баи оружия и денег, рани подчинилась их требованиям, но написала англичанам письмо, в котором пыталась оправдаться за свои поступки и просила защитить ее от соседей. Ответа на свое письмо она так и не получила. Когда начальник местной тюрьмы спросил у рани, будет ли она сражаться против англичан, Лакшми-баи сказала, что уступит им власть без боя. Британцы, впрочем, ей не поверили.

Спустя месяцы после начала восстания в британской прессе и официальных документах компании Лакшми-баи начали именовать «мятежницей». Ее называли «развратной» женщиной, «распутницей» и «шлюхой», виновной в кровавой резне безоружных людей в крепости. Британцы хотели найти виновника, и Лакшми-баи как нельзя лучше подходила на эту

роль.

К зиме 1858 года плохо организованное восстание начало угасать. Бóльшая часть Северной Индии вернулась под власть колонизаторов. К концу февраля британские войска выступили в поход на Джханси. Вернуть город они собирались с помощью силы. После нескольких месяцев безуспешных заверений в дружбе и просьб о помощи Лакшми-баи начала понимать, что если она попадет в руки к англичанам, то ее будут судить и повесят как бунтовщицу. Если же она поддержит повстанцев, то по крайней мере умрет в борьбе. Когда британские войска подошли совсем близко, рани наконец стала той, кем ее уже долго считали колонизаторы, – мятежницей.

Бунтовщица по причине[10]

Двадцать третьего марта осада Джханси началась. Лакшми-баи самолично руководила обороной города под артиллерийским огнем англичан. Когда окружающие город крепостные стены начали рушиться, она приказала их отстроить. Тридцатого марта подоспел еще один предводитель повстанцев, друг ее детства, во главе с двадцатитысячной армией. Надежда, впрочем, быстро угасла, когда необстрелянные новобранцы повстанческой армии разбежались, а британские войска проникли в город через пробоины в стенах. Современные этим событиям источники сообщают о том, что «кровь лилась по улицам», когда защитники Джханси сходились в рукопашную с британскими солдатами. Дворец махараджи пал, но, пока британцы готовились пойти на последний приступ, генерал получил известие о том, что Лакшми-баи вместе с группой повстанцев удалось улизнуть от них.

Оборона Джханси была преодолена, но еще более опасным было то, что запас питьевой воды в крепости иссяк. Лакшми-баи не оставалось ничего иного, кроме как бежать. Рани переоделась в воина. Сев на коня с усыновленным ребенком, либо висящим у нее за спиной, либо лежащим на коленях, Лакшми-баи умчалась в ночь. Британская кавалерия преследовала ее по пятам. Офицер приблизился к ней на расстояние сабельного удара, но женщина, опередив его, рубанула первой. Отсюда, скорее всего, ведет свое начало распространенный фольклорный мотив – Лакшми-баи, мчащаяся в бой с младенцем за спиной. Если бы это не было легендой, то приемная мать из рани была бы никудышной.

За голову Лакшми-баи назначили цену. Она присоединилась к другим мятежникам в Калпи, городе, расположенном

на расстоянии девяноста миль к востоку от Джханси, но, к великому неудовольствию рани и досаде людей, проживающих в этой местности, командование над войсками поручили не Лакшми-баи, а другу ее детства, который не смог спасти Джханси, даже когда его армия превосходила британскую в пять раз.

Первым пал город Кунч. За ним сдались защитники Калпи. Рани Лакшми-баи едва успела сбежать оттуда. Повстанцы решили сделать местом последнего боя город Гвалиор. Его жители традиционно поддерживали англичан, но во время восстания мятежникам удалось переманить солдат на свою сторону. Уверовав, что в Гвалиоре они обязательно победят, предводители повстанцев принялись праздновать победу еще до начала битвы. Пока ее товарищи ели, молились и пели, Лакшми-баи объезжала войска, вооруженная саблей и пистолетом.

Когда 17 июня 1858 года британцы подошли к городу, рани и ее воины ждали их у ворот Гвалиора. Одетая в полное боевое снаряжение, Лакшми-баи, выхватив саблю, бросилась в бой и, если верить источникам, храбро смотрела смерти в лицо.

Точные обстоятельства ее смерти остались невыясненными. Согласно одной легенде, она погибла в пылу битвы, зажав поводья своего коня в зубах и по мечу – в каждой руке. Согласно другой, ей выстрелили в спину, и рани, развернувшись, выстрелила в своего убийцу, а затем ее проткнули насквозь саблей. Согласно третьей легенде, Лакшми-баи получила смертельную рану, но прожила достаточно долго, чтобы приказать своим воинам соорудить для нее погребальный костер. Раздав свои золотые драгоценности приближенным, она, пошатываясь, вошла в огонь и сгорела там живьем. Как бы там ни было, а со смертью Лакшми-баи восстание угасло само собой. Британские войска захватили дорогу на Гвалиор, а вскоре пал и сам город. Мятеж был подавлен.

Несмотря на поражение, восставшие добились одной важной победы: правлению Британской Ост-Индской компании в стране пришел конец. К августу 1858 года поднятая пыль улеглась и компания была официально ликвидирована, но британский эксперимент в Индии на этом не закончился. Королева Виктория приняла титул императрицы Индии, а ее правительство вступило в правление страной, которая теперь официально называлась Британской Индией. Независимость страна получила только в 1947 году, но до 1950 года оставалась доминионом британской короны.

На протяжении борьбы индусов за независимость легенда о рани Лакшми-баи имела важное пропагандистское значение.

Сейчас об этой женщине рассказывают детям в школе. Рани является героиней множества книжек-комиксов. Лакшми-баи превратилась в политический символ, стала индийской Жанной д'Арк. Даже сэр Хью Роуз[11], видевший «храбрейшую из вождей бунтарей» на поле боя, утверждал, что «лучшим воином на стороне врага была рани из Джханси».

Узурпаторши Принцессы, узурпировавшие власть в мире мужчин
Хатшепсут (около 1508–1458 гг. до н. э.) Царица, правившая Египтом как фараон

Древний Египет

Хатшепсут должна была знать пару секретов из области связей с общественностью. А как еще можно объяснить то, что страдающая ожирением, лысеющая царица средних лет смогла превратиться в глазах египтян в обожествляемого, поджарого, атлетически сложенного фараона? Нам посчастливилось, что те, кто намеревался вычеркнуть Хатшепсут из истории, не особо в этом преуспели. В противном случае мы, пожалуй, так ничего и не узнали бы об одной из наиболее величественных женщин-правительниц Древнего Египта, которые долго и успешно правили страной. А ведь их было не так уж и много: за несколько тысячелетий только трем удалось заполучить в свои руки титул и власть фараона.

Царица золотого века

Хатшепсут родилась в период Нового царства, во времена, когда Древний Египет переживал эпоху расцвета. Она была старшей дочерью Тутмоса Первого, правителя двадцать восьмой династии, великого полководца, и царицы Яхмес, его супруги. Согласно заявлениям самой Хатшепсут, в правдивости которых есть все основания сомневаться, она была любимицей отца: после своей смерти Тутмос Первый хотел передать власть именно ей. К сожалению, отец не успел оформить свои пожелания как полагается, поэтому после смерти Тутмоса Первого его приемника выбрали среди сыновей, рожденных от наложниц в гареме.

Предпочтение отдали принцу Тутмосу, сыну покойного

фараона от одной из младших цариц. Чтобы упрочить свои притязания на трон, принц пожелал жениться на своей единокровной сестре Хатшепсут. (Смотрите «Семейные дела. Инцест в царских семьях», с. 54). Не встретив никакого противодействия, принц стал фараоном Тутмосом Вторым, а его единокровная сестра – царицей.

Спустя три года Тутмос Второй скоропостижно скончался. КТ-сканирование его останков выявило, что фараон умер от сердечного приступа. Вновь началась борьба за трон. Хатшепсут была женщиной, поэтому очередной принц, рожденный от наложницы, несмотря на малолетство, был провозглашен фараоном под именем Тутмос Третий.

Вдовствующая царица стала регентшей при мальчике, который был ее племянником и пасынком в одно и то же время, до тех пор пока он не подрастет и не сможет править самостоятельно. В те времена такая практика была обычной для Древнего Египта: матери правили вместо несовершеннолетних сыновей, а жены заменяли отсутствующих на войне мужчин. Года два Хатшепсут играла роль добросовестной регентши, признавая за Тутмосом Третьим власть, а потом произошло нечто странное: Хатшепсут отодвинула в сторону малыша-фараона и сама себя короновала.

Женщина-фараон

Этот шаг требовал не просто храбрости, а настоящего мужества, мужества в прямом смысле слова, потому что божественный порядок требовал, чтобы фараон был обязательно мужчиной. И как же ей это удалось? Ее стратегический план состоял из трех частей. Во-первых, Хатшепсут заявила, что отец видел в ней свою наследницу. Это заявление усиливалось тем обстоятельством, что претендентка на престол была голубых кровей, а не случайным последствием связи с одной из младших цариц, как, например, Тутмос Третий. Во-вторых, Хатшепсут утверждала, что была зачата от царя богов Амона, который, приняв образ ее отца, совокупился с ее матерью. После этого Хатшепсут начала называть себя «божественной женой Амона». Смысла в этом заявлении не много, но оно должно было подчеркнуть ее благородное происхождение в качестве дочери и жены верховного бога. В-третьих, она сделала очень разумный с политической точки зрения шаг, отправив в изгнание всех царедворцев, выдвинувшихся не при ней, а затем посадив на их места людей, всем обязанных непосредственно ей.

За стенами своего дворца Хатшепсут развернула широкую пропагандистскую кампанию. Ради того чтобы увековечить себя в образе фараона, она приказала изображать ее мужчиной. На официальных барельефах и скульптурных изображениях мы видим поджарого, атлетически сложенного мужчину идеальных пропорций. Голову его украшает убор, похожий на капюшон кобры. К подбородку привязана фальшивая борода. Оба эти украшения являлись необходимым атрибутом всякого фараона. Этому обстоятельству ничуть не помешал тот факт (о чем свидетельствует найденная археологами мумия Хатшепсут), что к тому времени она превратилась в страдающую ожирением женщину средних лет с наследственным дефектом в виде неправильного прикуса и с огромной обвисшей грудью.

Время правления Хатшепсут вошло в историю Древнего Египта как период мира и процветания. Главным ее достижением стало установление прочных торговых отношений с близлежащими странами. Во внешней политике Хатшепсут, судя по всему, сделала ставку не на военную, а на экономическую экспансию. После непродолжительных и успешных войн в самом начале правления Хатшепсут приказала своим солдатам переквалифицироваться в торговцев и отправиться с караванами в далекие и прибыльные экспедиции, вместо того чтобы пускаться в дорогостоящие и рискованные военные авантюры.

Часть полученных Египтом значительных богатств Хатшепсут направила на строительство, приказав подданным возводить повсюду в стране гигантские обелиски, строить и перестраивать храмы. Всюду устанавливались исчисляемые сотнями статуи самой Хатшепсут. Все это делалось ради того, чтобы потомки надолго запомнили ее имя. Как написала сама Хатшепсут на обелиске в Карнаке: «И сердце мое радуется при мысли о том, что скажут те, кто будет жить после меня, когда увидят дело рук моих».

Учитывая то, что произошло после, слова эти нельзя воспринимать без грусти и толики иронии.

Вычеркнутая из истории

Хатшепсут умерла, очевидно, вследствие осложнений, вызванных сахарным диабетом, около 1458 года до н. э. Теперь настала очередь законного наследника Тутмоса Третьего взять бразды правления в свои руки. Фараон, которому перевалило за двадцать, давно уже созрел для этого. Он зарекомендовал себя удачливым и опытным полководцем, Наполеоном Древнего

Египта, проведшим семнадцать военных походов в регионе, известном сейчас под названием Ближний Восток. Одна из наиболее значительных битв, в которой Тутмос Третий одержал победу, до сих пор преподается в военных училищах.

Когда его собственное правление начало клониться к закату, Тутмос Третий решил развязать еще одну войну. На этот раз фараон вознамерился стереть все материальные следы правления своей тети и по совместительству мачехи. Он приказал каменотесам удалить имя Хатшепсут с построенных во время ее правления монументов, заложить тексты на ее обелисках кирпичами, обезобразить или стесать ее лицо с многочисленных статуй и уничтожить фрески с ее изображением. Ее имя даже вычеркнули из официального списка египетских фараонов. И замысел удался, по крайней мере, на несколько тысячелетий о женщине-фараоне позабыли. Хотя в написанных около 300 года до н. э. жизнеописаниях фараонов имя Хатшепсут упоминалось, только в 1822 году, когда впервые были расшифрованы иероглифы, появилась возможность узнать о том, как она правила Древним Египтом.

Почему Тутмос Третий хотел вычеркнуть Хатшепсут из истории? С первого взгляда его поступок кажется чем-то бóльшим, чем свидетельство ненависти по отношению к покойнице. Древнеегипетская культура с почтением относилась к смерти, а вернее, к жизни после смерти. Отсюда проистекает одержимость египтян мумификацией. Эти люди верили, что душа человека продолжит свое существование в загробном мире, если после его смерти останется достаточно много его прижизненных изображений. Поэтому, приказав стесать имя Хатшепсут со стен, а лицо со статуй, Тутмос Третий не просто символическим образом «стирал» память о ней. Это была попытка гарантировать то, что Хатшепсут навсегда останется среди мертвых.

А может, все и не так. Египтологи давно уже спорят насчет того, как Тутмос Третий относился к Хатшепсут. С одной стороны, эта женщина захватила принадлежащую ему по праву власть, и фараон уничтожал или приписывал себе все то, что было создано во время ее правления. Это объясняет, почему ранние историки изображали ее злой мачехой, «тщеславной, амбициозной и бессовестной» женщиной, обладающей «скорее мужским характером». С другой стороны, надо иметь в виду, что Хатшепсут не убила маленького Тутмоса Третьего, хотя и имела такую возможность. Вместо того чтобы упрятать мальчика куда подальше, мачеха позволила ему обучаться военному делу. Это было потенциально рискованным решением. В армии Тутмос мог окружить себя верными сподвижниками и,

заручившись их помощью, попытаться вернуть себе власть. Впрочем, судя по всему, Тутмос Третий испытывал к своей тете-мачехе уважение. Он не приказал уничтожить ее мумифицированное тело, что было бы логично, если в намерения фараона входило лишить Хатшепсут жизни после смерти. То обстоятельство, что борьба с памятью о женщине-фараоне началась через несколько десятилетий после ее смерти, свидетельствует о том, что либо Тутмос Третий очень долго вынашивал планы мести, либо у него были иные мотивы.

Современные египтологи придерживаются мнения, что Тутмос Третий действовал, исходя из политической целесообразности, а не подталкиваемый злобой и местью. Будучи трезвомыслящим, не склонным к эксцессам правителем, фараон просто-напросто хотел присвоит себе славу предыдущей правительницы. Именно вследствие этого Тутмос Третий оставил в сохранности изображения царицы-регентши. А еще не стоит исключать вероятность того, что фараон беспокоился о судьбе своего наследника, Аменхотепа Второго. Переписав историю, Тутмос Третий упрочил положение своего сына и уменьшил риск возможных притязаний на трон со стороны других претендентов.

Даже если в вычеркивании Хатшепсут из истории не было ничего личного, Тутмос Третий нанес ей ощутимый удар. Понадобилось полтора столетия, чтобы воссоздать биографию принцессы, сумевшей стать фараоном. Ее биография до сих пор изобилует лакунами и противоречивыми, сбивающими с толку местами. К счастью, каменотесы Тутмоса Третьего добрались далеко не до всех ее изображений. В 1903 году был найден один из трех сделанных по ее распоряжению саркофагов. Тела женщины-фараона в нем не оказалось. Кирпичи, которыми закладывали резьбу по камню на ее обелисках, помогли сохранить их в неприкосновенности.

Мумия Хатшепсут была обнаружена в начале XX века лежащей без должного погребения на полу одной из мрачных гробниц Долины Царей. Расхитители могил сняли с трупа все украшения. В течение более чем двадцати лет археологи не могли отождествить эту груду костей, лишенную позолоченных регалий власти, с женщиной, когда-то правившей Египтом. Только в 2007 году ученые с полной уверенностью смогли заявить, что мумия принадлежит загадочной женщине-фараону.

Впрочем, идентификация мумии не может объяснить, почему Хатшепсут сделала то, что она сделала. Почему она оттеснила законного наследника и взошла на трон? Почему запустила помпезную пропагандистскую кампанию ради того, чтобы узаконить свои притязания? Историки обсуждали все возможные

причины: династический кризис, стремление к власти, политическая борьба, потребность укрепить свои позиции, жажда славы… Ни один ответ нельзя назвать полностью удовлетворительным. В конце концов, единственное, что мы знаем о Хатшепсут наверняка, – это то, что она была выдающейся женщиной, захватившей верховную власть и без зазрения совести ею пользовавшейся.

Семейные дела. Инцест в царских семьях

В большинстве культур мира инцест находился под запретом, но многие царственные семьи стояли выше этого закона. Почему?

Во-первых, заключение браков внутри одной семьи гарантировало то обстоятельство, что власть останется в руках членов одной и той же семьи. Заключение браков между братьями и сестрами или даже родителями и детьми было не редким в Древнем Египте, Перу времен правления инков и Таиланде XIX столетия.

Во-вторых, в некоторых культурах считалось, что инцест – удел богов. Занимаясь тем же, чем занимаются боги, земные правители упрочивают духовную связь с ними. К примеру, еще в начале XIX века старейшины племен, населявших Гавайские острова, ратовали за брак между королем Камеамéа Третьим и его сестрой, принцессой Нахиенаеной, мотивируя это тем, что так поступали старшие божества. Не так давно прибывшие на остров христианские миссионеры сочли такой союз предосудительным, поэтому королю подыскали другую невесту, но Нахиенаена и Камеамеа продолжали оставаться любовниками вплоть до смерти принцессы в 1836 году.

В-третьих, инцест выделял августейших особ из общей массы. Если монарх был благочестивым католиком, он мог выхлопотать у Папы дозволение на брак с близкой родственницей, очистив тем самым себя как перед Богом, так и перед людьми. А в это время среднестатистический Джо рисковал своей бессмертной душой, не пойдя в воскресенье на мессу.

Но не стоит забывать, впрочем, об одном обстоятельстве, делающем брак между близкими родственниками поступком неразумным и почти повсюду осуждаемым: недостаток генетической вариации сексуальных партнеров может привести к тому, что рецессивные гены вызовут опасные наследственные патологии у потомков. Косолапость и частичное расщепление нёба знаменитого древнеегипетского фараона Тутанхамона являются, судя по всему, следствием того, что его родители были

единоутробными братом и сестрой. Подобно этому фараону, дети королевских домов Европы также стали жертвами необходимости поддержания и собирания власти. Браки между троюродными или даже двоюродными братьями и сестрами заключались вплоть до середины XX века. Следствием были душевные заболевания и гемофилия. Судьба династии испанских Габсбургов может послужить ярким свидетельством опасности, которую несет в себе инцест. Династия управляла Испанией почти два столетия, постепенно склоняясь к бракам между людьми, находящимися все в большей степени кровного родства. Род прервался на Карле Втором, рожденном от дяди и племянницы, которые и сами появились на свет от родителей, состоящих в близком кровном родстве. Карл родился больным физически и психически. Язык у него был настолько велик, что мальчик впервые смог заговорить только в четырехлетнем возрасте. У принца было очень слабое тело. Самостоятельно ходить он смог лишь в восьмилетнем возрасте. Позднее, уже став взрослым, Карл Второй выказывал признаки психического расстройства. Так, к примеру, он приказал эксгумировать останки своих покойных родственников, для того чтобы он мог на них взглянуть. Карл Второй умер в 1700 году, не дожив всего лишь пять дней до своего тридцать девятого дня рождения. Наследника после себя он не оставил. То, что испанский король протянул так долго, удивило всю Европу. Освидетельствовавший смерть Карла медик писал: «В его теле не было ни капли крови. Сердце казалось не больше горошинки черного перца. Легкие были словно изъедены ржавчиной. От кишок мерзко воняло гангренозным разложением. У него было одно черное, словно кусочек угля, яичко, а черепная коробка изобиловала водой».

У Цзэтянь (17 февраля 624–16 декабря 705) Принцесса, ставшая императрицей Китая

Династия Тан в Китае

У Цзэтянь имела «сердце змеи и нрав волчицы». Она «приближала к себе подлых льстецов и губила добродетельных и верных мужей». Она «убила свою сестру, приказала зарезать старших братьев, погубила императора и отравила собственную мать». «Ее ненавидят боги и люди».

Так говорили люди. Найти истину в официальной истории, которая обычно неодобрительно относится к женщинам у власти, непростая задача. Во всех первоисточниках У Цзэтянь предстает садисткой, жадной до власти. Ей удалось то, что не удавалось никому за три тысячелетия истории императорского Китая: У Цзэтянь была единственной женщиной, единолично правившей страной. Ценой этого стали убийства людей, в том числе ее дочери, которой едва исполнилась неделя от роду.

Настоящая У

Пожалуй, самая ужасная история, связанная с У, повествует о том, как она стала императрицей. Будучи представительницей младшей ветви династии Тан, девушка стала императорской наложницей. Дорога к власти потребовала от нее изрядной хитрости. Когда у нее родилась от императора дочь (не первый ребенок от Гао-цзуна), У поняла, что это шанс. По традиции императрица Вонг пришла в покои к наложнице взглянуть на новорожденную. Когда императрица ушла, У задушила свою дочь. Вскоре прибыл император Гао-цзун и увидел в колыбельке мертвую дочь. Рыдающая, обезумевшая от горя У, стеная, утверждала, что девочку убила Вонг. Гао-цзун поверил в эту ложь. Императрицу посадили в сырую и глубокую подземную темницу. Вскоре туда же отправилась еще одна соперница У, наложница, занимающая второе место в сердце императора. Как будто этого было недостаточно, У Цзэтянь, став императрицей, спустилась в темницу и самолично приглядывала за тем, как ее бывших

соперниц «примерно наказывают». Их сотни раз исхлестали плетьми, отрубили кисти рук и стопы, а затем переломали руки и ноги в суставах. Жертвы У все не умирали. Тогда по ее приказу их с головой окунули в бочку с вином. Видя, как отчаянно жертвы борются за жизнь, императрица злобно хихикала: «Теперь эти ведьмы напьются до упаду».

Если этот рассказ правдив, то даже создатели фильмов ужасов не осмелятся воплотить его на экранах. То, что У Цзэтянь была безжалостной убийцей, приверженкой макиавеллизма, еще до того как Макиавелли появился на свет, не оставляет сомнений, вот только ее демонизация историками связана с великой толикой политической пропаганды. Многие считали, что У Цзэтянь нарушила конфуцианскую гармонию мироздания, будучи женщиной-правительницей. Сначала она правила через своего мужа, а затем узурпировала трон, отстранив от власти собственных сыновей. Народ не склонен прощать такое поведение. Если вы собираетесь написать нравоучительную повесть на историческую тему, то добавить в сюжет жуткое детоубийство будет в самый раз.

Чтобы понять, как У Цзэтянь удалось прийти к власти и почему она вела себя так, как вела, не надо забывать, что китайская династия Тан представляла собой яму со змеями, очень красивую яму со змеями. В то время китайская цивилизация достигла апогея. Это был золотой век поэзии, разумных законодательных реформ и прочих свершений. И всему этому помогла воплотиться в жизнь принцесса Пинь-Янь (смотрите соответствующую главу). Но яма со змеями продолжает оставаться ямой со змеями, что ни говори. Неудобным людям «предлагали» совершить самоубийство и часто помогали в этом, если те мешкали. Убийства, особенно среди близких родственников, были вполне обычным делом. Еще более обычными были случаи, когда против политических противников выдвигали ложные обвинения в надежде, что их казнят. Если верить некоторым историческим текстам, залы дворца должны были быть красными от крови казненных, зарезанных наемными убийцами и очень кстати совершивших самоубийство.

До того как У Цзэтянь принялась безжалостно расправляться с противниками, она была дочерью губернатора, то есть девушкой высокородного происхождения. Назвать ее принцессой можно только условно. Еще будучи девочкой-подростком, она стала младшей женой, а на самом деле служанкой, в доме императора. В то время она главным образом перестилала белье в спальне своего повелителя. Несмотря на исключительную красоту и ум, У Цзэтянь сначала не удавалось попасть в постель к императору,

которую она изо дня в день перестилала. Однажды все же император Тай-цзун ее заметил и прозвал своей Честной Лгуньей по названию популярной в те времена песенки. Некоторые источники утверждают, что в сексе девушка умела такое, чего не умели другие наложницы стареющего императора (что именно, не указывается), так что у нее имелись свои козыри в рукаве.

После смерти Тай-цзуна в 649 году У Цзэтянь первым делом прыгнула в постель к его сыну Гао-цзуну, который тоже не остался равнодушным к прелестям наложницы. Согласно официальной династической истории, Гао-цзун впервые обратил внимание на двадцатилетнюю У Цзэтянь, когда та ухаживала за его больным отцом. По другим источникам, У предложила вошедшему Гао-цзуну миску воды, для того чтобы тот обмыл свои руки. Он случайно плеснул водой на выбеленное лицо наложницы. «Я с благодарностью принимаю дождь и туман от Небес», – произнесла У Цзэтянь двусмысленную поэтическую сентенцию, намекающую на сексуальную прелюдию. Когда и при каких обстоятельствах они познакомились, не важно, важно то, что Гао-цзун и У Цзэтянь стали любовниками задолго до смерти старого императора. В соответствии с худшими традициями династии Тан путь Гао-цзуна к трону сопровождался смертями, случившимися очень вовремя, и казнью четырех его братьев.

Согласно конфуцианскому закону, сексуальная связь между сыном и младшей женой отца считалась инцестом, поэтому интимные отношения между У и Гао-цзуном держались в строжайшей тайне. Если бы женщина строго следовала традиции, она должна была бы остричь себе волосы и до конца своих дней прожить в буддийском монастыре. Голову У Цзэтянь не брила, а в монастыре пробыла всего несколько месяцев. Гао-цзуну она настолько понравилась, что молодой император сделал ее своей наложницей.

Благодаря сексуальным бровям-ниточкам, изощренному лукавству и почти постоянной беременности У Цзэтянь вскоре стала императорской фавориткой. Один современник писал: «Госпожа У, чьи прекрасные брови подобны усикам бабочки, не уступает ни одной женщине красотой, но застенчиво прячет свое лицо за длинным рукавом одеяния и нашептывает императору напраслину на других, прекрасно осознавая, что ее лисьи чары окончательно околдовали его». За первые пять лет пребывания в гареме императора Гао-цзуна У родила ему трех, а возможно, и четырех детей. Император высоко ценил способность женщин к зачатию, поэтому таким образом У Цзэтянь

окончательно завоевала его расположение.

Примерно в это же время, как полагают, У Цзэтянь задушила собственного ребенка, что помогло ей жестоко расправиться со своими соперницами. Первое, скорее всего, не соответствует истине, поскольку в дальнейшем императрица никогда физически не устраняла своих детей, предпочитая отправлять непослушных чад в изгнание. Возможно, девочка умерла естественной смертью, а У воспользовалась возможностью обвинить соперницу в ее кончине. В любом случае не это, а неспособность императрицы Вонг родить императору наследника стала главной причиной ее падения. По научению У Гао-цзун заявил, что его жена вместе со второй любимой наложницей замышляли его отравить. Посадив их в тюрьму, он освободил место для легко рожающей У.

Госпожа императрица

У Цзэтянь и Гао-цзун управляли империей совместно, хотя некоторые историки утверждают, что лишь императрица обладала реальной властью. В 660 году она появляется в тронном зале. Там, сидя за ширмой, У Цзэтянь разглядывала пришедших на аудиенцию к ее мужу сановников, давала ему советы и влияла на принятие окончательного решения. Когда после нескольких инсультов Гао-цзун наполовину ослеп и не мог больше ни ходить, ни говорить, У взяла его власть на себя. Ширму убрали.

В 683 году после смерти императора У Цзэтянь стала вдовствующей императрицей, что влекло за собой уход в тень, но песенка У еще не была спета. Усадив сына на трон в качестве формального правителя (два его старших брата умерли, причем непосредственной виновницей смерти одного из них молва сделала родную мать), У Цзэтянь добралась до настоящей власти. Когда ее сын оказался недостаточно сговорчивым, императрица отправила его в изгнание в отдаленную от центра провинцию и поставила на его место другого своего сына. Между прочим, по ее распоряжению слово «принц» теперь записывалось китайскими иероглифами, которые при дословном прочтении означали «тот, кто помалкивает».

Прошло четыре года после смерти Гао-цзуна, и У надоело править через сыновей. После шумной пропагандистской кампании, включающей в себя соответствующие пророчества и встречи с народом, У Цзэтянь провозгласила себя Премудрой Матерью, Священной Правительницей, наделив себя к тому же дополнительными полномочиями. Но и этого ей показалось мало. По прошествии трех лет, в 690 году, она сбросила с себя мантию

Премудрой Матери и объявила себя императором.

Власть У опиралась на талантливо проводимую кампанию по возвеличиванию ее имени, знание человеческой природы и политический террор. Объявив себя императором, У Цзэтянь положила конец прежней династии Тан и провозгласила о начале новой династии Чжоу. Оставшиеся в живых члены низложенной фамилии очень рассердились. Желая заткнуть рты недоброжелателям, У приказала одних казнить, а других отправить в изгнание. Большое значение она уделяла доносам, из-за чего создала в стране атмосферу страха и недоверия. По распоряжению правительницы в городах были выставлены медные «ящики для предложений», посредством которых любой желающий мог анонимно сообщить о готовящемся заговоре. У принимала во дворце любого, кто обладал ценной информацией, и щедро оплачивала его дорожные издержки. Плоды такого наушничества были ужасны. Между 684 и 693 годами, к примеру, сменилось сорок шесть главных министров. Половину из них убили или вынудили совершить самоубийство. После того как У стал не нужен ее предполагаемый любовник, в чем-то похожий на Распутина глава одного из буддийских культов, он по ее приказу был забит до смерти. Даже родные У Цзэтянь жили в постоянном страхе, опасаясь того, что могут стать «неудобными».

Китайские летописцы позднейших эпох подчеркивали беспорядочные половые связи У. Когда ей исполнилось шестьдесят шесть лет, У Цзэтянь создала собственный мужской гарем. Среди ее любовников попадались особы низкого происхождения, например, хорошо одаренный коробейник, два «гладкощеких» брата-певца и даже ее собственный племянник. Впрочем, подобного рода заявления следует принимать с известной долей скепсиса. В любое время проще всего было оклеветать женщину, назвав ее блудницей.

Правление У пятидесятимиллионным народом было эффективным и в чем-то даже мудрым. Простые подданные не считали ее опасным чудовищем или тираном. У сплотила империю, которая разваливалась на глазах, положила конец хищническим набегам тюркских кочевников, прежде разрывавших на куски северные провинции государства, и без особых военных затрат расширила территорию империи. При правлении У Цзэтянь, в качестве как императрицы, так и «императора», уменьшились налоги. Уменьшились также траты на военную экспансию и другие сомнительные статьи расходов. Ушедшим на покой чиновникам выплачивалась пенсия, а тем, кто доказал свою полезность, повышали оплату труда. У Цзэтянь учредила

систему вступительных экзаменов на государственную службу, что стимулировало переход от непотизма (кумовства) к меритократии[12]. При ней приняли закон, согласно которому дозволялось оплакивать смерть обоих родителей, а не только отца, как это было прежде.

Во время правления У китайские генералы помогли Корее избавиться от японских господ и объединиться под властью одного правителя. Японцы были настолько поражены китайской культурой, что стали перенимать достижения династии Тан вплоть до возведения столицы, являвшейся точной копией китайского оригинала.

Вынужденное отречение

Прошло пятнадцать лет со дня провозглашения У Цзэтянь «императором», прежде чем нашелся тот, у кого хватило смелости бросить ей вызов. В 705 году клика сторонников династии Тан во главе с изгнанным сыном У намекнули «императору», что пора отречься от трона. Когда она сделала вид, будто не поняла намека, в императорских покоях были найдены трупы двух ее любовников-певцов. Когда У и на этот раз ничего не предприняла, к ее горлу приставили нож и заставили отречься от престола.

После пятидесяти лет пребывания у власти в том или ином качестве У Цзэтянь прожила меньше года и умерла, как ни странно, естественной смертью. В борьбе за власть она пользовалась теми же методами, что и многие императоры до нее. Казни, террор и изгнания не были чем-то новым в китайской истории, но видеть подобное со стороны женщины казалось просто чудовищным, поэтому в исторической памяти У осталась довольно мрачной личностью.

О том, как последующие правители относились к этой женщине, можно судить по тому, как они старались вычеркнуть ее из истории. Согласно китайской традиции тех лет, покойного правителя полагалось хоронить в роскошной гробнице, украшенной огромными мемориальными таблицами, на которых описывались все великие деяния усопшего и то, как все будут горевать о нем, оплакивая его кончину. Мемориальная табличка У Цзэтянь осталась незаполненной. Такова благодарность женщинам, которые достигают в жизни многого, но не заслуживают ни единого доброго слова.

Путь Вэй

Императрица У Цзэтянь была не единственной коварной женщиной в истории императорского Китая. В 684 году У свергла своего сына Ли Сяня с престола и отправила его в изгнание на отдаленные кордоны империи. Он поехал в изгнание не один, а со своей женой, принцессой Вэй, в чем ему очень повезло. Если бы не увещевания и ободрение жены, не исключено, что бывший император совершил бы в изгнании самоубийство.

Не похоже, чтобы причиной действий Вэй была любовь к мужу: скорее всего, ей просто хотелось снова стать императрицей. Когда в 705 году представился удобный случай, она им воспользовалась. Клика приверженцев династии Тан избрала Ли Сяня своим предводителем и сместила «императора» У. Ли Сянь взошел на престол под именем императора Чжун-цзуна. Он и его жена Вэй вернулись во дворец.

Не желая спокойно почивать на лаврах, императрица Вэй завела интрижку с племянником У по имени Саши, у которого в свою очередь была связь со старым личным секретарем императора. Эта коварная троица неплохо обогатилась, продавая должности, но им все было мало. Вэй и Саши, который к тому времени поднялся до самых вершин управленческой власти, предложили в престолонаследницы принцессу Ан-ло, дочь императора. Незадолго до этого законный наследник императора, принц Ли Чонджун, пошел войной на дворец, но потерпел поражение, после того как его солдаты повернули оружие против собственных командиров.

Несмотря на неудачу, Вэй и Ан-ло не пали духом[13]. Три года спустя они затеяли собственный заговор, погубили императора, подсунув ему отравленный пирог, и возвели на престол более сговорчивого сына Вэй по имени Ли Чунмао. Вдохновленные примером У Цзэтянь, они собирались править вместо него, а затем провозгласить Ан-ло второй женщиной-императором в истории Китая. К сожалению, дочь У, принцесса Тайпин, почуяла, откуда дует ветер, и встряла в склоку в интересах своего брата Жуй-цзуна. Голова Ан-ло слетела с плеч, в то время как женщина красилась перед зеркалом.

Но, как всегда бывает, вещи оказываются не такими, какими они кажутся на первый взгляд. Жуй-цзун прекрасно осознавал, что его сестра Тайпин только ждет удобного часа, чтобы самой захватить власть. Поэтому он повел себя хитро. Во-первых, он отрекся от власти в пользу своего сына Сюань-цзуна. Во-вторых, Жуй-цзун натравил сына на Тайпин, заявив, что та собирается его свергнуть. После убийства нескольких ее сторонников Тайпин сбежала в буддийский монастырь, где ей «позволили» свести счеты с жизнью.

Учитывая то, насколько представители династии Тан были склонны к убийствам и самоубийствам, остается тайной, как они умудрились править еще двести лет.

Зинга Нгола (около 1581–17 декабря 1663) Принцесса, одевавшая своих наложников в женское платье

Юго-западная Африка (территория современной Анголы)

Тысяча шестьсот двадцать первый год. Единокровный брат Мбанди, правитель западноафриканского королевства Ндонго, поручил принцессе Зинге встретиться с португальскими официальными лицами. Уже несколько десятилетий оба государства время от времени воевали – европейцы боролись за контроль над новыми территориями и ресурсами. Наконец забрезжила надежда на мирный договор, но когда Зинга встретилась с португальским губернатором, она столкнулась с кичливой заносчивостью, направленной на то, чтобы унизить ее. Губернатор, словно король, сидел, развалившись, в похожем на трон кресле, а Зинге не предложили даже стула.

Принцесса мириться с таким положением не стала. Повинуясь движению ее руки, одна из сопровождающих Зингу служанок встала на четвереньки. Принцесса уселась ей на спину и теперь могла разговаривать с губернатором как с равным. Переговоры оказались успешными, и мирный договор был подписан. Пройдет несколько лет, и Зинга будет сидеть на собственном троне, а не на спине у служанки.

Как всегда политика

Зинга была старшей дочерью правителя королевства Ндонго, нецентрализованной федерации племен, разговаривающих на мбу́нду. В настоящее время они образовывают государство Ангола в Центральной Африке. Ко времени рождения принцессы страна уже столетие находилась в сложных отношениях с португальцами. Колонизаторы впервые появились в пределах Ндонго в 1483 году и с тех пор много сделали для христианизации и порабощения его населения.

С жителями Ндонго у португальцев не все протекало гладко, но совсем не по тем причинам, о которых вы можете подумать. Работорговля – главным образом теми, кого захватывали во время

войн, – существовала между Ндонго и Конго, соседствующим с ним королевством на севере, уже долгое время. С начала XVI века работорговлей занялись и португальцы. Вскоре, впрочем, стало ясно, что они претендуют на больший кусок пирога. Племена, образующие Ндонго, несколько раз воевали с колонизаторами за независимость, контроль над работорговлей в регионе и прибыльные соляные шахты и серебряные рудники. Это, впрочем, не означало, что африканцы и европейцы всегда были врагами. Когда, скажем, король Конго вторгся на территорию Ндонго, последние позвали на помощь португальцев.

Но в 1575 году португальцы усугубили напряжение в отношениях с Ндонго, основав на стыке территорий обоих королевств город Луанду. Португальцы принялись поощрять недовольство и вражду среди родов, лишь формально подчиняющихся Ндонго. Отец Зинги, Нгола Килаюа (в переводе «нгола» означает «король»; впоследствии португальцы образовали от этого титула название страны Ангола), напал на португальцев, что привело к длительной и кровопролитной войне.

Принцесса Зинга родилась и выросла в атмосфере недолговечных союзов и постоянной борьбы. История ее детства словно сошла со страниц «Приключений для девочек». Зинга была пацанкой – боевое копье и лазанье по деревьям она предпочитала занятиям, более свойственным представительницам ее пола. Впрочем, ей было наплевать на чужое мнение. Однажды, когда Мбанди, единокровный брат Зинги, украл ее ожерелье из бусин, она избила его до крови, унизив тем самым перед всей деревней.

Легенды повествуют о том, что Зинга выросла в сильную, решительную и самоуверенную принцессу, рожденную, чтобы править. Когда в 1617 году умер ее отец, ее пол помешал Зинге стать правителем. Власть захватил Мбанди, но прежде ему пришлось убить брата и новорожденного ребенка Зинги. Как вы уже могли догадаться, ни умным, ни великодушным правителем Мбанди не был. Одна легенда рассказывает о том, что, когда Зинга начала возражать против намерения брата выставить своих вооруженных копьями воинов против пушек португальцев, Мбанди приказал насильно сделать ее бесплодной. Португальцы прекрасно осознавали недальновидность Мбанди, поэтому слали миссионеров и солдат в глубь территории Ндонго.

В 1621 году трусливый, подлый брат послал принцессу Зингу на встречу с португальским губернатором, поручив ей вести переговоры об окончании военных действий. Зинга заставила губернатора смотреть ей в глаза в прямом и переносном смысле. Был подписан договор. Португальцы признали суверенитет

народов, говорящих на мбунду, за что тем пришлось вернуть нескольких пленников-европейцев.

Три года спустя Мбанди умер, а Зинга завладела троном при поддержке благодарного народа. Когда португальцы нарушили мирный договор (какая неожиданность!), королева отвела свой народ высоко в горы, откуда было легче обороняться, и развязала партизанскую войну, деморализовавшую и ослабившую захватчиков до такой степени, что те не казали носа в королевство Ндонго четыре десятилетия. После смерти Зинги королевство распалось. Впрочем, даже по прошествии времени, когда Ндонго превратилась в Анголу под португальским правлением, народ помнил о своей принцессе. В 1860 году шотландский миссионер записал о встрече с ангольцем, который заявил: «В Анголе все живущее, все дышащее, все до последней травинки помнит великую королеву».

Зинга-воительница

Все это фольклор. Реальность на поверку оказалась куда более неприглядной и… кровавой. Зинга не спешила повиноваться своему брату и ждать, пока страна позовет ее. Девушка искала способы захватить власть со дня смерти своего отца. Поскольку прецеденты, случавшиеся в Ндонго, доказывали, что к женщинам-правительницам народ относится недоброжелательно, Зинга публично поддержала Мбанди, в то время как втайне заручалась поддержкой сторонников и придумывала оправдания грядущей узурпации власти.

Когда в 1621 году Зинга встретилась с губернатором, она на самом деле использовала спину своей служанки вместо стула. Впрочем, этот жест являлся скорее выражением ее неуемных политических амбиций, чем желанием достойно представить свой народ. Зинга хотела, чтобы португальцы поддержали ее претензии на власть. Учитывая политические реалии колониальной Центральной Африки, быстрее всего этого можно было добиться, приняв религию захватчиков, поэтому в 1622 году Зинга перешла в христианство. В качестве нового, христианского имени она взяла себе имя жены губернатора – Анна де Соуза.

Смерть Мбанди открыла Зинге путь к власти. Никто, в общем, не оспаривает того факта, что это счастливое обстоятельство Зинга создала собственными руками, отравив брата. Ее апологеты позже утверждали: этот поступок был продиктован тем, что Мбанди был никудышным правителем, а Зинга радела о благе

народа. Впрочем, учитывая ее непомерное честолюбие, пол и сильные подозрения в причастности к убийству Мбанди, Зинга отнюдь не пользовалась популярностью среди своего народа. Поэтому сначала она провозгласила, что будет править от имени восьмилетнего племянника. Через два года Зинга приказала убить мальчика и узурпировала власть.

Учиненный ею переворот привел к гражданской войне. Королева призвала в страну португальцев, но те, к несчастью для Зинги, приняли сторону ее врагов, чей предводитель-наследник в большей степени отвечал их целям. Зинга отреклась от христианства и некоторое время все свои силы положила на то, чтобы не дать португальцам монополизировать работорговлю в регионе. Она даже начала предоставлять убежище рабам, сбежавшим с прибрежных плантаций португальцев, благодаря чему постепенно увеличивала ряды своих сторонников.

Последовавшая за этим война привела к одному из самых страшных эпизодов в правлении Зинги – к союзу, основанному на материальной выгоде, с имбангала, мародерствующими бандами наемников. К этому времени, пожалуй, относятся первые документально засвидетельствованные случаи «вербовки» детей-солдат в Африке. Имбангала с безумной жестокостью обрушивались на деревню, убивая в ней всех, кроме детей. Их обращали в рабов и шли разорять другую деревню. Начиная с 1628 года Зинга не только нанимала воинов из имбангала, но, желая обеспечить себе их преданность, утверждала, что сама является членом их братства. Последнее представляется маловероятным. В противном случае ей пришлось бы пройти через отвратительный ритуал посвящения, включающий в себя убийство ребенка. Два десятилетия спустя Зинга попыталась откреститься от кровавых ритуалов, вновь перейдя в христианство. Таким образом правительница пыталась заручиться поддержкой португальцев, желая сохранить преемственность своей власти.

Женщина-король

Учитывая шаткость власти Зинги, некоторые из ее кажущихся странными поступков обретают смысл, особенно если не забывать о том, что ей приходилось позиционировать себя в качестве «короля» племен, разговаривающих на мбунду. Так, например, у нее было несколько мужей одновременно. Иногда их число доходило до пятидесяти или даже до шестидесяти. Зинга называла их своими «наложницами» и заставляла одеваться

в женскую одежду. Все они спали в том же помещении, что и ее «фрейлины», но стоило мужчине прикоснуться к женщине с намерениями сексуального характера, и его немедленно казнили. Это странное положение вещей навело маркиза де Сада на мысль, что Зинга приносила в жертву каждого мужчину, проведшего с ней ночь. Немного расточительно, что ни говорите. Впрочем, судя по всему, на самом деле живьем она своих любовников все же не сжигала.

Не в меньше мере, чем проводимая Зингой гендерная политика, ее самоутверждению в роли короля послужила храбрость правительницы на поле боя. Она умело вела воинов в бой. Ее «фрейлины» обучались военному искусству. Вооруженные соответствующим образом, они служили своему «королю» телохранительницами. Рассказывают даже, что во время ритуального жертвоприношения Зинга отрубала жертве-мужчине голову и пила его кровь, бьющую фонтаном из шеи. Учитывая то, как долго она правила, ее старания, судя по всему, оказались не напрасными.

Когда португальцы и внутренние враги выступили против Зинги единым фронтом, «король» увела верных ей людей в горы. На землях Ндонго воцарился марионеточный король, во всем слушающийся иноземцев. Отступление Зинги было стратегической хитростью. Она хотела вести с португальцами ту войну, к которой ее воины были приспособлены лучше всего, а именно – партизанскую.

Зинга завоевала территории, расположенные на расстоянии пятисот миль от побережья. Захваченные ею пленники были проданы в рабство. За несколько лет ей удалось завоевать королевство Матамба и сделать его своей базой, превратив в одно из самых могущественных и богатых государств Центральной Африки. К 1640 году Зинга стала самым влиятельным африканским правителем. Ее власть распространялась на бóльшую часть территорий Ндонго, которыми еще недавно управлял король-марионетка. Женщина-правительница контролировала работорговлю оборотом в тринадцать тысяч рабов ежегодно.

Но в 1650 году, спустя почти четверть века военного противостояния, Зинга вновь сочла политически выгодным возобновить «дружбу» с португальцами. Это случилось после того, как в 1648 году ее союзники-датчане, которые долгое время поддерживали «короля» в набегах на португальцев, покинули регион. К тому же Зинга старела и начинала беспокоиться о том, кто станет ее наследником. Союз с давними друзьями-врагами гарантировал хоть какую-то стабильность. Поэтому она вновь

приняла христианство, допустила португальских миссионеров и послов к своему двору, облачилась в европейские одежды и возобновила взаимовыгодный бизнес с португальскими работорговцами. В 1656 году был заключен новый мирный договор.

Зинга умерла в 1663 году в возрасте восьмидесяти двух лет. Ее смерть привела к борьбе за престол, что в свою очередь ознаменовалось распадом единого королевства Ндонго-Матамба. Зинга держала всех в повиновении только силой своего характера, и никто не смог ее заменить. Через три с половиной столетия после смерти Зинга была провозглашена героиней антиколонизаторской борьбы, сумевшей сбросить с себя ярмо иноземного правления. В XX веке ее образ достиг кульминации почитания во время войны Анголы за свободу, которая в 1975 году привела к провозглашению независимости. Хотя мифологический образ Зинги отличается от исторического, в одном они совпадают: эта женщина была воительницей, сумевшей заставить колонизаторов разговаривать с ней как с равной.

Интриганки Принцессы, которые составляли заговоры и плели интриги
Юста Грата Гонория (417–452)
Сестра императора, едва не погубившая Римскую империю

Римская империя

Когда августа (принцесса) Юста Грата Гонория узнала, что от нее хотят избавиться, выдав замуж за скромного и услужливого человека, находящегося на службе у ее брата, императора Валентиниана Третьего, и поняла, что теперь ей придется влачить существование послушной жены ничтожества, она села писать письмо Аттиле, вождю гуннов. Ища помощи у заклятого врага Рима, Гонория не могла рассчитывать на то, что этот ее шаг расположит к ней императора. Письмо к Аттиле не помогло Гонории, но если император надеялся, что она безропотно смирится с опалой, то он, очевидно, забыл, с кем имеет дело.

Испытание терпения

Гонория была дочерью своевольной Галлы Плацидии Августы (которая, в свою очередь, являлась дочерью покойного римского императора Феодосия Первого Великого) от второго брака с Констанцием Третьим, соправителем Западной Римской империи. После смерти Констанция в 424 году Галла осталась с двумя детьми на руках – семилетней Гонорией и шестилетним Валентинианом – и кризисом преемственности на горизонте. К этому времени Римская империя оказалась в большой беде. Внешнее давление, оказываемое варварами, только разжигало внутренние противоречия. Империя уже и так фактически распалась надвое, и обе ее части находились под властью соправителей. Гонория росла в атмосфере интриг и постоянной неуверенности в завтрашнем дне, видя, как ее мать обманывает

и манипулирует людьми.

В конце концов сторонники Галлы победили и Валентиниан стал императором западной части империи. Гонории приказали безвыездно жить в скучном, но стратегически важном городе Равенне. Следуя приказу ее брата-императора, Гонорию заставили дать обет безбрачия. Решение это было принято не вследствие особой набожности, а по политическим соображениям: любой мужчина, женившийся на Гонории, мог бы претендовать на высшую власть в империи. Словно в насмешку над ней, Валентиниан Третий, по словам одного римского историка, был «никчемным сластолюбцем» и, без сомнения, стоил в интеллектуальном плане своей сестры. Для Гонории прозябание в медвежьем углу империи было равносильно тюремному заключению без права на амнистию. Ее положение стало еще ужаснее, когда Валентиниан, женившись, произвел на свет двух дочерей, которые быстро начали вытеснять тетю на задворки большой политики.

В 449 году отчаяние Гонории достигло опасных пределов. В ее годы Галла Плацидия Августа уже успела похоронить второго мужа. В возрасте тридцати одного года Гонория закрутила роман с мужчиной по имени Евгений, который был управляющим ее имением. Согласно некоторым не особо симпатизирующим женщине биографам, она вместе с Евгением замыслила убить Валентиниана Третьего и захватить его трон. Скорее всего, это необоснованное обвинение со стороны историков-христиан имело своей целью представить Гонорию в образе бессовестной интриганки. Неизвестно, как мнимым заговорщикам удалось бы воплотить свой план в жизнь, но прелюбодеяние с августой в те времена приравнивалось к государственной измене. Когда об их романе стало известно, Евгения казнили.

Приветствую тебя, гунн!

Гонорию приговорили к медленной смерти: ее любовника убили, а ее саму сослали в Константинополь, столицу Восточной Римской империи, и просватали за сенатора-зануду, преданного ее брату. Неудивительно, что довольной Гонория себя не чувствовала, поэтому она взялась за письменный прибор и принялась составлять письмо. План женщины состоял в том, чтобы прицепить свою телегу к коню мужчины, которому везет по жизни.

Ставший после убийства собственного брата единственным вождем гуннов, Аттила был самым грозным из варварских

захватчиков, когда-либо угрожавших пределам Римской империи. Западная Римская империя под управлением брата Гонории была готова дать отпор, а вот Восточная, где сейчас жила женщина, заискивала перед варваром. Там только и делали, что пытались откупиться от набегов гуннов, причем безуспешно. Узнав, откуда ветер дует, Гонория попросила Аттилу «отомстить за ее брак», как писал историк VII века Иоанн Антиохийский. К письму, которое вез верный скопец Гиацинт, прилагались деньги и перстень.

Аттила с радостью согласился. Ему представился шанс без особого труда отхватить от Римской империи вкусный кусок. Что конкретно обещала ему Гонория, неизвестно, но вождь гуннов утверждал, что августа предложила взять ее в жены. Представив перстень в качестве доказательства, он потребовал у Феодосия Второго, императора Восточной Римской империи, западную ее часть в качестве приданого. Застигнутый врасплох, Феодосий послал гонца к Валентиниану Третьему, советуя ему задобрить гуннов и отдать им Гонорию.

Валентиниан не внял его совету. Выдать варварам сестру означало подтвердить притязания Аттилы на императорский трон. Гиацинта пытали, и тот сознался во всем. Так император узнал о предательских кознях Гонории. Приказав обезглавить скопца, Валентиниан занялся сестрой. Только заступничество их матери – действенной силы, стоящей за троном Валентиниана Третьего, – позволило Гонории сохранить голову на плечах. В качестве наказания женщину лишили звания августы и изгнали из обеих столиц.

А тем временем Аттила направил посольство ко двору Валентиниана, утверждая, что ни в какой государственной измене Гонория не повинна. Он требовал, чтобы ее восстановили в правах и выдали ему в качестве законной невесты. Аттиле отказали. В конце-то концов, Гонория уже была замужем. Но это не остановило варвара. В 452 году, используя Гонорию в качестве предлога, Аттила вторгся в Италию. Рим ему взять не удалось, но после себя он оставил разоренную страну.

Что произошло с Гонорией после этого, неясно. К 455 году, спустя шесть лет после казни Евгения, имя ее исчезает из исторических документов. Скорее всего, она умерла, либо естественной смертью, либо ее убили по приказу императора – этот вопрос до сих пор остается невыясненным. Что не оставляет сомнения, так это то, что, лишившись власти и расположения окружающих, Гонория не жила долго и счастливо.

Римская империя тоже долго не протянула. Пример Гонории, судя по всему, вдохновил других август, тяготившихся своим

браком, приглашать варваров «посочувствовать» им. В 455 году, например, Лициния Евдоксия, насильственно выданная замуж за наследника ее убитого мужа Валентиниана, последовала примеру Гонории и попросила короля вандалов Гейзериха наказать Рим. Гейзериха не пришлось звать дважды. Его воины опустошили город. Король взял себе Лицинию и двух ее дочерей в качестве добровольных «заложниц».

Аттила не прекращал своих набегов на империю вплоть до своей смерти в 453 году. Вторжение Гейзериха, набеги других варваров и внутренняя междоусобица привели к развалу Западной Римской империи, пораженной проказой разложения. В 476 году, когда последнего римского императора сменил германский принц, великая сверхдержава скукожилась до более стабильной и управляемой Византийской империи.

А Гонория вошла в историю как предательница, которая помогла открыть двери ордам наступающих варваров.

Изабелла (1295–1358) Принцесса, прозванная Французской Волчицей

Разрываемая междоусобной войной Англия

Французской принцессе Изабелле было всего двенадцать лет, когда в 1308 году она на корабле прибыла в Англию ко двору Эдуарда Второго, своего мужа. Двадцатичетырехлетний свежеиспеченный монарх был по уши влюблен… но не в Изабеллу.

Предметом страсти Эдуарда Второго был молодой рыцарь Пьер Гавестон. То, что у короля роман на стороне, проблемой не являлось. То, что предметом его воздыханий был мужчина, тоже никого особо не шокировало. С точки зрения английского двора, настоящей бедой являлась чрезмерная влюбленность Эдуарда Второго в обаятельного, но самонадеянного Гавестона. Ради него монарх готов был рисковать благополучием всего королевства и жизнью тысяч солдат. Когда рядом был Гавестон, король ни на что не годился. Он едва мог поддержать разговор. Об управлении страной речь уже не шла. Когда же Гавестона рядом не было, Эдуард Второй вообще превращался в развалину.

Трое – уже толпа

Пока Эдуард Второй и Изабелла венчались во Франции, Гавестон оставался в Англии вместе со своей невестой-подростком, пятнадцатилетней племянницей короля. Менее чем через месяц Изабелла имела возможность убедиться в том, как глубоко запал в сердце ее мужу этот Гавестон. На церемонии в Вестминстерском аббатстве, во время которой Изабеллу провозгласили королевой, корону над ней держал не кто иной, как Гавестон. На пиру после коронации он сидел подле короля под гобеленами, на которых были вытканы гербы не Эдуарда и Изабеллы, а короля и Гавестона. Для того чтобы вонзить кинжал поглубже, Эдуард Второй передарил подарки своему любовнику от отца Изабеллы – драгоценности, боевых коней и много чего еще.

Дяди Изабеллы, которые также присутствовали на коронации, вернулись во Францию очень-очень недовольными. Плохие новости, учитывая то, что Франция и Англия постоянно пререкаются и с трудом сохраняют шаткое перемирие. Англия с головой погрязла в войне с Шотландией, и вступать в конфликт с Францией ей нет никакого резона. Могущественные английские магнаты – лорды и графы, которые правили землями, – пришли к выводу, что Гавестон стал слишком большой проблемой и от него надо избавиться. Но все попытки отправить в изгнание королевского фаворита ни к чему не привели. Эдуард Второй мог отослать Гавестона, а через пару месяцев призвать его обратно.

Раздражение поведением короля достигло предела в 1312 году. В стране вспыхнула междоусобная война. Эдуард Второй и Гавестон пустились наутек, стараясь держаться подальше от лордов, жаждущих крови последнего, но Англия – страна небольшая. Девятнадцатого мая Гавенстон сдался врагам короля в замке Скарборо, где Эдуард оставил его во главе гарнизона размером с батальон. Спустя месяц Гавестона казнили – жестоко и без должного судебного разбирательства. Король поклялся отомстить за его смерть.

Изабелла между тем ждала своего часа. Слоняясь по стране за Эдуардом и Гавестоном, она повзрослела. Ко времени смерти последнего королева носила во чреве сына и наследника престола. Двенадцатого ноября 1312 года Изабелла родила здорового мальчика. Она исполнила долг перед мужем и короной и тем самым упрочила свое положение. Молодая женщина обладала достаточной политической проницательностью и влиянием, чтобы попытаться остановить своего никчемного мужа и не ввергать страну в еще бóльшую междоусобицу. Эдуард Второй и воюющие лорды успокоились достаточно, чтобы заключить мирный договор и первые месяцы 1313 года провести без взаимного истребления. Изабелла выступала посредницей. Лорды снова поклялись в вассальной верности королю, но это был непрочный мир. Шотландцы громили англичан на севере, а самый могущественный английский феодал, граф Ланкастер, человек, косвенно повинный в смерти Гавестона, отказался помогать Эдуарду Второму. Более того, граф плел интриги против короля, а Англия оставалась беззащитной и без сильного правителя.

Изабелла не покинула мужа. Она по-прежнему была его другом и советчицей. Это продолжалось до 1318 года, пока Эдуард Второй не потерял голову от очередного молодого придворного. В отличие от щеголеватого Гавестона, Хью ле Диспенсер обладал хитростью, жестокостью и склонностью

к паранойе. Используя благосклонность короля, он принялся подминать под себя земли и богатства своих врагов. Чем больше земель и золота загребал ле Диспенсер, тем больше лордов собирались вокруг Ланкастера. Изабелла старалась сохранить мир между мужем, лордами и рассерженной Францией, но все хотели, чтобы ле Диспенсера отправили в изгнание. В июле 1321 года Эдуард Второй сдался. Хитрый ле Диспенсер уехал не дальше Ла-Манша, где вместе с отцом занялся пиратством, грабя купеческие корабли и ожидая, когда король призовет его к себе. А тем временем длительная борьба с графом Ланкастером подошла к концу. Мятежник проиграл. Его арестовали, обвинили в предательстве и казнили. Эдуард отомстил за Гавестона.

Поражение

Король выиграл битву, но был близок к тому, чтобы проиграть войну. Возликовав после смерти Ланкастера, он поспешно призвал Диспенсеров обратно в Англию и сделал Хью своим главным советником. Будучи человеком авантюрного склада ума, Хью ле Диспенсер позарился на собственность Изабеллы и ее детей. Это была плохая идея.

В аду нет столько ярости, как у женщины, чьих детей хотят обобрать. Став искусной политической интриганкой, Изабелла ждала подходящего случая. В 1325 году этот случай представился. К этому времени отношения между Англией и Францией совсем испортились. Обе страны заявляли права на одни и те же территории. Было решено, что Изабелла – самая подходящая кандидатура для переговоров с собственной родней. Не исключено, что королева сама подбросила эту мысль мужу и ле Диспенсеру. Изабелла отбыла во Францию, где провела несколько месяцев в лоне семьи. Спустя полгода после того, как нога королевы ступила на пристань Кале, за Изабеллой отправился ее сын, двенадцатилетний принц Эдуард. Поводом стало заявление Изабеллы о том, что отношения между Францией и Англией только упрочатся, если его сделают герцогом Аквитанским. Теперь у королевы Изабеллы был козырь на руках – наследник английского престола.

Спустя несколько недель Изабелла показала коготки. «Я думаю, что брак соединяет вместе мужчину и женщину… Если кто-то встает между ними, он старается разорвать этот союз. Я, желая выразить свое несогласие с подобным положением вещей, отказываюсь возвращаться, до тех пор пока от него не избавятся». Эдуард был ошеломлен. «Когда она уезжала,

я и понятия не имел о том, что она на меня обижена», – сказал он, когда узнал о случившемся. Замысел Изабеллы был весьма остроумным. Ее муж был никчемным королем, но сказать об этом, не став в глазах окружающих предательницей, она не могла. Женщина хитро перевела стрелки на ле Диспенсера, а себя представила в образе верной своему долгу жены. Даже избавившись от Хью, ее муж не стал бы достойным уважения правителем, но у Изабеллы имелась замена ему в лице собственного сына, принца, который будет править, во всем ее слушаясь.

Полгода Изабелла выстраивала всех своих уток в ряд. Не только Франция, но и часть недовольных королем англичан готовы были признать ее бунт законным. Во главе сторонников Изабеллы встал Роджер Мортимер, аристократ, который и прежде бунтовал против Эдуарда Второго. Два года назад Мортимеру удалось сбежать из Лондонского Тауэра. Он нашел приют при французском дворе. Мортимер и Изабелла встретились в Лондоне. Он стал не только капитаном ее армии, но и ее любовником.

Чтобы возвести сына на престол, Изабелле нужна была мощная военная поддержка. Для этого Мортимер устроил свадьбу между молодым принцем Эдуардом и дочерью французского графа. В конце сентября 1326 года Изабелла и Мортимер отбыли в Англию в сопровождении приданого ее невестки в виде семисот воинов и наемников, которых оплатил сестре ее брат, король Франции. Изабелла, без сомнения, возглавляла поход. На одном из изображений, созданных в XIV веке, она стоит во главе войск, облаченная в сверкающие доспехи. Королева пользовалась большой поддержкой. Ее образ был окутан романтикой. Изабеллу считали законной королевой. Когда новость о ее высадке в Англии разлетелась по стране, отовсюду в ее ряды начали стекаться сторонники. Эдуард Второй впал в немилость не только у лордов и магнатов, но и у простых людей, которые страдали от войны и голода, пока король мстил за смерть своего любовника.

Конец наступил быстро. Шестнадцатого ноября короля и его друга догнали на открытой местности где-то в Уэльсе. Хью ле Диспенсер предстал перед глазами королевы и лордов. Его приговорили к смерти. Диспенсера протащили по улицам, сорвали с него одежду, вздернули на высоту пятидесяти футов над землей, а затем, еще живого, выпотрошили и кастрировали. Последнее, судя по всему, было сделано в наказание за интимную связь с королем. В завершение, как будто случившегося было недостаточно, труп обезглавили.

Короля заключили в замок Монмут. Тюремщиком Эдварда стал Генрих Ланкастер, брат мятежного графа, четыре года назад приговоренного королем к смерти. Но Изабелла и Мортимер столкнулись с новой проблемой. Со смертью ле Диспенсера у этой парочки уже не было оснований оспаривать права Эдуарда Второго на престол. Тогда умная Изабелла заявила, что, сбежав в Уэльс и покинув Англию, ее муж потерял право называться королем, поэтому на престол следует возвести принца Эдуарда. Почувствовав облегчение, епископы и лорды с готовностью на это согласились. Теперь оставалось убедить короля отречься от престола в пользу сына. Видя, что все на него ополчились, Эдуард Второй согласился. Первого февраля 1327 года четырнадцатилетний принц был провозглашен королем Эдуардом Третьим. Реальная власть в стране перешла в руки его матери и Мортимера, предводителя войск, свергших предыдущего монарха.

Убийство, которое она написала[14]

Ситуация была беспрецедентной для Англии. Никогда прежде в стране не было живого свергнутого короля. А еще существовала проблема брака Изабеллы. Эдуард, возможно, и был бывшим королем, но вот бывшим ее мужем он не был. После смерти ле Диспенсера у Изабеллы не оставалось законных поводов не возвращаться к нему. Кроме всего вышесказанного, само существование Эдуарда представляло угрозу для новой власти. Как оказалось, кое-какие сторонники у свергнутого короля остались. К сентябрю 1327 года насчитывались уже три неудачные попытки освободить Эдуарда Второго, поэтому королева и ее капитан склонились к более традиционному способу избавления от бывшего короля, сулящего много неприятностей, – убийству.

Дальнейший рассказ, скорее всего, недостоверен, но позднейшие хронисты настаивали на том, что Эдуарда Второго убили раскаленной докрасна кочергой, вонзив ее ему в спину. Как бы там ни было, несомненным остается факт: сорокатрехлетний, вполне здоровый мужчина умер 21 сентября 1327 года. Его похоронили со всеми почестями, достойными мертвого венценосца. Его жена и сын плакали и падали на колени перед золоченым катафалком.

Вот только молодой король Эдуард Третий научился кое-чему у своей матери. Хотя Изабелла и Мортимер были бы не прочь править страной до бесконечности, молодой король не собирался

сидеть сложа руки. В конце 1330 года, спустя три года после того, как Изабелла и Мортимер захватили власть, восемнадцатилетний король обыграл их. Группа дворян, верных короне, арестовала Мортимера по обвинению в предательстве. Его повесили 29 ноября 1330 года. Изабелле ничего не оставалось, кроме как смириться со смертью любовника и отступиться, отдав свои огромные поместья сыну. Будучи женщиной разумной, она сделала это на той же неделе, когда казнили Мортимера.

Всю оставшуюся жизнь королева прожила в полном повиновении своему сыну. Умерла она в 1358 году. Французскую Волчицу, как прозвали ее окружающие, похоронили так, как она пожелала: с серебряной вазой, в которой покоилось сердце ее мужа, человека, свергнутого ею с трона и, возможно, убитого.

Принцессы-ведьмы

Находиться недалеко от английского трона было опасно для женщины, даже если она не собиралась подсидеть своего мужа. Не только плохое поведение могло оборвать ее похожую на сказку жизнь, но и *голословное обвинение* могло стоить ей свободы или даже головы.

Обвинение в колдовстве было довольно распространенным явлением. Большинство людей в средневековой Англии верили в колдунов, ведьм и дьявола столь же истово, как верили в Иисуса Христа, Бога Отца и Святого Духа. Люди нисколько не сомневались в том, что существуют павшие личности, которые заключают договоры с сатаной, приносят в жертвы младенцев, совокупляются с демоническими тварями во время черных месс, имеют в помощниках животных и летают на метле. А что же насчет островерхой шляпы? Это было не обязательно.

Колдовство было мракобесием, преступлением, угрожающим не только бренному телу, но и бессмертной душе. Наказывать преступниц должна была Церковь. Часто наказанием за колдовство являлась смертная казнь. Оправдаться было непросто, поэтому обвинение в колдовстве стало удобным способом нейтрализации женщин, которые позволяли себе лишнее. В период, начиная с правления короля Генриха Четвертого и заканчивая Генрихом Восьмым включительно, в течение полутора столетий, отличающихся политической и социальной нестабильностью, четыре женщины королевской крови были обвинены в причастности к занятиям черной магией. Читайте их истории ниже.

Жанна Наваррская

Вторая жена короля Генриха Четвертого, француженка по рождению, Жанна Наваррская была одной из первых европейских принцесс и королев, обвиненных в колдовстве.

Жанна вышла замуж за Генриха Четвертого в 1403 году, всего через несколько лет после того, как последний захватил власть у предыдущего монарха Ричарда Второго. У обоих супругов были дети от первых браков. Поначалу члены этой средневековой «Семейки Брэди»[15] вроде бы неплохо ладили между собой, но…

Но в 1419 году, через шесть лет после смерти Генриха Четвертого, Жанну обвинили в том, что с помощью колдовства она пыталась отравить своего пасынка, молодого короля Генриха Пятого. Не помогло даже то, что у Жанны были вполне неплохие отношения с молодым королем и не было никаких причин желать его смерти. Как бы там ни было, а ее духовник, вероломный брат Рендольф, заявил, что вдовствующая королева говорила ему, будто «замышляет умертвить короля наиболее жутким из всех возможных способов». Для этого она колдовала над восковой куклой, символизирующей его величество. Жанну поместили под домашний арест в замке Певензи и не позволяли пользоваться доходами с ее приданого. Освободили ее в 1422 году. В том же году Генрих Пятый умер – не от колдовства, а от дизентерии.

На самом деле обвинения в колдовстве были, скорее всего, наказанием за то, что Жанна старалась помочь своему сыну-французу от первого брака сбежать из плена, в который он угодил к англичанам после битвы при Азенкуре в 1415 году. Удивлены? В те времена верность не многого стоила. Англия в те годы содрогалась от общественных беспорядков, частых государственных переворотов, увеличения власти Церкви и ужасных суеверий. В таком социальном климате было проще простого с помощью обвинения в колдовстве избавиться от политического противника.

Элеонора Кобхем, герцогиня Глостерская

Двадцать лет спустя еще одну англичанку королевских кровей обвинили в колдовстве. Элеонора Кобхем была второй женой Хамфри, герцога Глостерского, являвшегося братом покойного Генриха Пятого и дядей молодого короля Генриха Шестого. Единственной досадной преградой, стоявшей между Элеонорой и троном, был человек, которого никто не любил. Если

вывести Генриха Шестого из игры, то герцог Глостерский станет королем, а Элеонора – королевой. В 1441 году поползли слухи о том, что люди в окружении двадцатилетнего короля занимаются чернокнижием и намереваются умертвить монарха с помощью «чар и колдовства». Вдобавок ко всем бедам сам дьявол появился незадолго до этого прямо в церкви графства Эссекс. Стало ясно, что грядет какая-то беда.

То, что произошло впоследствии, конечно, зло, но оно имеет отношение скорее к политике, чем к колдовству. Роджера Болингброка, оксфордского священника, врача и астролога, а также Томаса Саузвелла, каноника церкви Святого Стефана в Вестминстере, арестовали и обвинили в заговоре с целью убийства короля посредством некромантии. У Болингброка при обыске нашли восковую куклу короля, которую, как утверждалось, медленно растапливали, намереваясь нанести вред здоровью монарха. Обоих мужчин в июле 1441 года поместили в Лондонский Тауэр. Болингброк на допросе (читайте «под пытками») показал, что на этот шаг его подбила герцогиня Глостерская, которая с помощью магии намеревалась умертвить короля. Перед Элеонорой замаячили обвинения в колдовстве (смерть на костре) и государственной измене (смерть через повешенье). Женщина пыталась бежать, но была поймана и предстала перед церковным судом, большинство членов которого были ее врагами.

Во время суда к двум предполагаемым сообщникам Элеоноры добавилась некая Маргери Джордемейн, прозванная Ведьмой Дурного Глаза. Она утверждала, что Элеонора просила у нее приворотного зелья ради того, чтобы еще больше привязать к себе герцога Глостерского. Имея против себя такие доказательства, Элеонора призналась в том, что прибегала к колдовству. Зелье, полученное от Ведьмы Дурного Глаза, по ее словам, было нужно ей для того, чтобы зачать ребенка. Герцогиня отрицала какой-либо злой умысел против короля.

Всех четырех признали виновными. Ведьму Дурного Глаза живьем сожгли на рыночной площади Лондона. Болингброка повесили, а затем его труп обезглавили и четвертовали. Везунчик Саузвелл умер в тюрьме, возможно, совершил самоубийство. После ходатайства короля смертный приговор Элеоноре был отменен. Ее лишили титула и заставили в качестве церковной епитимьи пройти босиком, держа тяжелую свечу в руках, к кафедральному собору Святого Павла и еще к двум лондонским церквям. Стояла зима. Неприкрытая снегом замерзшая земля обжигала холодом ноги Элеоноры. Столпившийся вокруг народ зло потешался над ней. После этого женщину сделали узницей

одного из валлийских замков, где она умерла спустя восемнадцать лет после приговора суда. Ее муж, зная, что ничем помочь ей просто не в состоянии, предоставил Элеонору ее судьбе. Не подлежит сомнению, что политические враги герцога Глостерского приложили руку к ее падению. Элеонора, взбираясь наверх, не приобрела себе друзей среди английской знати. Герцог Глостерский потерял немало сторонников после женитьбы на ней и попыток увеличить свои богатства за чужой счет. Лишившись жены таким скандальным образом, он утратил влияние на короля. Позор Элеоноры пал и на его голову. В дальнейшем в истории Англии герцог не играл никакой значительной роли.

Элеонора вошла в историю как честолюбивая колдунья. В пьесе Шекспира «Генрих Шестой», во второй ее части, герцог Глостерский умоляет свою супругу: «Гони червя честолюбивых дум», но заносчивая Элеонора его не слушает. Когда она и ее соучастницы вызывают духа, желая узнать будущее, врываются политические враги герцога и арестовывают всех. Герцог Глостерский, узнав, в чем обвиняют его супругу, негодует:

Я отсылаю прочь ее и предаю
Во власть закона и ее бесчестья,
Хоть этим имя честное мое
Навек покрою несмываемым позором.

Жакетта Люксембургская и Елизавета Вудвилл

Двадцать лет прошло с тех пор, как на Элеонору наложили церковную епитимью, и новые обвинения в колдовстве посыпались уже с другой ветки родового дерева. В 1432 году семнадцатилетняя Жакетта Люксембургская вышла замуж за Джона, герцога Бедфорда, вдовца сорока трех лет от роду, младшего брата Генриха Пятого и герцога Глостерского. По прошествии трех лет герцог Бедфорд скончался, оставив после себя молодую и очень богатую вдову. Спустя два года она снова вступила в брак. На этот раз ее мужем стал небогатый рыцарь сэр Ричард Вудвилл.

Несмотря на повторный брак, Жакетта оставила за собой титул герцогини Бедфорд и влияние при дворе. Она косвенно была замешана в интригах, которые там плелись. Без сомнения, падение единственной кроме нее женщины с титулом герцогини, Элеоноры, не осталось ею незамеченным. Поэтому Жакетте следовало быть начеку и десятой дорогой обходить все,

что хотя бы чуточку напоминает о колдовстве. Она должна была понимать, как изменчива удача при дворе английского короля. Так оно и вышло.

В 1461 году Эдуард Четвертый с помощью графа Уорика сверг с престола психически больного Генриха Шестого. По прошествии трех лет дочь Жакетты, красавица Елизавета Вудвилл, тайно сочеталась браком с Эдуардом Четвертым. Счастливая будущность Вудвиллам, казалось, обеспечена, но в 1469 году гражданская война угрожала разразиться с новой силой[16].

Эдуард Четвертый столкнулся с мятежом, поднятым бывшим союзником, графом Уориком. Опасаясь растущего влияния Вудвиллов, граф казнил мужа и сына Жакетты, а саму женщину обвинил в колдовстве. Свидетели заявляли, что герцогиня приказала отлить из свинца статуэтки короля и королевы. Ходили слухи, что своей удачей Жакетта и ее родня обязаны колдовству, а статуэтки являются орудием черной магии.

На суде герцогиня смогла доказать свою невиновность, но подозрения в причастности к колдовству все равно повисли над Жакеттой, ее дочерью и внуками грозовой тучей. После смерти Эдуарда Четвертого в 1483 году его младший брат, взошедший на престол под именем Ричарда Третьего, объявил, что дети его предшественника от Елизаветы не имеют никаких прав на престол. Его заявление о том, что до брака с Елизаветой Эдуард Четвертый уже был женат на другой женщине, делало покойного короля двоеженцем, а его детей – незаконнорожденными. Ричард Третий к тому же утверждал, что брак его старшего брата и Елизаветы был заключен под действием чар. Двух сыновей Елизаветы, двенадцатилетнего наследника трона и его девятилетнего брата, заперли в Лондонском Тауэре. Больше никто не видел их живыми.

Анна Болейн

Жанна, Элеонора и Жакетта стали жертвами обвинений в колдовстве, но им, по крайней мере, удалось сохранить голову на плечах. Анна Болейн такой удачливостью не отличалась.

Получившая воспитание во Франции, Анна появилась при дворе английского короля в 1522 году. Ей исполнился двадцать один год. Несмотря на английские корни, все в поведении этой девушки было французским. Отличаясь смазливой внешностью, она была умна, остроумна, преуспела в искусстве флирта и прекрасно разбиралась в моде. Король Генрих Восьмой уже успел сделать своей любовницей ее сестру,

но Анна во многом отличалась от Марии. Анна играла на чувствах короля, дерзила и отказывалась с ним спать, по крайней мере, некоторое время. Они стали любовниками во всем, кроме, собственно говоря, самой постели. А Генриха Восьмого тем временем мучала династическая проблема, связанная с королевой Екатериной Арагонской, которая все не дарила ему наследника мужского пола. Король решил, что если ему все же удастся убедить Анну отдаться, то она уж точно родит ему сына.

В течение шести лет их отношения были для придворных секретом Полишинеля. Все знали, что король ищет повода расторгнуть свой брак, что Болейны воспарили на социальном небосводе до невиданных высот, а Анна держит в своих ручках как сердце Генриха Восьмого, так и весь двор. В 1533 году советники короля подсказали ему хитрый, но опасный способ добиться развода. Если Папа Римский не желает удовлетворить просьбу короля, почему бы в таком случае Генриху Восьмому не порвать с Римом? В результате этого решения узурпировавший церковную власть король был отлучен Папой Римским от Церкви и получил в королевы другую женщину, а его подданные – новую Церковь, названную впоследствии англиканской. Теперь Екатерина перестала быть помехой. Король быстро обвенчался с находящейся на шестом месяце беременности Анной Болейн. Она стала королевой.

В том же году Анна родила крепенькую девочку, со временем ставшую королевой Елизаветой Первой, но все последующие беременности оканчивались преждевременно. У Анны случился выкидыш. Зародыш мужского пола, согласно преданию, походил на сплющенное чудовище. Та же судьба постигла и второго не появившегося на свет сына короля. Анна не могла подарить Генриху Восьмому того, в ком он так отчаянно нуждался, и супруги постоянно ссорились. Королева ревновала мужа и закатывала истерики. А король тем временем начал приглядываться к другим дамам при дворе, обращая особое внимание на ширину их бедер. Его выбор остановился на Джейн Сеймур, фрейлине Анны, несколько бесцветной женщине, которая, впрочем, происходила из многодетной семьи, а значит, имела шанс быть вполне плодовитой.

Будущую королеву Генрих Восьмой нашел, но о повторном разводе не могло быть и речи. Тогда его советники предложили ему план выхода из затруднительного положения. В 1536 году на основе показаний одного музыканта, который, возможно, был на самом деле гомосексуалистом и которого, как известно, до этого пытали, Анну обвинили в измене мужу. Среди пятерых

обвиняемых в связи с королевой был ее родной брат. Кроме этого Анне инкриминировали государственную измену. Ей вменялось в вину то, что она плела заговор с целью убийства Генриха Восьмого, после чего собиралась выйти замуж за одного из своих любовников.

Предания лгут, когда утверждают, что Анну Болейн судили за колдовство, но подобного рода обвинения упростили задачу добиться обвинительного приговора. Колдовством объяснялись выкидыши в те времена, когда за врожденными пороками развития плода усматривались происки дьявола и грехи матери. Помимо прочего, это снимало с Генриха Восьмого всякую ответственность. Теперь он мог утверждать, что это Анна с помощью чар принудила его развестись с Екатериной. Шестой палец на руке и таинственное родимое пятно, которое, по слухам, было у Анны на шее, являлись дополнительными доказательствами ее близкого знакомства с дьяволом.

Ее признали виновной по всем обвинениям. На суде председательствовал родной дядя Анны Болейн. Женщину обезглавили 19 мая 1536 года на территории Лондонского Тауэра. Она так ни в чем и не призналась, до конца продолжая разыгрывать перед всеми любящую жену, покинутую мужем. Перед казнью Анна, кажется, смирилась со своей судьбой. Она даже пошутила в присутствии палача, сказав, что отсечь ей голову будет несложно: «У меня такая тонкая шея». При этих словах женщина рассмеялась и прижала ладони к своей белоснежной, худой шее.

Роксолана (около 1502 – апрель 1558) Женщина, которая прошла путь от рабыни до султанши

Оттоманская империя

В 1536 году у султана Оттоманской империи было всего два человека, которым он мог доверять. Первым был Ибрагим-паша, великий визирь и старинный друг. Вторым – жена Роксолана. По национальности она была украинкой, бывшей рабыней, которая выжила в яме с тиграми, называемой гаремом, и стала султаншей. После того как великого визиря нашли с перерезанным горлом, Роксолана осталась единственной советчицей и доверенным лицом Сулеймана. Угадайте, кто стоял за убийством Ибрагим-паши?

Ужасы гаремной жизни

Когда Роксолана появилась при дворе султана (около 1520 года), хасеки (главной наложницей) в гареме была красивая черкешенка Гульбахар, уже успевшая родить правителю сына. В то время Роксолане было около семнадцати лет. Почти сразу же ей удалось пробиться наверх, превратившись из служанки в одну из любимых наложниц султана. После потасовки, в которой Роксолана оказалась побежденной стороной, она сделалась единственной фавориткой Сулеймана.

Будучи соперницами, Гульбахар и Роксолана с самого начала испытывали друг к другу неприязнь, а после того, как у последней родился сын, неприязнь переросла в ненависть. Скандал разразился, когда однажды Гульбахар назвала соперницу «предательницей» и «проданным мясом». (Поверьте мне, это грубые оскорбления.) Взбешенная Роксолана набросилась на черкешенку, как дикая кошка. Когда потасовка закончилось, волосы Роксоланы были в плачевном состоянии, а лицо покрывали царапины. В таком виде предстать пред очи султана она не могла.

Вполне возможно, что Роксолана добивалась этого с самого начала. Когда явился евнух, чтобы вести женщину в покои

султана, Роксолана отказалась идти по причине того, что не желает оскорблять лучезарного Сулеймана своим избитым видом, как бы сильно тот ни хотел ее видеть. Встревоженный султан настоял, чтобы любимая наложница явилась в его покои. Увидев, в каком плачевном состоянии она находится, Сулейман выслал Гульбахар в дальние пределы Оттоманской империи, а Роксолана стала хозяйкой гарема.

Сулеймана настолько покорила эта женщина, что он стал жить с ней почти в моногамных отношениях, настолько, насколько это вообще свойственно султанам. Однажды, когда в качестве подарка ему прислали красивых женщин, Роксолана учинила такой скандал, что Сулейману пришлось отослать их обратно. Поговаривали, что она даже убедила султана выдать замуж самых прекрасных девушек в гареме, мотивируя свое желание тем, что в противном случае их красота увянет напрасно. Роксолана пользовалась особым положением. Наперекор древней традиции «одна наложница, один сын», призванной уменьшить женское влияние на правителя и предотвратить борьбу за власть, она родила Сулейману одного за другим четырех сыновей и дочь.

Ее стремительное восхождение к власти еще более удивительно, учитывая незнатное происхождение этой женщины. Имя Роксолана, в переводе означающее «русская», должно быть, было придумано ей при дворе. Это не совсем корректно, учитывая то, что эта женщина родилась в Западной Украине, входившей в то время в состав Речи Посполитой. Хотя проследить ее происхождение трудно, поскольку ее настоящее имя неизвестно, принято считать, что Роксолана родилась между 1502 и 1505 годами. Предположительно, она была дочерью священника. В свое время ходили упорные слухи, будто Роксолана – незаконнорожденная дочь короля Сигизмунда Первого, но к подобного рода утверждениям нельзя относиться всерьез. Скорее уж это была попытка возвеличить Роксолану. Каким бы ни было ее происхождение, в возрасте пятнадцати лет девочку угнали во время набега крымские татары. Ей пришлось пешком идти в Кафу[17], на самый большой невольничий рынок в черноморском регионе. Здесь, согласно легенде, ставший впоследствии великим визирем Ибрагим-паша купил ее для султанского сына Сулеймана. Немного иронично, если учесть, как сложилась в дальнейшем судьба Ибрагима-паши.

Как же молодой рабыне удалось до такой степени обольстить султана? В конце-то концов, поступив в гарем, она заняла в нем самое скромное место. Роксолане пришлось выдержать соперничество с тремя сотнями привлекательных, интересных и талантливых в определенном смысле женщин. Согласно

воспоминаниям одного из послов, исключительной красавицей Роксолана не была. Несмотря на чистую кожу, рыжие волосы, элегантность и скромность, девушка была довольно низкорослой и склонной к полноте. Первоначальный интерес к ней султана, скорее всего, объяснялся ее личными качествами. Она была мила и остроумна, умела играть на гитаре и доставить ему удовольствие. Турки прозвали ее Хюррéм, что можно перевести как «радостная» или «смеющаяся». Недруги, впрочем, утверждали, что Роксолана прельстила султана любовными снадобьями и колдовством. Турки называли ее также «зиади», то есть «ведьма». Что ни говори, а Роксолана была изобретательной. Так, к примеру, когда пожар стер с лица земли старый сераль, в котором проживала она и другие наложницы, Роксолана изъявила желание переехать в новый дворец, поближе к султану, что дало ей преимущество над другими.

Очутившись во дворце султана, Роксолана там и осталась. В 1533 или 1534 году, вскоре после ее переезда, султан взял рыжеволосую наложницу себе в жены. Церемония была пышной, как и полагается свадьбам августейших особ. Была музыка, танцы, пиршество, качели и жирафы. Свадьба удалась на славу. Современник писал: «Много толкуют о свадьбе, и никто не знает, что бы это могло означать». За минувшие три столетия Сулейман стал первым султаном, взявшим в жены наложницу. Роксолана стала первой наложницей-рабыней за всю историю Оттоманской империи, которой даровали волю и которую сделали законной женой.

Став султаншей, Роксолана получила бóльшую свободу действий, чем любая другая женщина до нее, например, мать султана. Когда Сулейман отсутствовал, его супруга часто брала на себя роль правительницы государства. Чтобы изменить общественное мнение касательно своего ведовства, Роксолана много поработала на ниве благотворительности, совершая добрые поступки и финансируя возведение величественных и полезных народу сооружений.

Наиболее удобное убийство

Но все привилегии быстро бы исчезли, если бы Роксолана расслабилась, а не уцепилась обеими руками за власть. Вырвавшись из безвестности гарема и став султаншей, она не хотела довольствоваться ролью смазливой племенной кобылы-производительницы. Именно поэтому ей пришлось избавиться от великого визиря. Ибрагим-паша был единственным

человеком, помимо нее, кому султан доверял. Он был единственным при дворе, чья власть не уступала ее собственной. А еще, попросту говоря, Ибрагим-паша ей не нравился. Он был из породы тех, кто умеет за себя постоять. Когда один поэт дурно выразился об Ибрагиме-паше в стихах, тот приказал провезти несчастного по городу на спине осла, а затем удавить.

Роксолана передавала повелителю слухи о великом визире, которые слышала от придворных, и неустанно твердила султану о своей неприязни к Ибрагиму-паше. А тот тем временем ничего не предпринимал, чтобы улучшить отношение к себе при дворе. Он стал ужасно заносчив и, кажется, даже принимал решения, не посоветовавшись с султаном. Слухи о том, что Ибрагим-паша плетет заговор против Сулеймана, становились все громче. Возможно, сама Роксолана нашептывала их в уши своего мужа. Пятнадцатого марта 1536 года изувеченный труп Ибрагима-паши был найден в забрызганной кровью спальне. Безжалостные глухонемые убийцы султана, которых он держал для подобного рода случаев, сделали свое дело.

В пятидесятые годы XVI века Роксолана сама по себе являлась значимой политической фигурой, но даже ей нужны были союзники. Она нашла единомышленника в лице Рустема-паши, мужа своей дочери, занявшего освободившийся пост великого визиря. Оппозицию им составил «принц» Мустафа, наследник Сулеймана и его сын от впавшей в немилость наложницы Гульбахар. Хотя Мустафа правил в отдаленной от центра провинции империи, он не уступал отцу силой характера, быстротой мысли и целеустремленностью. К тому же он пользовался любовью народа, а сыновья Роксоланы нет.

Женщина прекрасно понимала, что, если к власти придет Мустафа, ее убьют или вышлют обратно в старый сераль, где она будет жить среди «запасных» жен и исчерпавших свою полезность наложниц. А еще Роксолана понимала, что, расчищая себе дорогу к власти, Мустафа убьет всех ее сыновей. Ей оставалось одно: сделать так, чтобы у него не было ни единого шанса.

Согласно популярной легенде, Роксолана сначала сама решила разделаться с Мустафой, послав ему пропитанные ядом одежды. Когда ее план не сработал, она использовала все свое влияние, чтобы заставить султана сделать грязную работу за нее. В 1553 году Мустафу казнили по приказу султана, обвинив его в заговоре с целью убийства Сулеймана и узурпации власти. С точки зрения широкой турецкой общественности и придворных вельмож Роксолана и Рустем-паша сфабриковали дело и настроили отца против сына. Некоторые утверждали даже, что Роксолана с помощью колдовства отравила разум своего

мужа. Рустем-паша лишился должности великого визиря в тот же день, когда казнили Мустафу. Впрочем, опала была временной. Два года спустя Роксолана добилась возвращения Рустема-паши.

Всепобеждающая любовь

Тысячи наложниц в Оттоманской империи жили, рожали детей и умирали, не оставив после себя даже имени. Роксолана воистину должна была быть неординарной личностью, чтобы заставить султана сделать из нее честную женщину.

Но причину этого следует искать не только в хитрости и интриганстве Роксоланы. В центре всей этой истории лежит, как ни странно, великая любовь. Сулейман искренне любил Роксолану и в течение большей части четырех десятилетий, проведенных ими вместе, не изменял ей с другими. Вся глубина его чувств видна не только в том, как Сулейман относился к этой женщине, но и в написанном ей или о ней. В одном стихотворении как нельзя лучше видна вся глубина его переживаний:

Моя любовь, моя единственная,
Красавица над красавицами,
Моя султана, моя жизнь,
Мой самый ценный дар,
Мой райский эликсир,
Мой рай.

Роксолана, судя по всему, отвечала ему взаимностью. Во время частых отлучек мужа она постоянно поддерживала с ним переписку, ничего не упуская из повседневных мелочей, здоровья детей и жизни при дворе. Она писала: «Мой повелитель! Ты зажег во мне неугасимое пламя».

Когда Роксолана умерла в 1558 году при невыясненных обстоятельствах, Сулейман был безутешен. По его приказанию возвели роскошный мавзолей. Роксолана стала первой женщиной из гарема, которую похоронили с такой пышностью. Султан умер восемь лет спустя, на старости лет страдая от подагры, артрита и язвы на ноге. Между двумя его сыновьями, оставшимися в живых, разразилась кровавая междоусобная война за трон.

Екатерина Радзивилл (30 марта 1858–12 мая 1941) Княгиня-аферистка

Германия и Южная Африка

В 1884 году в течение нескольких недель светские круги Европы были скандализированы и в то же самое время немного позабавлены письмами некоего графа Павла Василия, которые печатались в одном французском журнале. «Граф» рекомендовал себя дипломатом при берлинском дворе кайзера Вильгельма, но все понимали, что это имя – всего лишь псевдоним.

Кем бы ни был этот человек, он, как казалось, был знаком со многими важными особами. Зло высмеивая их, автор называет сильных мира сего по именам и не стесняясь рассказывает об их недостатках. Об императрице Августе «граф» писал: «Она двуличная притворщица и интриганка. У нее нет ни чувства собственного достоинства, ни чувства меры… Она окружила себя придворными и фаворитками, которые первыми распространяют слухи, порочащие их августейшую госпожу». Нравы двора «граф» характеризовал так: «Адюльтер разросся на хорошо удобренной почве и цветет буйным цветом… Добродетель относится к тем качествам, которые считаются бесполезными. Что касается любви, то она встречается крайне редко. В высшем обществе Берлина люди сходятся и расходятся, повинуясь собственным прихотям». О типичной состоятельной фрау было написано: «Представительница высших слоев общества в Берлине не читает, не работает и вообще ничем полезным не занимается. Свое свободное время она проводит в пустой болтовне, одевании, раздевании и поиске тех, кто поможет ей в этих занятиях. В голове у нее нет серьезных мыслей, а в сердце – глубоких чувств… Она ничего из себя не представляет в том, что касается образования, тактичности и изящества манер». Короче говоря, Берлин предстал в этих письмах помойной ямой, где процветают нетерпимость, провинциализм, супружеские измены, сплетни и дух упадка. Письма оказались настолько популярными, что их издали отдельной книгой под вполне подходящим названием – «Берлинское общество».

Неудивительно, что общество Берлина не особо обрадовалось появлению этих публикаций. Двору кайзера Германской империи

не исполнилось еще и пятнадцати лет, а сам Берлин только недавно превратился из захолустного городишки с немощеными улицами в столицу. Берлинцы чувствовали себя немного ущербными, и то обстоятельство, что некто, допущенный во внутренний круг, смеет так над ними потешаться, возмущало. Автором скандальных публикаций был не иностранный дипломат, а человек из своего же окружения – двадцатишестилетняя княгиня Екатерина Радзивилл.

Кусать руку, тебя кормящую

Урожденная Екатерина Адамовна Ржевуская была дочерью изгнанного из страны польского магната, чьи владения находились на землях, входящих в настоящее время в состав Украины[18]. Екатерина росла в замке, в котором бродило привидение одной из ее родственниц – когда-то член ее рода замуровал живьем в башне собственную мать, желая поскорее заполучить наследство. В пятнадцатилетнем возрасте Екатерину выдали замуж за двадцативосьмилетнего князя Адама Карла Вильгельма Радзивилла, который проживал в изгнании в Берлине. Церемония бракосочетания была невеселой и по возможности краткой. В 1873 году Екатерина, которая до этого успела побывать в Париже и Санкт-Петербурге, была введена в берлинское общество, которое не произвело на нее никакого впечатления.

Екатерина обладала саркастическим складом ума. Молодая женщина открыто демонстрировала пренебрежительное отношение недавно созданному двору кайзера. Один британский дипломат писал, что при дворе боятся ее «острого язычка». Под влиянием своей тетки, вдовы французского писателя Оноре де Бальзака[19], Екатерина облекла свои нелицеприятные наблюдения в словесную форму. Сначала это были письма, а потом вышедшее анонимно хлесткое «Берлинское общество».

Сплетни и слухи – это, конечно, интересно, но по-настоящему Екатерину интересовала политика, сфера, в которую женщине путь был заказан. Когда княгиня Радзивилл не была беременна (к двадцати двум годам она родила пятерых детей), она любила дни напролет слушать речи депутатов в немецком рейхстаге. Неудовлетворенные политические амбиции привели к тому, что Екатерина увлеклась журналистикой, и в скором времени люди начали подозревать, что ее «острый язычок» имеет непосредственное отношение к «Берлинскому обществу». В 1885 году ей и мужу пришлось перебраться в Санкт-Петербург.

Впрочем, княгиню это нимало не тревожило. Она ненавидела Берлин. В ее характере чувствовалось много русского – видимо, сказалась кровь матери. Княгиня так никогда и не признала, что была изгнана из берлинского высшего общества. Только гораздо позже она написала, что императрица Августа невзлюбила ее за «не имеющее оправданий преступление, состоящее в том, что я написала вполне невинную во всех отношениях книгу». Как бы там ни было, писать это Екатерине ни при каких обстоятельствах не следовало. Впрочем, и в дальнейшем написанное ею будет доводить княгиню до беды.

Стипендиатка Родса

Последующие годы оказались не особо благосклонными к княгине. Все ее попытки стать влиятельной политической фигурой в Санкт-Петербурге ни к чему не привели. Приход к власти Николая Второго, которому просто некогда было заниматься такими, как она, доказал полную несостоятельность амбиций княгини. Брак разваливался на глазах, дети покидали родительское гнездо, а Екатерина всю себя посвятила политической журналистике. Впрочем, без царского одобрения княгине Радзивилл не доставало одной важной вещи – доступа к информации. Она оставалась одной из армии много мнящих о себе щелкоперов. Княгине просто необходимо было оказаться в другом политическом климате.

В феврале 1896 года ей представилась прекрасная возможность, когда во время пребывания в Лондоне княгиня на званом ужине сидела возле Сесиля Родса, южно-африканского политика британского происхождения, крестного отца Родезии и основателя стипендии Родса. Политическая карьера бывшего премьер-министра Капской колонии клонилась к закату. Месяц назад он вынужден был уйти в отставку после провального набега Джеймсона – авантюрной попытки вторгнуться на территорию Трансваальской республики и свергнуть местное правительство буров. Набег с согласия шефа возглавлял доктор Линдер Джеймсон, правая рука Родса.

Родс вскоре забыл о княгине, а она о нем нет. В 1897 году, спустя полтора года после их знакомства, Екатерина написала ему письмо, уверяя, что при первой встрече отнеслась к нему с толикой подозрения, но теперь, спустя некоторое время, осознала в полной мере его величие. А еще княгиня писала о своем «даре или проклятии предвиденья», согласно которому в течение ближайших шести месяцев его ждут большие

неприятности. К письму Екатерина приложила золотую безделушку, с которой умоляла никогда не расставаться. Беспокойство княгини произвело на Родса самое благоприятное впечатление. Он сохранил ее письмо и амулет. Спустя полтора года княгиня Радзивилл написала ему снова. На этот раз она просила совета насчет выгодных капиталовложений. Родс посоветовал ей вложить свои деньги в строительство железной дороги в Машоналенде (Зимбабве).

В тот период времени, к которому относится это письмо, Екатерина жила одна в Париже, страдая от депрессии и призрака бедности, маячившего на горизонте. Согласно воспоминаниям личного секретаря Родса, Филиппа Джордана, княгиня начала навязываться его работодателю. В своих записках он сообщает о том, как Родс несколько раз брал билет на пароход, плывущий в Африку, а потом сдавал его и снова брал. Екатерина в свою очередь то и дело бегала к агенту бюро путешествий, чтобы узнать о планах Родса и изменить свои в соответствии с тем, что делал он. Поэтому никто не удивился, когда Родс, наконец-то отбыв в Южную Африку в июле 1899 года, в обеденном салоне первого класса застал там уже поджидающую его Екатерину Радзивилл.

К этому времени ей исполнился сорок один год, но княгиня все еще оставалась привлекательной женщиной. К тому же она была умной, обладала обширными родственными связями и прекрасно разбиралась в политических вопросах. А еще, к всеобщему замешательству собравшихся за обеденным столом, она вполне «откровенно» выразилась о причине, побудившей ее пуститься в плавание к берегам Южной Африки: ее муж, с которым она разводится, ужасный человек, и она боится за свою жизнь в Европе. По воспоминаниям Джордана, однажды княгиня упала в обморок прямо в объятия Родса. Того тронуло отчаянное положение Екатерины Радзивилл. (Надо заметить, что другие пассажиры особых странностей в ее поведении не заметили.) Сесиль Родс, как бы там ни было, оказался достаточно любезен, чтобы по прибытии предложить княгине остановиться в его доме.

Если целью Екатерины было вызвать в душе у Родса романтические чувства, то она лаяла не на то дерево, как говорят в таких случаях. Родс был либо убежденным холостяком, либо скрытым гомосексуалистом. Сначала, впрочем, Екатерина использовала это знакомство для наведения мостов в политических кругах колонии. Сесиль представил ее нескольким видным южноафриканским политикам. Будучи княгиней, Екатерина вызвала своим появлением маленькую сенсацию. Ее приглашали на все важные общественные

мероприятия. Женщина часто посещала в качестве зрительницы заседания местного парламента. Референты Родса прозвали ее «Принцесса Разделил» за пристрастие к интриганству и любовь к политическим дрязгам. По прошествии нескольких месяцев, впрочем, гостеприимству Родса пришел конец, после того как он узнал, что княгиня распространяет разного рода сплетни, в то числе и о том, что они любовники и даже обручены. Екатерина Радзивилл и впрямь любила приврать. Причины, побуждающие ее к этому, остаются неясными. Возможно, всему виной политические амбиции. К сожалению для нее, все ее старания пошли прахом.

А между тем политический пейзаж в стране омрачился началом Второй англо-бурской войны. Пока Родс четыре месяца сидел в Кимберли, осажденном войсками буров, Екатерина встретилась с голландскими лидерами партии Союз африканеров. Во время беседы поднимались вопросы о создании объединенной англо-африканерской партии и примирения Родса с политическим истеблишментом колонии. Женщина принялась издавать газету «Величие Британии», в которой защищала интересы Родса. Поведение Екатерины Радзивилл перешло границы дозволенного. Теперь она хотела стать той, кто возвратит Сесиля Родса в кресло премьер-министра федерального государства Южная Африка. Вот только мужчина не хотел, чтобы «престарелая принцесса» ему помогала. Он не хотел даже видеть ее где-нибудь поблизости. Родс пытался сбежать от нее, но Екатерина преследовала его с неутомимым упорством.

Княгине ничего не оставалось, как продолжать доигрывать свой гамбит. К этому времени ее финансы находились в крайне плачевном состоянии. В марте 1900 года Екатерина попросила Родса стать ее финансовым поручителем. Он ничего не написал ей в ответ, но позже утверждал, что поручил своему поверенному в делах сообщить княгине, что готов оплатить ее огромный счет за пребывание в отеле, если она согласится уехать из страны. В апреле Екатерина уехала, но не надолго. После непродолжительного пребывания в Лондоне, где княгиня написала несколько статей в поддержку Родса-политика, в июне она вернулась на корабле в Кейптаун. Спустя несколько месяцев после ее возвращения отношения между княгиней и Родсом деградировали до состояния тотальной войны. Некоторые историки утверждают, будто все началось с того, что Екатерина начала шантажировать объект своей необычной привязанности.

Что же у нее могло быть на Родса? Скорее всего, так называемые «пропавшие» телеграммы и документы, имеющие

отношение к неудачному набегу Джеймсона. Историки предполагают, что они могли изобличать британского государственного секретаря по вопросам колоний в причастности к разработке плана набега. Как Екатерине удалось заполучить эти телеграммы, остается неизвестным. Вполне возможно, что она попросту стащила их во время одного из своих «визитов» в кабинет Родса без сопровождения. Что бы ни было в этих документах, политик страстно желал их вернуть. Свидетели слышали, как они «ссорились» из-за этих документов. Представители властей обыскали номер княгини, но ничего не нашли.

В 1901 году Екатерина опустилась до откровенного преступления, когда, остро нуждаясь в деньгах, подделала подпись Родса на долговых расписках на общую сумму в двадцать четыре тысячи фунтов стерлингов. Когда в банке отказались принимать ее подделки, Екатерина обратилась к акуле-ростовщику с подмоченной репутацией. Ложь громоздилась на лжи. Десять недель спустя княгиня настолько запуталась, что помочь ей не смог бы уже никто. Мистер Том Лоув подал в суд на Радзивилл и Родса, требуя обналичить вексель. Махинации Екатерины всплыли на поверхность. Обвиняемые не появились на суде, и слушания отложили. Екатерину арестовали по обвинению в двадцати четырех случаях мошенничества и подлога. Через неделю ее отпустили под залог загадочным образом появившихся у нее для этого денег. Судебное разбирательство отложили до февраля 1902 года.

Княгиня на суде

Теперь настала очередь Екатерины стать «жертвой» шантажа: люди Родса предложили ей оплатить фиктивные долговые обязательства в обмен на украденные ею телеграммы. Княгиня отказалась. Она, судя по всему, склонялась к мысли покинуть Южную Африку. «Если я не уплыву завтра, то послезавтра окажусь на улице или на суде. Лучше уж свести счеты с жизнью», – писала она одной из бывших подруг. А в это время Родс решил выбрать иной способ защиты: публично вывести аферистку на чистую воду. Он вернулся в Южную Африку и предстал перед судом с целью дискредитировать «эту женщину». Ссылаясь на болезнь, Екатерина несколько раз не явилась в суд. В ее отсутствие эксперты объявили представленные ею векселя подделкой. Родса оправдали, но, поскольку дело слушалось в гражданском суде, Екатерина вышла

сухой из воды.

Вместо того чтобы побыстрее уехать из страны, княгиня подала на Родса в суд за его нежелание обналичить векселя на сумму в две тысячи фунтов стерлингов. В ответ мужчина перенес рассмотрение дела из гражданского в уголовный суд: теперь, если Екатерина не сможет доказать то, что векселя подписаны Родсом, ее будет ждать тюрьма. Тогда женщина повела себя просто вызывающе. Она начала преследовать врага, слоняясь по улице напротив его дома. Родс страдал серьезной болезнью сердца. Если Екатерина собиралась ускорить его кончину, то ей это удалось. Сесиль Родс умер 26 марта в возрасте сорока девяти лет.

Месяц спустя Екатерина предстала перед судом. Все дело быстро превратилось в фарс. У княгини не оказалось ни свидетелей, ни доказательств своей правоты. Она даже не особо помогала своим адвокатам ее защищать. Екатерина путалась в ответах. Присутствующая в зале публика то и дело разражалась смехом, слыша ее заявления. Два дня спустя, уже осужденная судом общественного мнения, Екатерина Радзивилл была признана виновной в мошенничестве и подлоге. Ее приговорили к двум годам тюремного заключения. «Если это правосудие, – произнесла она, – то мне жаль народ, которым управляют люди с нездоровым пониманием справедливости».

В тюрьме она отсидела шестнадцать месяцев. Ее адвокат, который к этому времени стал злейшим врагом княгини, заявил, что ее освободили досрочно только из-за того, что она надоела всем в тюрьме своим нытьем. На самом деле у Екатерины ухудшилось здоровье. При обыске ее вещей никаких бумаг, относящихся к набегу Джеймсона, найдено не было.

Откровения княгини

Когда дочь Екатерины узнала о том, что ее мать посадили в тюрьму, она высказала «сожаление насчет мягкости приговора». Только единокровный брат княгини поверил в ее невиновность. Вся остальная родня отреклась от Екатерины Радзивилл. Из тюрьмы женщина вышла без гроша за душой. В 1911 году она сочеталась браком с бизнесменом по имени Чарльз Эмиль-Кольб. Брак этот не был долговечным, и о его обстоятельствах почти ничего не известно.

Примерно в это же время Екатерина Радзивилл перебралась в Санкт-Петербург, поближе к императорскому двору. На жизнь она зарабатывала написанием книжонок, раскрывающих

всевозможные «тайны» королевских фамилий Европы. Среди прочих можно назвать «Тайны лишенных трона венценосцев», «Королевский рынок невест и женихов», «Исповедь царицы» и т. д. Наиболее интересная среди этих книг – «Венский Черный Карлик и другие странные истории».

Но скандалы в жизни княгини на этом не закончились. В 1913 году она воскресила графа Павла Василия и опубликовала под его именем книгу «За кулисами русского двора». Среди всего прочего достоянием общественности стала бережно охраняемая царской семьей тайна болезни царевича, страдающего гемофилией. После этого Екатерину Радзивилл выслали из страны. Учитывая то, что вскоре большевистский террор пожнет богатую жатву среди аристократов, эта высылка может рассматриваться скорее как благодеяние. Екатерина переехала в Стокгольм, где продолжала плодотворно писать и даже ездила с лекциями по стране. В апреле 1917 года она отправилась в Соединенные Штаты, желая выступить с докладом о русском царизме и революции, но на острове Эллис[20] ее задержали и потребовали объяснений касательно ее «деятельности» в Южной Африке. Екатерине все же удалось поселиться на Манхеттене и продолжить писательскую деятельность. Довольно часто ее имя попадало в газеты. Так, к примеру, на одной из лекций она объявила фальшивкой «Протоколы сионских мудрецов», в которых описывается мнимый еврейский заговор с целью захвата власти над миром. В другой раз о ней писали, когда Екатерину Радзивилл выселили из отеля, после того как она не смогла оплатить счет.

Ее имя часто появлялось в статьях, а вот статьи с ее именем печатались куда реже. Следующее десятилетие Екатерина перебивалась с хлеба на воду, предлагая редакциям пространные статьи, в которых высказывала свое княжеское суждение касательно мировых событий. Одно время она даже работала телефонисткой. В 1932 году Екатерина написала вторую свою автобиографию – «Это было на самом деле». В ней княгиня рассказывала о подробностях своей жизни в Европе и Соединенных Штатах. О Южной Африке в книге не было ни слова, зато там описывалась жизнь обедневшей княгини в многоквартирном доме и ее дружба с местной проституткой, наделенной «золотым» сердцем, с маленькой умирающей девочкой, с изможденной старухой, матрац которой набит долларами, с мальчиком, над которым издевался его отец-пьяница и которого Екатерина взяла к себе под крыло. Один из ее биографов заметил по этому поводу: «Название книги не соответствует ее содержанию. Почти ничего, описанного в ней,

не было на самом деле».

В какой-то момент своей полной приключений жизни Екатерина приняла католичество и получила американское гражданство. Позднее она заявила: «Я стала в душе американкой. Сейчас я не могу представить себе, что буду жить где-нибудь в другом месте». Так оно и вышло. Княгиня Екатерина Радзивилл скончалась 12 мая 1941 года в Нью-Йорке в возрасте восьмидесяти четырех лет.

Стефани фон Гогенлоэ (16 сентября 1891–13 июня 1972) Княгиня, шпионившая для Гитлера

Светские круги Европы и Америки

В 1938 году княгиня Стефани фон Гогенлоэ, имея на руках гостевую визу и сто шесть мест багажа, появилась на Манхэттене. Блестящую светскую львицу встречали представители прессы и… агенты ФБР. Остроумие и очарование Стефани вызывали любовь у всякого, с кем она встречалась, за исключением людей из госбезопасности. Эти люди считали, что «дорогая княгиня», как называл ее Адольф Гитлер, является коварной авантюристкой, шантажисткой и аморальной нацистской шпионкой. Но вот выпроводить эту женщину из страны было не так уж просто.

Княгиня-шпионка, охотившаяся на приемах за болтунами

Родившаяся в семье венских представителей среднего класса, Стефани смогла пролезть в аристократки благодаря смазливому личику, склонности к тонкому флирту и умению ловко манипулировать людьми. В 1914 году она вышла замуж за князя Австро-Венгерской империи. Этому ее поступку не помешало то обстоятельство, что вот уже два месяца она была беременна от другого. В 1920 году супруги развелись, но Стефани сохранила за собой титул и, что важнее, знакомства с представителями доброй половины королевских домов Европы. Очень быстро молодая женщина поняла ценность своих связей в высшем обществе. Стефани всегда имела тягу к роскоши. Так, к примеру, работая во время Первой мировой войны санитаркой в госпитале, она привезла с собой поближе к линии фронта слуг и ванну. Так вот, когда у княгини закончились деньги, она принялась торговать единственными своими активами – связями и знакомствами.

И еще кое-чем. С 1928 года Стефани оказалась под пристальным вниманием британской и французской разведок. Бумаги, найденные в ее парижской квартире в 1932 году, сразу после того как княгиня спешно уехала

в Лондон, свидетельствуют о том, что немцы платили ей за то, чтобы Стефани подружилась с лордом Ротермером, владельцем «Дейли мейл», самой популярной британской газеты. Ей нужно было убедить лорда использовать его газету для ведения кампании по возвращении Германии территорий, утраченных по Версальскому мирному договору. Со временем княгине удалось подружиться с лордом Ротермером, и эти связи оказались очень выгодными как для нее самой, так и для немецких нацистов. В том же году княгиня уехала из Парижа, окруженная облаком всеобщего подозрения. Она подписала контракт с «газетным бароном». Теперь Стефани становилась его европейской «ведущей колонки светских новостей» за пять тысяч фунтов стерлингов в год (около четырехсот тридцати трех тысяч долларов по современному курсу). За выполнение каждого особого задания ей полагалось еще по две тысячи сверху. Лорд Ротермер попросил княгиню представить его Гитлеру, новому канцлеру Рейха, выполняя тем самым заветное желание самого фюрера – он-то прекрасно осознавал ценность хорошей пропаганды. Благодаря Стефани Ротермер стал одним из самых видных сторонников нацистов в Великобритании. В 1938 году их связь, впрочем, оборвалась, после того как лорд пожаловался на то, что княгиня то и дело просит у него денег.

Но лорд Ротермер был не единственной победой княгини. В тридцатые годы Стефани сумела стать очень полезным нацистским агентом. Благодаря изворотливости она добралась до вершины британской аристократии, сблизившись с королем Эдуардом Восьмым и женщиной, из-за которой он впоследствии отрекся от трона, – Уоллис Симпсон. Единственное, что помешало княгине в ее интригах, целью которых было оставить на троне благоволившего к нацистам короля, – это стойкая антипатия парламента к дважды разведенной американке самого просто происхождения и к тому же с мужским именем.

К середине тридцатых годов Стефани «проникла в высшие круги Лондона», читаем мы в ее секретном досье. Она собирала информацию на влиятельных людей, занималась пронемецкой пропагандой и взращивала в среде правящей элиты сторонников нацизма. Госбезопасность почти постоянно вела за ней наблюдение, но министерство внутренних дел Великобритании не решалось выслать шпионку из страны, памятуя о «тех кругах, в которых она вращается» (читайте: предвидя, какую истерику закатят ее могущественные друзья).

Свои и чужие

Звезда Стефани среди членов нацисткой партии сияла, как никогда прежде. Она была их любимицей, устроительницей светских приемов, на которых лидеры партии встречались с европейскими политиками и за коктейлями вели разговоры. Гитлер приглашал княгиню в свое убежище в горах и засыпал ее подарками: букеты роз, портреты самого себя в роскошных рамах с дарственными надписями «Дорогой княгине», щенок по кличке Волк от немецкой овчарки фюрера и даже… за́мок. В 1937 году княгиню наградили Почетным крестом Немецкого Красного Креста за «неутомимое отстаивание интересов Третьего рейха». С 1936 по 1938 год княгиня Стефани получала официальные VIP-приглашения на военные парады, прозванные американскими сатириками «гусиными шествиями». В 1938 году она даже сидела на трибуне рядом с вождями. В том же году княгиня стала «почетной арийкой», когда получила высшую награду рейха – Золотой партийный знак НСДАП.

Стефани честно отрабатывала свои деньги, отстаивая интересы партии, но ее старания не сделали княгиню популярной среди всех членов руководства нацистской партии. Непостоянный, страдающий паранойей Гитлер начал прислушиваться к тому, что ему нашептывали насчет княгини – она еврейка (так оно и было на самом деле; ее мать перешла из иудаизма в католицизм), занимается шантажом (и это общеизвестный факт), старается работать на два фронта (и это сущая правда). В начале 1939 года нацистская партия прекратила ее финансирование. Стефани осталась без поддержки.

Она постаралась вернуть себе прежнюю работу у лорда Ротермера, но издатель отказал ей. Тогда княгиня решила начать собственную игру. Она предъявила Ротермеру иск за нарушение договора, утверждая, что издатель брал на себя обязательства платить ей на бессрочной основе. Все это очень походило на шантаж, особенно когда Стефани намекнула, что, если лорд добровольно не согласится на ее требования, она опубликует свои мемуары, в которых Ротермер предстанет низким предателем и сторонником нацистов, любящим ухлестывать за молоденькими женщинами.

Лорд Ротермер был не из тех, кого можно запугать, и довел дело до конца. В ноябре 1939 года состоялись слушания в верховном суде Великобритании. Стефани проиграла дело. Хуже того, на суде открылась ее близость к Гитлеру, что, учитывая разразившуюся войну с Германией, было нехорошо. Вскоре после окончания суда леди из высшего общества, повстречавшие ее в отеле «Ритц», «приветствовали» княгиню возгласами: «Убирайся прочь, грязная шпионка!»

Стефани вняла угрозам. Ее ничто не удерживало, и поэтому сорокавосьмилетняя княгиня отправилась в Америку. Когда в декабре она вместе со ста шестью местами багажа прибыла в Нью-Йорк, «любимую княгиню» Гитлера встречали не только репортеры, но и агенты ФБР. Все они с одинаковым упорством шли по следу княгини. Однажды в ванной комнате своего гостиничного номера Стефани застукала папарацци.

Оставаясь верной себе, княгиня и в Соединенных Штатах продолжила сеять семена симпатии к нацистскому режиму в среде американского высшего общества. Возможно, она надеялась реабилитироваться в глазах своих старых друзей. Федеральное правительство не пожелало благосклонно смотреть на ее выходки, и, когда в ноябре 1940 года срок ее визы истек, Джон Эдгар Гувер самолично отказал ей в продлении.

Вот теперь княгиня впала в отчаяние и… обратилась непосредственно к президенту Франклину Рузвельту, но тот не выказал ни малейшего сочувствия. Она угрожала совершить самоубийство, утверждая, что «ужасно больна» для того, чтобы давать показания на слушаниях перед депортацией, и даже умудрилась приехать в автомобиле «скорой помощи», лежа на носилках, но все напрасно. Седьмого марта 1941 года Рузвельт дал приказ выдворить «эту Гогенлоэ» из страны. На следующий день ее арестовали.

Впоследствии сын княгини писал, что у его матери был «талант превращать своих врагов в преданных друзей». Учитывая то, что произошло после ареста, это утверждение можно счесть преуменьшением талантов Стефани. В течение нескольких часов арестованная княгиня умудрилась встретиться с главой службы иммиграции и натурализации Лемюэлем Шольфилдом, отцом четырех детей, и соблазнить его. Девятнадцатого мая он позволил Стефани выйти на свободу под залог. Одним из условий было то, что княгиня не должна терять связи с начальником регионального управления службы иммиграции и натурализации, то есть с самими Шольфилдом. Теперь американец часто спал со Стефани.

Отсрочка оказалась временной. Восьмого декабря 1941 года, на следующий день после того, как японцы напали на Перл-Харбор и США оказались вовлеченными во Вторую мировую войну, княгиню снова арестовали. На этот раз рисковать не стали: ее посадили в одиночную камеру в иммиграционном центре Нью-Джерси. Одураченный Шольфилд попытался надавить на Гувера, но только разозлил главу ФБР, и начальнику регионального управления иммиграционной службы пришлось смириться. Стефани отвезли в лагерь для интернированных сторонников

фашистов в Сиговили, штат Техас, где по личному распоряжению президента она просидела за колючей проволокой до конца войны. В 1945 году княгиню выпустили из лагеря последней. Шольфилд ее ждал. Они прожили вместе до его смерти, случившейся в 1954 году.

Как ни странно, но имя княгини было еще раз упомянуто в светских новостях, и Стефани удалось снова добиться благосклонности со стороны сильных мира сего. В 1965 году, двадцать лет спустя после освобождения из лагеря для интернированных лиц, она получила приглашение на президентскую инаугурацию Линдона Б. Джонсона.

Княгиня умерла в 1972 году, в возрасте восьмидесяти лет. Несмотря на почтенный возраст и болезни Стефани, те, кто ее знал, не были готовы к ее смерти. Учитывая то, как крепко в прошлом цеплялась княгиня за жизнь, было бы наивно думать, что она легко с ней расстанется.

Уцелевшие Принцессы, которым пришлось принимать трудные или предосудительные решения
Лукреция (18 апреля 1480–24 июня 1519) Принцесса мафии эпохи Возрождения

Италия

Рассказывали, что красавица Лукреция Бóрджиа носит на пальце перстень с ядом. Если будешь неосторожен, она ловко сумеет всыпать отраву в твое вино. Рассказывали, что она убивает наскучивших ей любовников. Рассказывали, что эта женщина купается в крови, желая сохранить свежесть кожи. Рассказывали, что у нее сексуальная связь с собственным братом, свирепым и безжалостным Чезаре. Удивляться тому, что люди шепотом передавали друг другу подобного рода страшилки, не стоит. В конце концов, репутация ее семьи как некоего прототипа мафиозного образования остается на слуху даже в наши дни.

Но реальная Лукреция Борджиа не была убийцей и, скорее всего, никогда не вступала в связь с родным братом. Несмотря на бурную юность (к двадцати двум годам она уже трижды успела побывать замужем), Лукреция превратилась в очаровательную женщину, с которой вы не отказались бы посидеть за чашечкой чая.

Вот только было бы лучше, если бы чай вы налили себе сами.

Знакомство с Борджиа

Ко времени рождения Лукреции в 1480 году семейство Борджиа являлось одним из богатейших родов Италии и Испании эпохи Возрождения. А еще, без сомнения, оно было одним из самых аморальных. С помощью убийств, браков по расчету, лжи и обмана Борджиа шли к власти, а заполучив ее, не останавливались ни перед чем, чтобы ее удержать. Они и впрямь были похожи на мафиозный клан эпохи Ренессанса,

вот только правил, регламентирующих их преступления, было еще меньше, чем у настоящих мафиози.

Отец Лукреции Родриго приходился племянником покойному Папе Римскому Каликсту Третьему. Хотя к безбрачной жизни у него не было ни малейшей склонности, в возрасте двадцати пяти лет дядя сделал его кардиналом, что наделило Родриго большой властью и богатством. В те времена католическая Церковь являлась политическим и духовным центром Западной Европы. Она управляла Папской областью, регионом, охватывающим добрую часть того, что сейчас называется Италией. Церковь и ее глава Папа Римский оказывали большое влияние на итальянские города-государства, в том числе на могущественную Флоренцию на севере и Неаполитанское королевство на юге. К их мнению прислушивались католические монархи Испании и Франции. Как любое другое учреждение, обладающее реальной властью, Церковь не была избавлена от коррупции. Этим можно объяснить то обстоятельство, что Родриго сочли достойным стать духовным лидером христианского мира, несмотря на шумные празднества с молодыми синьоринами, вином, танцами и порочащими духовную особу плотскими утехами, которые он себе позволял. Сообщается о том, что Родриго был отцом девятерых детей. По крайней мере четырех родила ему Ванноцца деи Каттанеи, замужняя женщина благородных кровей, с которой Родриго поддерживал длительные отношения. Конечно, его дети были незаконнорожденными, вот только никакой ущербности они не ощущали. С красавицей Лукрецией обращались так, словно она принцесса. Со временем она и впрямь ею стала.

Когда девочке исполнилось двенадцать лет, кардинала Родриго избрали Папой Римским. Он принял имя Александр Шестой. Эта победа гарантировала процветание семейству Борджиа, делая ее главу самым влиятельным человеком в Европе. Теперь красавица Лукреция, которая, по словам современников, обладала длинными светлыми волосами, глазами, казавшимися то серыми, то светло-карими, и «восхитительными пропорциями» груди, стала главным достоянием семейства Борджиа.

Папа Александр Шестой желал выдать Лукрецию замуж с максимальной выгодой для себя. Каждый последующий из трех ее супругов происходил из более влиятельной семьи. Впервые девочку выдали замуж в тринадцать лет. Ее мужем стал граф Джованни Сфорца, представитель семейства, соперничавшего с Борджиа. Он был правителем Пе́заро, города-государства на побережье Адриатического моря. Но Сфорца не оправдал возложенных на него ожиданий: своей кровной родни он боялся

не менее сильно, чем новых родственников. Отец Лукреции решил, что его дочь заслуживает большего. Когда девушке исполнилось семнадцать лет, Александр Шестой предпринял шаги для того, чтобы объявить брак недействительным – в конце концов, он был Папой Римским. Родриго пришлось заявить, что Джованни Сфорца – импотент и брак не был консуммирован. Первая жена графа Сфорца умерла во время родов, следовательно, мужчина был в состоянии исполнять супружеские обязанности, но закрыть глаза на это обстоятельство было так же просто, как и убедить графа подписать документы, дающие право на развод. Джованни Сфорца не улыбалось объявить на весь мир о своем половом бессилии, но он сдался под давлением Борджиа и собственной семьи.

А тем временем Лукреция, получив свободу, пустилась на все тяжкие. Добром это не кончилось. Пока члены ее семейства добивались для нее развода, девушка перебралась в женский монастырь на окраине Рима. Если вы думаете, что там она не смогла найти себе неприятностей на одно место, вы глубоко ошибаетесь. Вскоре у нее случился страстный роман с Педро Кальдероном, испанцем, находившимся на службе у ее отца. Лукреция забеременела. Прошла пара недель после того, как ее семья прознала о беременности Лукреции, и Кальдерона нашли мертвым. Утверждают, что Чезаре заколол его кинжалом в Ватиканском дворце у ног Александра Шестого. Впрочем, Папа в письменной форме заявлял, что Педро Кальдерон «прыгнул по собственной воле в воды Тибра». Тело фрейлины, которая помогала скрывать от окружающих растущий живот своей госпожи, тоже было брошено в Тибр. Судьба ребенка, рожденного Лукрецией в марте 1498 года, неизвестна.

Снова перед алтарем

При подобного рода обстоятельствах любая другая женщина никогда бы не нашла себе нового мужа. Людская молва называла Лукрецию «самой большой блудницей из всех, когда-либо живших в Риме». Но претенденты на ее руку не переводились. В августе 1498 года Лукрецию вновь выдали замуж. Вторым ее мужем стал семнадцатилетний Альфонсо Арагонский, герцог Бишелье, незаконнорожденный сын короля Неаполя. Лукреция стала герцогиней и принцессой Салерно. Женщина влюбилась в своего нового мужа и неплохо с ним ладила. Через шесть месяцев она забеременела. Первого ноября 1499 года у них родился сын. Но люди, преграждавшие путь семейству Борджиа,

имели склонность умирать, а Альфонсо Арагонский вдруг стал им очень неудобен.

Политика в эпоху Возрождения была не менее запутана, чем итальянские спагетти на вашей тарелке. Извините за сравнение. Постараюсь изложить все как можно проще. Чезаре, который недавно женился на француженке знатного происхождения, хотел, чтобы Франция оказала ему помощь в завоевании городов-государств на юге Италии. Поскольку Франция вела войну с Неаполитанским королевством, брак Лукреции с ее врагом мешал «семейному бизнесу» Борджиа. Итак, в 1500 году «неизвестные» убийцы напали на Альфонсо на площади Святого Петра в Риме и нанесли мужчине несколько ран, от которых он, впрочем, не умер. Лукреция преданно ухаживала за раненным мужем, но позже его задушили в собственной постели. Современник писал об этом происшествии так: «Поскольку дон Альфонсо не пожелал умереть от нанесенных ему ран, его удавили на собственном ложе». Кто был истинным виновником убийства, не составляло секрета – все улики указывали на Чезаре. Последний утверждал, что его зять пытался убить его из арбалета, когда Чезаре вышел в свой сад, поэтому Альфонсо Арагонский заслуживал смерти. Никто ему не поверил. Ходили слухи, что Чезаре убил мужа сестры не только потому, что тот препятствовал его союзу с Францией, но и потому, что Альфонсо занял место в сердце Лукреции, которое ранее принадлежало ему, Чезаре.

Смерть мужа произвела на женщину ужасное впечатление. По словам ее бывшего наставника, который был свидетелем обоих нападений, Лукреция наполнила залы дворца «стенаниями, рыданиями и завыванием». Ее непрекращающиеся вопли и проклятия в адрес брата и отца, который на этот раз был ни при чем, сносить было невозможно, и Лукрецию вместе с маленьким сыном отослали в Непи, небольшой городишко, расположенный в тридцати километрах к северу от Рима, справляться со своим горем. И этого от нее добились. Несмотря на любовь к мужу, отца Лукреция тоже любила, а о степени привязанности к брату Чезаре можно строить какие угодно предположения. Вскоре она их простила. Следующей задачей, стоявшей на повестке дня, было найти для Лукреции мужа с достаточно высоким общественным статусом.

В третий и последний раз Лукреция встала под венец с еще одним Альфонсо, Альфонсо д'Эсте, герцогом Феррарским. На этот раз брак предваряли хитрые игры. Сначала Лукреция не хотела выходить замуж, жалуясь отцу, что всех ее мужей «настигает злой рок». В свою очередь Эрколе Первый д'Эсте, отец Альфонсо,

не особо доверял Борджиа. Несколько лет ушло на предварительные переговоры. Придворные расписывали герцогу Эрколе скромность, набожность и здравомыслие Лукреции. Вскоре и она сама, поддавшись честолюбию, завязала переписку с будущим свекром, желая произвести на него благоприятное впечатление. В конечном счете политическое влияние Борджиа, богатое приданое невесты и личное обаяние Лукреции сделали свое дело. Женщина в очередной раз покорилась воле семьи и, оставив в Риме двухлетнего сына, уехала венчаться с герцогом.

После третьего замужества общественное мнение насчет Лукреции начало смягчаться. Даже шпион, находившийся на службе у ее золовки, не питающей особого доверия к своей невестке, докладывал, что «с каждым днем она производит на меня все лучшее и лучшее впечатление». Лукреция – «синьора благонамеренная и проницательная, так что в беседе с нею приходится не давать воли своему острословию». Наперекор первоначальным опасениям Альфонсо, они с Лукрецией прекрасно поладили в постели. Дни, правда, герцог проводил в тавернах с уличными проститутками, но по ночам отправлялся к жене. Отношение к ней родственников со стороны мужа также улучшалось, что было как нельзя кстати, потому что колесо фортуны семейства Борджиа стремительно катилось под гору.

Восстановление доброго имени Лукреции Борджиа

В 1502 году Чезаре Борджиа, признанный военный гений Италии, захватил несколько важнейших городов-государств полуострова. Он внушал всем страх. Однажды, заподозрив, что один из его самых верных сторонников плетет за его спиной интриги, Чезаре приказал обезглавить несчастного, посадить отрубленную голову на пику и выставить на всеобщее обозрение на городской площади. Всех, кто стоял на пути у Чезаре, ждала подобная участь.

В 1503 году, однако, фортуна отвернулась от него. Заключение союза с французским королем стало вопросом весьма проблематичным. Опасаясь растущего могущества Чезаре, Людовик Седьмой принялся мешать его дальнейшим завоевательным устремлениям. Затем дела приняли еще более угрожающий оборот. Восемнадцатого августа 1503 года умер Папа Александр Шестой. Этот человек являлся оплотом авторитета семейства Борджиа, а отличающийся безумной жаждой власти Чезаре нажил себе больше врагов, чем мог теперь

себе позволить. Очередной Папа поддержал Чезаре, но старик скончался спустя двадцать шесть дней после своего избрания. Следующий Папа Римский являлся одним из самых лютых врагов семьи Борджиа. Участь Чезаре была решена. В 1504 году солдаты, служащие Папе Римскому, арестовали Чезаре и сопроводили его на судне в испанскую тюрьму. В 1507 году он бежал, но погиб в сражении с войсками своего шурина, короля Наварры.

Лукреция до самой смерти Чезаре оставалась на его стороне, но помочь чем-либо брату не смогла. Ее собственное положение было шатким. Женщина так и не исполнила своего предназначения – не подарила мужу наследника. После первого года замужества она забеременела, но на седьмом месяце у нее случился выкидыш. У Лукреции начался жар, и она едва не умерла. Все знали, что оснований для развода Лукреции и графа Сфорца не было никаких, поэтому муж, если бы захотел, легко мог бы доказать, что его теперешний брак с этой женщиной не имеет никакой юридической силы.

Но новая семья Лукреции не спешила избавляться от нее. Молодая женщина им просто нравилась. Из этого можно сделать вывод, что Лукреция Борджиа не была злобной, склонной к инцесту убийцей, как считали многие ее современники и продолжают считать историки. Конечно, если бы ее муж решил развестись с Лукрецией, ему пришлось бы возвращать большое приданое, но никто из его родственников, насколько известно, не поднимал этот вопрос. Как раз наоборот. Родственники мужа защищали Лукрецию, уважительно высказывались о ней и даже пытались помочь ее вставшему на путь преступлений брату.

В определенном смысле падение семейства Борджиа стало спасением для Лукреции. Невинные козни, которые ей теперь приходилось строить, не имели ничего общего со смертельно опасными интригами в стиле Борджиа. У нее случилось несколько романов, в частности с поэтом Пьетро Бембо и ее свояком Франческо Вторым Гонзагой, но в остальном Лукреция вела тихую жизнь. В определенном смысле она превратилась в идеальную синьору эпохи Возрождения – доброжелательную, благочестивую, сдержанную покровительницу искусств, которая почти постоянно находилась в интересном положении. Четверо ее сыновей и дочь не умерли в младенчестве, хотя Лукреции пришлось пережить несколько выкидышей и трудные роды. Последняя ее беременность в возрасте тридцати девяти лет привела к летальному исходу. Родив дочь, женщина пять дней промучилась в родильной горячке и умерла. Девочка тоже не выжила.

Злобная ведьма или все же нет?

Под конец своей жизни Лукреция стала чрезмерно набожной и постоянно каялась в реальных или воображаемых (этого никто точно не знает) прегрешениях. Насколько глубоко эта женщина была вовлечена в преступления, совершенные ее родными, неизвестно, но в любом случае они принесли ей немало выгоды. Благодаря нескончаемым интригам и убийствам ее семья добилась для Лукреции богатств, власти и выгодных замужеств, на которые в противном случае ей вряд ли пришлось бы рассчитывать. С другой стороны, Чезаре убил одного из ее любовников, одного из ее мужей и одного из ее братьев, а действия, предпринятые семьей, разлучили Лукрецию с ее первенцем. Хотя флирт с самостоятельностью не всегда заканчивался для нее благополучно, в действиях Лукреции отчетливо просматривается желание избавиться от влияния тех, кто использовал ее в собственных целях.

Мало кому из женщин за всю историю человечества «посчастливилось» быть до такой степени демонизированной, как Лукреции Борджиа. Историки и романисты предпочитали верить в подлинность приписываемых ей грехов. Со временем к уже имеющимся преступлениям были добавлены еще несколько, к которым она не могла быть причастна. Например, в 1833 году французский писатель Виктор Гюго, используя факты из подлинной биографии Лукреции Борджиа, написал пьесу для театра. В ней она изображена похотливой, аморальной убийцей, по ошибке отравившей своего внебрачного сына. Впоследствии Гаэтано Доницетти сочинил на основе трагедии Гюго оперу. В предисловии к своей пьесе Гюго писал: «Представьте нравственное уродство, самое отвратительное, самое отталкивающее, самое полное; поместите его там, где оно будет выделяться всего сильнее, – в сердце женщины, наделенной всеми дарами физической красоты и царственного величия, которые еще резче подчеркивают ее преступность, и прибавьте ко всему этому нравственному уродству чувство чистое, самое чистое, какое только женщина может испытывать, – материнское чувство. Чудовище сделайте матерью – и чудовище возбудит участие, чудовище заставит плакать, и существо, вызывавшее страх, вызовет сострадание, и эта безобразная душа станет почти прекрасной в ваших глазах».

Люди предпочитают верить в то, что Лукреция Борджиа была распутной, запятнавшей себя кровосмесительными связями и убийствами принцессой, с именем которой связано множество скандальных историй. Вот только Лукреция Борджиа не была той

развратной отравительницей, которую в ней предпочитают видеть. Она была женщиной, умудрившейся выжить не только в яме со змеями, в которую в эпоху Ренессанса превратилась Италия, но и в яме со змеями, которая имела несчастье называться ее семьей. Не делает ли это обстоятельство историю ее жизни еще более захватывающей?

Малинче (1502–1529) Принцесса, служившая завоевателям своей родины

Мексика ацтеков и Мексика испанцев

Жила-была ацтекская принцесса. Ее отец являлся касиком города-государства вблизи Мексиканского залива, но он умер, когда девочка была еще младенцем. Ее злая мать вскоре вновь вышла замуж и родила мальчика.

Матери и отчиму захотелось, чтобы следующим касиком стал их сын. Маленькая принцесса им мешала. Они не могли позволить Малинче выйти замуж, потому что в этом случае ее муж имел бы право на верховную власть. И вот коварные родители придумали гнусный план: они продали девочку работорговцам майя, а всем сказали, что она умерла. Эти майя в свою очередь перепродали Малинче работорговцам из города Табáско, где принцесса расцвела и была спасена храбрыми испанскими рыцарями. Она оказалась полезна им в качестве переводчицы и проводницы. Ацтекская принцесса впитала в себя религиозное учение испанцев, поэтому, когда жизнь свела ее с матерью, она простила коварную женщину.

Эту похожую на сказку версию биографии красивой, замечательной женщины, ацтекской принцессы Малинче, создали испанские историки. В современной Мексике эту историю рассказывают по-другому. В постколониальной истории Малинче – одна из самых осуждаемых, вызывающих горячую полемику фигур.

Настоящая история принцессы, конечно, не столь однозначна.

Трудности перевода

Мы не знаем подлинных обстоятельств ее рождения. Мы даже не знаем ее настоящего имени. Малинче – всего лишь искаженная форма Малинцин, имени, которое дали девочке работорговцы, продавшие ее. Хотя, судя по всему, ее отец происходил из знатного рода, титул «принцесса» был добавлен позднее испанцами для пущего эффекта. Правдой является только то,

что в возрасте восьми или девяти лет маленькую Малинче продали в рабство. Для культуры Мезоамерики это не было редкостью. Родители довольно часто продавали своих детей в рабство. Впоследствии рабов использовали для сексуальных утех или на разных работах.

В 1519 году испанцы добрались до Табаско. Мир, в котором жила юная Малинче, изменился самым кардинальным образом. Во главе конкистадоров стоял Эрнан Кортéс. Прежде испанцы уже побывали в этих местах пару раз, и отношение к ним местной народности чонталь дружеским назвать было никак нельзя. На этот раз чонталь решили дать бой, но у завоевателей было оружие, пушки и кони. С начала битвы прошло всего ничего, а чонталь потеряли двести двадцать человек. Капитуляция была единственным выходом. В качестве контрибуции испанцы получили много золота, еды и девятнадцать молодых женщин. Малинче была одной из них. Испанцы окрестили ее Мариной – так было принято, конкистадоры крестили женщин-рабынь, прежде чем затащить их к себе в постель. А потом Малинче подарили одному из соратников Кортеса.

«Самая замечательная женщина» была «красивой, умной и самоуверенной», – так в 1568 году охарактеризовал ее Берналь Диас дель Кастильо, пехотинец в армии Кортеса. Впрочем, не это сделало Малинче незаменимой для испанцев, а ее лингвистические способности. Родным языком молодой женщины был нахуатль. Находясь в рабстве в Табаско, она выучила два майяских языка, а затем обучилась у одного монаха, едущего с армией Кортеса, кастильскому диалекту. Ее способности оказались настолько выдающимися, что через четыре месяца Малинче бегло говорила по-испански. Когда Кортес понял ее ценность в качестве переводчицы, он приблизил ее к себе. Молодая женщина так часто выступала глашатаем воли предводителя конкистадоров, что некоторые индейцы начали звать Кортеса El Malinche, что означает «господин Малинче».

Впрочем, ценность молодой женщины не ограничивалась тем, что она была хорошей переводчицей. Малинче знала существующие в среде индейской знати традиции благодаря тому, что, как свидетельствуют ее испанские биографы, детство девочки прошло в «благородном» доме. Став рабыней, Малинче познакомилась с культурой нескольких племен. Она понимала ход мыслей своих соотечественников. Молодая женщина знала, во что они верят и чем занимаются. Для Кортеса она стала подарком судьбы, проводницей по совершенно незнакомой стране.

Малинче очень скоро доказала свою полезность.

Она поведала Кортесу о том, что ацтеки считают его реинкарнацией их божественного правителя Кетцалькóатля[21]. А еще женщина сообщила, что есть недовольные тиранией ацтеков племена, которые легко будет спровоцировать на восстание и с их помощью разгромить империю. Без Малинче Кортес не смог бы договориться с теми, кто хотел сражаться на его стороне. После того как конкистадоры завоевывали очередное племя, нужно было, чтобы кто-то объяснил индейцем, что они завоеваны и это серьезно. Малинче даже шпионила ради испанцев. Однажды, играя роль ненавидящей конкистадоров служанки, она услышала от одной индианки о намерении мужчин устроить на испанцев засаду, когда те выедут из деревни Чолула. Малинче рассказала обо всем Кортесу, а тот приказал своим солдатам устроить резню местных вождей и воинов.

Не без помощи Малинче испанцы сумели добраться до Теночтитлана, огромной и великолепной столицы Монтесумы[22]. В конце 1519 года именно она была переводчицей на первой встрече императора ацтеков с заморскими чужеземцами. Неизвестно, что на самом деле говорил Монтесума и как переводила его слова Малинче, но Кортес сообщил испанскому королю о том, что правитель ацтеков согласился признать над собой его власть. Это заявление дало Кортесу моральное право покорить ацтеков с помощью оружия. (Согласно международному праву, испанский король не мог заставить иноземный народ служить себе, но имел право подавлять мятежи своих подданных.) Весной 1520 года, через несколько месяцев натянутого, но мирного сосуществования, разразился вооруженный конфликт. Кортес заявил, что ацтеки готовятся напасть на испанцев и перебить их. Обвинив Монтесуму в измене, конкистадор арестовал императора ацтеков. То, что случилось дальше, описывается по-разному. Индейские источники обвиняют во всем испанцев. В них утверждается, что конкистадоры начали первыми, напав и начав убивать ацтеков, которые собрались в храме во время религиозного праздника. Солдаты Кортеса впоследствии писали, что празднество было всего лишь прикрытием для воинов и знати, готовившихся напасть на испанцев.

Война была неизбежна. Согласно местным источникам, Малинче пыталась уговорить ацтеков не начинать войну, подчеркивая их беспомощность перед огнестрельным оружием, но тщетно. Сначала Кортесу и его солдатам пришлось отступить, но в конечном счете восстание ацтеков было подавлено, скорее всего, не благодаря военной мощи испанцев, а из-за появления еще одного безжалостного врага – оспы. Испанцы завезли эту

смертельную болезнь в Америку, а местные жители не имели против нее иммунитета. Через несколько недель после победы над испанцами тысячи ацтеков умерли. В конце апреля 1521 года Кортес, получив пополнение из ранее захваченной испанцами Кубы, вновь отправился в поход на Теночтитлан. На этот раз он завоевал город.

Сомнение вызывает вероятность того, что без помощи Малинче испанцы, обладая менее чем тысячью солдатами, смогли бы за два года завоевать империю ацтеков. Почему эта женщина помогала завоевателям? Вряд ли Малинче испытывала симпатию к тому государственному устройству, которое существовало в доколониальной Мексике. Все, что оно ей дало, – вечное рабство. Возможно, у нее просто не было другого выбора… А может, Малинче по-настоящему влюбилась в Кортеса. В 1522 году она родила ему сына, которого назвали Мартином в честь деда конкистадора.

После того как испанцы завоевали империю ацтеков, Малинче уже не была им необходима, а Кортес, как показывают дальнейшие события, в нее влюблен не был. Когда его жена-испанка умерла в 1522 году при подозрительных обстоятельствах (возможно, к этому приложил руку сам Кортес), он не упустил возможности заключить политический союз, женившись на настоящей ацтекской принцессе. Впрочем, Кортес не забыл женщину, которая так сильно помогла ему в свое время. Благодаря ему Малинче разбогатела. Современники описывали, как по приказу Кортеса в ее дом свозили золото. Осенью 1524 года она вышла замуж за капитана Хуана Харамильо, одного из соратников Кортеса. В качестве приданого Малинче получила в свои владения деревни Олутла и Тетиквипакве. Став женой высокородного и высокопоставленного испанца, она избежала тяжелой судьбы других индианок, которые в бедности и позоре рожали метисов-полукровок.

Малинче и ее муж оставались на службе у Кортеса. В апреле 1526 года у нее родилась дочь. В 1529 году, через десять лет после прибытия испанцев в Мексику, Малинче умерла, скорее всего, от одной из завезенных европейцами болезней, которые косили местное население.

Многоликая Малинче

В современной Мексике словом *malinchista* называют предателей своего народа, кем, предположительно, и была Малинче. Ее называют Мексиканской Евой, La Traidora

(Предательницей), La Vendida (Продажной) и многими другими нехорошими эпитетами.

При этом остается невозможным отделить реальную Малинче от ее легендарного образа. Она никогда не записывала своих мыслей. Нам неизвестно, что она чувствовала и каковыми были мотивы ее поступков. Мы не знаем, была ли она дочерью знатных родителей, любила ли она своего мужа и от чего умерла. Отсутствие полной информации делало относительно легким превращение женщины из плоти и крови в яркий символ, значение которого со временем изменялось. Романист Анаэль Лонг писал в 1939 году: «Она символизирует собою больше, чем может удержать один конкретный миг истории».

Во время борьбы Мексики за независимость Малинче стала символом предательской женской сексуальности, частично из-за того, что завоеватели страны отзывались о ней уважительно. Диас дель Кастильо именовал Малинче «воистину великой принцессой», которая, «хоть и была туземной женщиной, обладала таким мужеством, что превосходила в этом любую женщину». В 1945 году, беспощадно критикуя взгляд на историю, созданный испанцами, нобелевский лауреат от Мексики Октáвио Пас[23] обрушился на Малинче, утверждая, что в ней заключены истоки свойственного мексиканцам «тревожного беспокойства и душевной боли». Он назвал ее *la Chingada* (очень неприличное слово) и заявил, что Кортес сделал с этой слабой, спокойной женщиной то, что испанцы учинили с народами Мезоамерики. То, что Малинче «поддалась» завоевателю, – ее вина, ее вероломство. Это она предательница, а Кортеса, хоть он и негодяй, ни в чем винить нельзя. Многие десятилетия преобладал именно этот взгляд на Малинче. В 1982 году, например, памятник ей и ее сыну, первому метису Мексики, был демонтирован после студенческих протестов местного значения. Студенты не хотели, чтобы рядом с их учебным заведением стоял памятник проклятой предательнице.

Драматурги, романисты и режиссеры создали различные вариации на тему истории Малинче, по-разному интерпретируя ее образ. В романе Генри Райдера Хаггарда «Дочь Монтесумы» (1893) она похожа на Покахонтас. Малинче также спасает конкистадоров от своих соплеменников, которые вознамерились перебить их. В историческом романе Гэри Дженнингса «Ацтек» она предстает интриганкой и предательницей. Иногда Малинче рисуют в образе психически неуравновешенной «дьяволицы», которая, впрочем, чувствует угрызения совести за те злодеяния, которые совершили с ее помощью испанцы. Она также предстает женщиной настолько глубоко влюбленной в Кортеса, что ее

просто не волнует то, что мужчина использует ее в качестве пешки в своей игре. Или же она реалистически мыслящий человек, понимающий, что лучше выжить, приняв строну конкистадоров, чем умереть в рабстве. Или же она своеобразный «громоотвод», принявший на себя вину за падение государства ацтеков. Или же она сумасшедшая, с радостью помогающая утопить в крови ее народ.

Относительно недавно феминистки сделали Малинче сначала типичным образом жертвы насилия со стороны мужчин, чинимого как ацтеками, так и испанцами, а затем той, которая, крепко цепляясь за жизнь, выжила в то время, когда все вокруг нее пали. Современные ученые рассматривают Малинче в качестве своеобразного культурного и языкового мостика между мезоамериканским прошлым и постколониальным настоящим. Ее сын Мартин, плод связи с Кортесом, превратился в символ метисского будущего Мексики.

Ни одна другая ацтекская принцесса не оставила столь неизгладимого следа в мексиканской истории. Ни одна другая женщина не сыграла такой важной роли в завоевании Мексики испанцами. При этом ее невозможно оценить в полной мере, ведь Малинче осталась в истории безгласной. Как прежде, так и теперь свои собственные слова ей приписывают ученые, романисты и феминистки.

История полна кровавых концовок, неразгаданных мотиваций, странных решений и поступков, смысл которых мы не в состоянии понять до конца. Вследствие этого очень легко манипулировать фактами, особенно в нашем случае, когда фактов так мало. Мы даже не знаем настоящего имени этой женщины, не говоря уже о мотивах ее поступков. Вот правдивая история Малинче.

Принцесса, доставшаяся победителю

Большинство женщин королевских кровей, несмотря на пышные титулы, не обладали реальной властью. Их действия и поступки главным образом определяла воля отцов, братьев или мужей. Во время войн женщины нередко становились трофеем мужчин-победителей. Такова судьба красавицы Нест Уэльской.

В 1093 году, после насильственной смерти ее отца, короля Риса ап Теудура, молодая Нест стала заложницей норманнов. В конце концов она очутилась при дворе захватчиков, где на нее положил глаз Генрих, младший брат короля Уильяма Второго

Английского. Позже она родила ему одного из множества его внебрачных сыновей. Когда Генрих и сам стал королем, он выдал Нест замуж за своего товарища Джеральда Виндзорского. Пара отправилась жить в прежде захваченный мужем уэльский замок. Там Нест родила Джеральду четырех детей.

В 1109 году принц Оуайн встретил Нест на празднестве и влюбился в нее. Как многие другие мелкие валлийские владетели, Оуайн хотел сбросить норманнское ярмо. Он и его люди решили напасть на замок Джеральда и похитить Нест. Джеральд сбежал через отхожее место. Нест вместе с детьми оказались пленниками Оуайна. Детей, впрочем, вскоре вернули отцу.

Скорее всего, Оуайн не любил Нест. Ее похищение принц использовал как повод, чтобы развязать войну. Он воспользовался ею, чтобы, так сказать, написать еще одну страницу в долгой летописи превращения высокородных женщин в военные трофеи. Авантюра Оуайна привела к войне, в которую были втянуты почти все местные жители. За это принцесса Нест получила прозвище Елена Уэльская. Генрих Первый, ее бывший любовник, вступился за женщину. Он предложил недоброжелателям Оуайна земли в Уэльсе, если они силой оружия вернут Нест мужу. Год спустя Оуайн бросил Нест и сбежал в Ирландию. Нест вернулась к мужу и детям, но бунт, поднятый Оуайном, продолжался до 1116 года.

София Доротея (15 сентября 1666–13 ноября 1726) Принцесса-узница

Замок Альден Бисен, Германия

Из этой истории мог бы получиться похожий на сказку роман, если бы за дело взялись братья Гримм или… Стивен Кинг. Когда принцессе Софии Доротее сказали, что она должна выйти замуж за курпринца Георга Людвига Ганноверского, девушка потеряла сознание. Она снова упала в обморок, когда ей пришлось приветствовать Георга Людвига. Когда Софии Доротее протянули усыпанный бриллиантами миниатюрный портрет ее суженого, она запустила им в стену со словами: «Я ни за что не выйду замуж за эту свинью!» Но 21 ноября 1682 года ей все же пришлось обвенчаться с этой «свиньей». Пожалуй, это была самая большая ошибка в ее жизни.

Свадьба на скалах

София Доротея Брауншвейг-Целльская родилась на северо-западе Германии в 1666 году. Она была единственным отпрыском герцога Георга Вильгельма Брауншвейг-Люнебург-Целльского. В детстве она росла капризным, романтически настроенным ребенком. Ей подыскивали высокородного мужа и, когда девушке исполнилось шестнадцать лет, кажется, нашли. Ее жених, двадцатидвухлетний Георг Людвиг, приходился Софии двоюродным братом. Он был сыном и наследником курфюрста Ганноверского, правителя самого влиятельного княжества в Германии. Он также имел права на корону Англии и впоследствии стал королем Георгом Первым. Они были знакомы с юных лет, но не испытывали друг к другу особой привязанности. Хотя в своих воспоминаниях большинство современников пишут о Софии Доротее как о симпатичной, умной и жизнерадостной девушке, Георг считал ее выскочкой, незаконнорожденным ребенком, чьи родители обвенчались лишь тогда, когда девочке исполнилось десять лет. Девушка в свою очередь думала, что Георг груб, холоден и излишне чопорен. В Ганновере его прозвали Свиным Рылом не только за внешность,

но и за отношение к окружающим.

Даже собственная мать Георга не особо жаловала сына. В письме к племяннице она назвала его «самым глупым, упрямым мальчишкой на свете». «У него вокруг мозга очень толстая кора, и я сомневаюсь, что кто-нибудь из мужчин или женщин сможет понять, что же под ней скрывается». Георг порицал Софию Доротею за ее далеко не идеальное происхождение, но сам, ничуть не стесняясь, начал очень рано обзаводиться незаконнорожденными детьми. В шестнадцатилетнем возрасте Георг удосужился обрюхатить одну из гувернанток своего брата. Его матери хотелось, чтобы он «не позорил свое имя тем, что стругает бастардов».

Но, как это часто случалось среди монархов, испытывают новобрачные приязнь друг к другу или нет, значения не имело. Сначала казалось, что Георг и София Доротея смирились со своей судьбой. Через одиннадцать месяцев по прошествии свадьбы у них родился сын, которого назвали Георгом Августом. К сожалению, двор курфюрста в Ганновере задыхался в тисках всевозможных формальностей. Новые родственники встретили Софию Доротею вполне доброжелательно, но вскоре им пришлось признать, что манеры невестки оставляют желать лучшего, а сама она оказывает «плохое влияние». А тем временем отношения между молодоженами становились все хуже и хуже. Георг всячески игнорировал свою резвую женушку, а при встрече делал вид, будто испытывает отвращение к ней. Хуже того, когда София Доротея была беременна их вторым ребенком, Георг избил ее.

Муж завел роман с молоденькой Мелюзиной фон Шлюленберг, фрейлиной его матери. Девушка была очень худа и на голову выше Георга. Когда они вместе прогуливались на людях, то представляли собой любопытное зрелище. А появлялись они на публике довольно часто – Георг не делал тайны из их отношений. Однажды беременная жена пошла за ним в кабинет и со слезами на глазах поинтересовалась, что ей сделать, чтобы вернуть его расположение. Георг рассвирепел, начал трясти женщину, словно тряпичную куклу, и едва не задушил ее. После этого на ее теле остались синяки. София Доротея слегла в постель. Придворные опасались, что может случиться выкидыш. Свою больную жену Георг не навещал до тех пор, пока мать не заставила его это сделать. Когда же он наконец пришел, то угрюмо сидел, держа супругу за руку с видом скучающего ребенка. София Доротея поправилась, а вот брак – нет.

В марте 1687 года она родила девочку. Георг продолжал отношения с Мелюзиной. Спустя два года муж и жена уже

не скрывали враждебности по отношению друг к другу. Бóльшую часть времени Георг проводил либо на войне, либо в объятиях Мелюзины. Первая из их дочерей (всего их было три) родилась в январе 1692 года. Когда София Доротея жаловалась своим родителям на измены мужа, те советовали ей не падать духом и делать вид, будто ничего не происходит. Когда она жаловалась родителям своего мужа, которые в то же самое время являлись ее дядей и тетей, те говорили, что лучше не касаться этой темы. Свекровь напомнила Софии Доротее о том, что Георг может однажды стать королем Англии, следовательно, она будет королевой. Причина того, что Георг имел шансы претендовать на английский престол, заключалась в том, что парламент собирался принять закон, в силу которого католик не имеет права сидеть на английском троне. По этому самому закону более пятидесяти августейших особ, имевших больше прав стать правителями Англии, теряли их из-за «неправильной» религии.

Оставалось только вопросом времени, когда молодая, симпатичная курпринцесса найдет утешение на стороне. И она нашла его в лице Филиппа Кристофа фон Кёнигсмарка, блестящего молодого шведского графа, полковника из армии Ганновера. Кёнигсмарк происходил из выдающейся семьи профессиональных военных и обладал «поэтическими» личными качествами, выгодно выделявшими его на фоне гнусного характера Георга.

К 1689 году Кёнигсмарк и принцесса влюбились друг в друга по уши. Граф писал ей сентиментальные любовные письма со стихами романтического свойства. Сначала София Доротея старалась уклониться от опасного флирта, но к концу года начала писать ответы. Она зашивала тайные послания Кёнигсмарка в складки штор или прятала их в своей комнате в шкатулках с игральными картами. Письма от Софии Доротеи граф находил у себя в шляпе или в перчатках. Послания от курпринцессы ему доставляла доверенная фрейлина. Прошло немного времени, и обмен эпистолярными посланиями из придворной пантомимы любви перерос в нечто большее. Глубина их страсти стала очевидна к апрелю 1691 года, когда Кёнигсмарк написал: «Я обнимаю ваши колени». К марту следующего года их переписка содержала фривольные намеки на совместную monter à cheval[24]. Лошадей называли «посланниками страсти», которую испытали влюбленные. Кёнигсмарк писал о наслаждении «обнимать самое красивое тело на свете» и своем желании «целовать место, дарующее ему такое несказанное наслаждение».

Кто знал? А кто нет?

Их роман должен был оставаться для всех тайной, но при дворе, конечно же, знали о нем. Любовники обращались за помощью к слишком многим, когда приходилось обмениваться посланиями, написанными легко дешифрируемым кодом. Хотя курпринцесса и Кёнигсмарк встречались в комнате фрейлины, они обменивались на публике долгими взглядами и условными знаками. При этом они свято верили, что сумели обвести всех вокруг пальца. Кёнигсмарк писал Софии Доротее: «Какая радость, ma petite[25], что мы можем безнаказанно общаться друг с другом на глазах у тысяч людей».

Хотя все всё знали, никто понятия не имел, что же с этим делать. Несмотря на меры, предпринятые свекром и свекровью, не говоря уже о родителях Софии Доротеи, переписку между влюбленными птичками пресечь не удавалось. Кёнигсмарка отправили на войну – благо, в конце XVII века найти подходящую войну в Европе было нетрудно. Не помогло. В подтверждение своей любви граф даже подписал некоторые из своих писем собственной кровью. В то время как эта страсть расцветала, и без того жалкий брак Софии Доротеи увядал на глазах. Один эпизод, случившийся в 1693 году, может послужить тому иллюстрацией. Однажды, прогуливаясь вечером по Ганноверскому дворцу, София Доротея подошла к маленькому, стоящему в стороне домику. Открыв дверь, женщина застала мужа, держащего за руки свою любовницу. Они вместе с любовью взирали на новорожденную девочку, вторую дочь, рожденную Мелюзиной от Георга. Обидевшись до глубины души при виде этой тайной сцены семейного счастья, курпринцесса принялась кричать на своего неверного мужа. Георг Людвиг вцепился жене в горло, но на этот раз ее фрейлинам удалось вовремя оттащить его.

Неудивительно, что после этого София Доротея принялась искать возможность сбежать от мужа вместе с Кёнигсмарком. Она внимательно изучила свой брачный контракт и была поражена, поняв, что собственных денег у нее нет: отец переписал все ее приданое на мужа. София Доротея отказалась жить под одной крышей с мужем и уехала к родителям. Там она попросила позволить ей остаться с ними или предоставить ей какое-нибудь другое жилье, но и на этот раз отец ее подвел, разрешив дочери погостить у них не дольше пары месяцев.

Когда София Доротея вернулась в Ганновер в июне 1694 года, она и ее любовник разработали следующий план: они отправятся вместе в княжество Брауншвейг-Вольфенбюттель, где смогут найти убежище при дворе благоволившего к ним герцога Антона Ульриха. Первого июля Кёнигсмарк обнаружил в своих покоях

письмо от Софии Доротеи с просьбой прийти в ее спальню в десять часов вечера. Переодевшись так, чтобы его не узнали, Кёнигсмарк проник во дворец и пробрался к дверям в комнату любовницы. Там он полушепотом начал напевать мотив из «Испанского безрассудства». Это был их условный сигнал. София Доротея впустила Кёнигсмарка. Она рада была его видеть, но удивилась, ведь никакого письма не писала. Несмотря на зловещие предчувствия, они решили бежать из города следующим утром – женщине хотелось перед отъездом попрощаться с детьми. Любовники расстались в приподнятом, возбужденном настроении. Софии Доротее никогда больше не суждено было увидеться с Кёнигсмарком.

Их свидание на самом деле стало ловушкой, расставленной графиней Кларой Елизаветой фон Платен, любовницей свекра Софии Доротеи. Ходили слухи, что прежде эта женщина была любовницей Кёнигсмарка. Елизавета фон Платен искала возможности добиться изгнания курпринцессы со двора. Когда граф направлялся в покои Софии Доротеи, фон Платен побежала к свекру своей соперницы и заявила, что бесстыжие любовники в этот самый час греховодят. Она предложила поймать их на горячем и арестовать Кёнигсмарка. Курфюрст дал добро.

Когда Кёнигсмарк вышел из покоев Софии Доротеи, его поджидали графиня и четверо вооруженных мужчин. Выхватив шпаги, они бросились на графа. Прежде чем его шпага сломалась, Кёнигсмарк ранил каждого из четырех нападавших. Вскоре его одолели. Лежа на полу, истекая кровью, граф прошептал: «Спасите принцессу… Она ни в чем не виновна». Это были его последние слова. Как сообщают, фон Платен ударила умирающего в лицо украшенной бриллиантами туфлей.

Только теперь она осознала, что натворила. Курфюрст согласился на арест, но отнюдь не на убийство графа. Кёнигсмарк был аристократом и имел обширные знакомства. Его будут искать. Запаниковав, графиня поспешила к курфюрсту рассказать, что же случилось. Он уполномочил фон Платен сделать все возможное, чтобы избежать скандала. Графиня вместе с другими придворными засунули труп в мешок, положили в него для веса камни и бросили в реку. Теперь все, кто знал при дворе об убийстве, держали рот на замке.

Узница

На следующий день, собрав свои вещи, София Доротея ждала, когда к ней, как обычно, придут дети, чтобы пожелать ей доброго

утра. Вместо них к курпринцессе пожаловал придворный, который уведомил ее о том, что до дальнейших распоряжений ей запрещается покидать это крыло дворца. Был произведен обыск, в ходе которого обнаружились изобличающие ее письма. Три дня спустя София Доротея узнала от своей фрейлины о смерти Кёнигсмарка.

Курпринцесса находилась под арестом, пока ее отец и свекор решали, что же с ней делать дальше. Без развода обойтись было нельзя, но обвинение в адюльтере неизбежно привело бы к тому, что на поверхность всплыли бы неприятные факты. И так уже люди вокруг задавались вопросом: «Куда пропал щеголеватый молодой граф?» Поэтому выбрали наиболее подходящее обвинение: один супруг оставил другого. Двадцать восьмого декабря 1694 года брак расторгли. Софию Доротею объявили виновной стороной и лишили права на повторное вступление в брак. Но, по крайней мере, теперь она была свободна…

Ошибаетесь. Отец вновь ее предал. Он согласился на то, чтобы его дочь считали государственной преступницей Ганновера. Местом ее ссылки определили замок Альден Бисен, окруженный с одной стороны излучиной реки, а с другой – глубоким рвом. Желание надежно изолировать Софию Доротею от всего света проистекало из опасения того, что политические враги Георга Людвига, главным образом Франция и те англичане, которые не хотели видеть немца на своем троне, воспользуются ею в своих политических играх. Двадцативосьмилетняя принцесса должна была до самой смерти оставаться узницей.

Только оказавшись в замке, София Доротея осознала весь ужас своего положения. Ей не разрешали видеться с детьми. Ее отец отказался встречаться с дочерью и не позволил матери к ней поехать. Все ее слуги принесли присягу верности курфюрсту. Им вменялось в обязанность доносить обо всем подозрительном. На свежий воздух принцессе позволили выходить только тогда, когда врачи убедили в необходимости этого ее тюремщиков. Но даже после этого женщине разрешалось лишь немного пройтись в саду со стороны заднего фасада замка под неусыпным оком охраны. Во многие части замка Софии Доротее просто запрещали заходить. Однажды рядом с крылом, в котором она жила, вспыхнул пожар. Путь к спасению лежал через галерею, ступать на которую София Доротея не имела права. Попав в западню, женщина ждала на пороге, прижимая к груди шкатулку с драгоценностями, пока не появится кто-то и не проведет ее в безопасное место.

Немецкое общество в целом и дворянство в частности было возмущено беззаконным содержанием Софии Доротеи

под стражей. Последовало несколько, впрочем, неудачных, попыток ее освободить. Теперь все называли ее «принцесса Альденская». Оставшиеся тридцать три года своей жизни она провела в этом замке. Женщина умерла 13 ноября 1726 года в возрасте шестидесяти лет.

В тот день, когда ее бывшему мужу, уже королю Англии, сообщили о ее смерти, Георг поехал в театр в сопровождении двух своих любовниц. Он запретил сыну, будущему королю Георгу Второму, публично носить траур по матери. Только дочь Софии Доротеи, ставшая королевой Пруссии, смогла оплакать ее. Георг приказал похоронить бывшую супругу в герцогской усыпальнице в Целле, ночью и без должного отпевания. На могильной плите значилось только ее имя, а также даты рождения и смерти.

После смерти, согласно легенде, София Доротея все же отомстила своему бывшему мужу. За несколько лет до ее смерти французская гадалка предсказала суеверному Георгу Первому, что если он каким-то образом станет причиной смерти Софии Доротеи, то и сам умрет в течение года. Это предсказание было оплачено матерью пленницы, но не будем об этом… Пророчество испугало Георга, но недостаточно сильно, чтобы принудить освободить бывшую супругу. Но было еще кое-что… На смертном ложе София Доротея прокляла Георга и написала ему письмо, укоряя за жестокость и бессердечие. Когда бывший муж читал последнюю волю умершей, в которой она молила Всевышнего покарать его за учиненные им преступления, у мужчины случился сердечный удар, после которого он умер.

Замужество или сумасшедший дом

Леопольд Второй, король Бельгии, был жестоким правителем и еще более жестоким отцом. Его жена, женщина, которая своих лошадей любила больше, чем детей, была не многим лучше его. Поэтому неудивительно, что их старшая дочь, Луиза Мария Амелия, гасила свой гнев и недовольство жизнью тем, что обогащала владельцев магазинов, модисток и парикмахеров по всей Европе.

Появившаяся на свет в 1858 году принцесса Луиза прекрасно осознавала тот факт, что не является долгожданным наследником, о котором мечтал отец. Девочка росла в атмосфере холодности, плохо скрываемого безразличия, жестокости и строгости. В пятнадцатилетнем возрасте ее выдали замуж за троюродного брата, принца Саксен-Кобург-Готского, грузного

мужчину на четырнадцать лет старше ее. Девочка понятия не имела, чего ей ожидать от первой брачной ночи, – никто не удосужился ее в этом просветить. Когда Луиза поняла, к чему идет дело, она просто сбежала. Потом ее нашли в ночной рубашке. Девочка пряталась в оранжерее.

Новобрачные поехали в Вену, где космополитизм австрийского двора излечил все фобии принцессы. Она с головой окунулась во флирт, скандальные любовные похождения и разорительные походы по магазинам. Даже после рождения двух детей Луиза не образумилась. В 1895 году, спустя двадцать лет после вступления в законный брак, она познакомилась с хорватский графом Гёзой Маташичем, блестящим австро-венгерским офицером, который был на десять лет младше ее. Впоследствии Луиза вспоминала, что их чувство было подобно электрическому разряду. Спустя два года пришла ее очередь пропустить через всех разряд тока: принцесса сбежала с Маташичем. «Ты многим рискуешь ради красивых платьев, комплиментов и признаний в любви, – писала ей мать. – Все это не долговечнее мыльных пузырей. Прекрати сплетни, которые о тебе распространяют. Утри слезы со щек твоей мамы». Отец не позволил дочери развестись с мужем, но Луиза не поддалась на уговоры. Она переехала во Францию и поселилась в Ницце, где могла жить со своим любовником вне досягаемости двора.

Но расточительность Луизы вскоре дала себя знать. Истратив все деньги на отели, одежду и драгоценности, обанкротившаяся особа королевских кровей вынуждена была распродать все до нижнего белья включительно. Со стороны это должно было выглядеть огромной дворовой распродажей «старого хлама». Вырученных денег, впрочем, не хватило на то, чтобы покрыть миллионный долг. Король Леопольд Второй и муж, от которого она сбежала, отказались платить ее кредиторам. Тогда те вломились к принцессе в дом и забрали все, что не было прибито гвоздями к полу.

Утверждают, что после этого Луиза и Маташич встали на путь преступления: стали подделывать векселя на имя сестры Луизы. Некоторые, впрочем, говорили, что это дело было сфабриковано по инициативе отца и мужа принцессы. Граф Маташич пустился в бега, но его вскоре арестовали и посадили в тюрьму за мошенничество. Леопольд Второй поставил дочери ультиматум: либо она вернется к мужу, либо ее отправят лечиться в психиатрическую больницу. Луиза предпочла последнее, и ее поместили в лечебницу, которой управлял австрийский придворный врач. В 1902 году в «Нью-Йорк таймс» писали, что принцессу «держат узницей» в течение двух лет

и врачи нашли ее случай «безнадежным».

Луиза провела в лечебнице шесть лет, пока Маташич не помог ей бежать. Они перебрались в Париж, где жили в бедности. Даже когда в 1907 году Луиза получила развод, их дела не улучшились. Леопольд Второй отрекся от дочери. Остаток жизни Луиза и Маташич провели в странствиях по Европе, а по пятам за ними шли их кредиторы. В 1921 году принцесса написала мемуары, намереваясь хоть немного отбелить свою замаранную репутацию и заработать какие-то деньги. Книгу она посвятила своему отцу, «великому человеку» и «великому королю». Впрочем, как писала Луиза Мария Амелия: «Мое королевское происхождение не принесло мне ничего, кроме несчастий. С раннего детства меня обманывали, а я страдала».

Верный Маташич умер в Париже в октябре 1923 года. Луиза умерла в марте 1924 года, прижимая его портрет к груди.

Сара Уиннемакка (около 1844–17 октября 1891) Дочь вождя племени, обвиненная в коллаборационизме

Земли северных пайюта и американский фронтир

Заголовок в вашингтонской «Нейшнл трибьюн» гласил: «Принцесса Уиннемакка. Больше не дикая индианка, а воспитанная леди из Бостона». На дворе стояло 29 января 1885 года. Сара Уиннемакка Хопкинс, более известная как принцесса Уиннемакка, или Салли из северных пайюта, ездила по северо-востоку страны и читала лекции.

Сара, чье настоящее имя было Токметони, что переводится как «молюцелла»[26], описывала во время своих выступлений тяжелые условия, в которых ее соплеменники живут в резервациях, но в статье об этом нет ни слова. В легкой, чуть насмешливой форме, типичной для того времени, когда дело касалось коренных жителей Америки, репортер пишет, что, с тех пор как Сара отказалась от своих языческих традиций, ее соплеменники смотрят на нее с недоверием. «Они видят, что она носит одежду своих белых сестер и, что еще подозрительнее, пользуется мылом и гребешком. Для настоящих пайюта эти вещи противоречат их традициям». В заключение репортер делает следующий вывод: «Почти все относятся к ней с некоторой толикой настороженности».

Репортер правильно уяснил по крайней мере одно: к Саре с настороженностью относились *почти* все. Хотя белые американцы всячески приветствовали ее поведение, они все же не считали «индейскую принцессу» своей. В свою очередь некоторые индейцы племени пайюта воспринимали Сару как предательницу, работающую на правительство США, которое, как им представлялось, считает решением «индейского вопроса» голод и болезни. В сложившейся ситуации эта женщина просто не могла выйти победительницей.

Похожие на кугуаров

Эта женщина больше всего известна как автор собственной

автобиографии, выпущенной в свет в 1883 году под названием: «Жизнь среди пайюта. Причиненные им обиды и их требования». Это была первая автобиография, написанная и опубликованная индианкой. Рассказ Сары о себе начинается так: «Я родилась примерно в 1844 году. Точно сказать, когда я родилась, не могу. Я была еще маленькой девочкой, когда первые белые люди появились в наших краях. Они были похожи на кугуаров, ревущих кугуаров. Я никогда не забуду первой встречи с ними».

Когда в сороковых годах XIX века белые поселенцы начали просачиваться на Запад, северные пайюта были небольшим кочевым племенем охотников-собирателей, которые бродили по территориям, ныне принадлежащим штатам Невада, Калифорния и Орегон. Переселенцы между тем устремились на запад в поисках золота, готовые перекопать все золотоносные пологие холмы на своем пути. Коренные жители стояли у них на пути.

Сара вспоминает, как ее дедушка, вождь племени, встретив первых переселенцев, отнесся к ним по-дружески и даже стал их проводником. Соплеменники Сары подкармливали белых людей, когда настала трудная зима, и, подчиняясь желанию ее дедушки, обращались с ними как с братьями. Отец Сары, вождь Уиннемакка, был более осмотрителен и держался от пришельцев подальше. Этому не стоило удивляться, учитывая то обстоятельство, что некоторые из поселенцев вместо добра отплатили индейцам сожженными зимовниками, беспричинной стрельбой и отравленными источниками. Сара отмечает, что среди белых встречались хорошие люди, которые дарили индейцам одежду, давали ей лекарства, когда девочку обсыпало от соприкосновения с ядовитым сумахом, и относились к ее соплеменникам с уважением. Но таких было не очень много, и к тому же все больше поселенцев прибывало на их земли.

Раньше, чем другие, Сара осознала, что для того, чтобы выжить в мире ревущих кугуаров, надо научиться разговаривать на их языке. К счастью для нее, девочка обладала лингвистическими способностями. Испанский язык Сара выучила, когда ей не было еще и десяти лет, благодаря тому, что кое-кто из членов ее семьи вышел замуж за испанских колонистов в Калифорнии. К изучению английского девочка оказалась не менее способной, чем к изучению испанского. Она овладела им, поступив прислугой в дом к одной семье в Неваде. Там, скорее всего, ее впервые окрестили Сарой. В 1859 году, когда девочка вела переговоры между своими хозяевами и индейцами, она поняла, что белые переселенцы предпочитают иметь дела с теми, кого считают наделенными властью. Поэтому Сара

сообщила нескольким правительственным агентам о том, что ее отец – «верховный вождь» всех северных пайюта, а не группки в сто пятьдесят человек. «Маленькая белая ложь» позволила вождю Уиннемакка говорить от имени своего народа, а Сара назвала себя «принцессой».

Жизнь может быть чрезвычайно опасной для индейца, пытающегося найти свое место на границе между «цивилизацией» и «дикостью». Один из таких случаев описан в книге Сары. Американские солдаты безосновательно обвинили индейцев в угоне скота и вырезали целую деревню до последнего ребенка. «Белые всегда первыми развязывали войны, исходя из своих эгоистических мотивов», – писала Сара.

В 1872 году северным пайюта «даровали» резервацию Малу́р в Орегоне. Семья Сары перебралась туда. Сначала всем управлял федеральный агент Сэмюель Пэрриш. По словам Сары, он относился к индейцам хорошо, по справедливости. Спустя четыре года его заменили подлым Уильямом Райнхартом. Этот человек крал предназначенные для индейцев продукты, отказывался платить за работу и обманывал при любой возможности. При нем многие индейцы начали голодать. Тех, кого заподозрили в преступлении, казнили без суда. Часть земель, которая полагалась пайюта по договору, захватили белые поселенцы. Индейцам оставалось все меньше охотничьих угодий. Райнхарт даже закрыл школу. Все старания Сары выхлопотать достаточно еды для своих соплеменников и сообщить властям об условиях жизни в резервации ни к чему не привели, хоть она и подписывала свои письма «Принцесса Уиннемакка».

В 1878 году те из индейцев, которые остались в резервации, подняли бунт. Во главе стояли воины племени банноков. Сара и ее семья встали на сторону американского правительства. Когда ее отца и его людей захватили в плен банноки, Сара за двое суток проскакала двести двадцать три мили ради того, чтобы их вызволить и отвести под защиту стен форта, в котором засели федеральные войска. Впоследствии она работала у американцев переводчицей, проводницей и лазутчицей. По завершении Баннокской войны федеральное правительство не стало разбираться в том, кто на чьей стороне воевал. Всех пайюта объявили врагами и военнопленными. Им пришлось пройти триста пятьдесят миль по глубокому снегу, который иногда был по грудь взрослому человеку, до резервации Якима в штате Вашингтон. Почти пятая часть индейцев пайюта умерла в дороге, главным образом это были маленькие дети и старики. Еще больше пайюта умерло в резервации, в том числе и сестра Сары. У них не было в достатке еды, теплой одежды и дров.

Желая уберечь своих соплеменников от медленного, но неизбежного вымирания в резервации, Сара поехала на восток агитировать в защиту индейцев и встретиться с чиновниками из Вашингтона. В дороге она выдавала себя за принцессу. Эта роль была ей хорошо знакома. В 1864 году Сара с отцом и сестрой в качестве индейской «королевской» семьи отправилась в турне по США. Они представляли собой ожившую иллюстрацию распространенных в среде белых мифов об индейцах. Сара и ее семья появлялись на публике в головных уборах из перьев. В театр «королевская» семья вошла, сопровождаемая процессией из индейских воинов. Они разыгрывали стереотипные сценки в духе концепции «благородного дикаря» и Покахонтас, приправляя все это «кровожадным дикарем», что выражалось в «великом танце скальпирования» и «танце войны».

То, что Сара разыгрывала роли, навязанные ею представлениями белых об индейцах, не делает ей чести, но женщина по крайней мере узнала, как следует завоевать их внимание. Впоследствии, во время лекций и других публичных мероприятий, Сара одевалась в то, что называла «традиционной одеждой индейской принцессы», и люди ей верили. Отделанные бахромой наряды производили фантастическое впечатление. Иногда они были сшиты из оленьей замши, иногда – из ткани. Украшали их узоры, образчики которых Сара позаимствовала с абажуров ламп и занавесок в домах белых. В довершение женщина, распустив свои длинные черные волосы, повязывала голову полоской кожи, украшенной бусинками и перьями. Запястья ее украшали браслеты из бусин. Ходила она повсюду с бархатной сумкой, на которой был вышит купидон. Фотография «принцессы Сары» в «национальном» костюме появилась на обложке ее вышедшей в 1883 году автобиографии. Те, кто приходил на ее лекции и публичные выступления, имели возможность купить ее фотографии в пышном убранстве. Вырученные от продаж деньги шли на покрытие ее дорожных расходов и помощь соплеменникам.

Сара знала, что делает. Ее одежды соответствовали романтическому образу обреченной на увядание, благородной, дружелюбно настроенной к белым принцессы. Она просто не могла не задеть соответствующих струн в душах тех, кто чувствовал угрызения совести по поводу концепции Явного предначертания[27]. На пике ее популярности рассказы о Саре и ее семье печатались во многих газетах и журналах. Не менее полутора тысяч человек встретились с ней. За пять лет женщина

прочла более четырехсот лекций. Она привлекла внимание Мэри Пибоди Манн, вдовы педагога-реформатора Хораса Манна, и ее сестры Елизаветы Пибоди, которые начали помогать индианке.

Образ «цивилизованной индейской принцессы» помог Саре привлечь к себе внимание людей. После этого она перестала миндальничать и между рассказами вполне развлекательного свойства начала вставлять тяжелую для слушателей информацию о несправедливостях, от которых страдают пайюта и другие индейские племена. В своей автобиографии Сара писала: «О, добрые, богобоязненные люди! Сколь долго вы будете стоять в стороне и взирать на то, как мы страдаем по вашей вине?»

Сара часто обыгрывала в своей автобиографии слова «дикарь», «цивилизованный» и «христианский». Описывая, как ее соплеменники помогали белым переселенцам, она утверждала: «Они дали пришельцам столько, сколько имели. Они не стали разводить руками и говорить: «Я ничего тебе не дам, если ты мне не заплатишь». Нет, мы, дикари, никогда бы до такого не додумались». Несмотря на веру белых в свою цивилизованность, Сара показывала существующее в их культуре двуличие: «Вы кричите о свободе, но при этом держите нас в резервациях против нашей воли и перегоняете с места на место, словно мы животные».

В конце 1878 года многолетние старания Сары быть услышанной федеральным правительством были вознаграждены. Она встретилась с президентом Ратерфордом Хейсом и министром внутренних дел Карлом Шурцем[28]. Ничего добиться ей так и не удалось. Несмотря на данные ей письменные обещания вернуть пайюта в резервацию Малур, на практике ничего не изменилось.

Кампания по дискредитации

Неспособность федерального правительства исполнять свои же обещания сделала отношения Сары с ее соплеменниками еще более натянутыми. Хотя женщина много лет потратила на то, чтобы помочь своему народу, некоторые считали ее в лучшем случае соучастницей махинаций федерального правительства, а в худшем – предательницей собственного народа. Даже самые смелые поступки Сары не привели ни к чему хорошему. После Баннокской войны, например, она убедила своих соплеменников направиться в форт Харни, откуда их обещали сопроводить в резервацию Малур. Но федеральное правительство их обмануло, и вместо Малура индейцам пришлось отправиться в резервацию

Якима. По пути многие из них умерли. Когда пятеро индианок сбежали, Саре и ее сестре поручили выследить и вернуть их обратно. Федеральное правительство вознаградило ее старания. По имеющимся сведениям, за службу во время Баннокской войны женщина получила ежегодную пенсию в размере шестисот долларов и дом в Орегоне. Само собой, популярности среди индейцев ей это не прибавило.

Если уж говорить начистоту, несмотря на усилия, направленные на то, чтобы помочь своим соплеменникам, Сара Уиннемакка отнюдь не горела желанием вести тот образ жизни, который вели они. В 1870 году она заявила корреспонденту одной газеты: «Индейский образ жизни мне нравится… Я бы предпочла жить с моим народом, но жить не так, как живут они. Я была по-другому воспитана… Самый счастливый период моей жизни приходится на то время, когда я жила в Санта-Кларе вместе с белыми и училась в школе». Не стоит об этом забывать. Сара трижды выходила замуж за белых мужчин, включая сотрудника того самого агентства, которое бесчестно повело себя с ее народом. Она также выступала за то, что сейчас можно назвать политикой ассимиляции. И тогда, и в наше время эта ее позиция вызывала и вызывает у людей возмущение. Сара предпочла физическое выживание пайюта их культурной идентичности, считая, что ассимиляция лучше голодного, медленного вымирания в резервации.

Образ Сары Уиннемакка, который сложился у белых, также нельзя назвать однозначным. Откровенность сделала женщину удобной мишенью для нападок некоторых американских газет, на страницах которых Сару изображали скандальной, грязной индианкой, замешанной в воровстве. Бюро по делам индейцев было заинтересовано в том, чтобы выставить Сару в неприглядном свете. Ее называли «той, кто повсюду следовал за войсками», а то и попросту «распутницей». Поднимались вопросы о ее мнимом пьянстве и пристрастии к азартным играм. После таких обвинений, если Сара высказывала свое мнение по какому-то поводу, с ней уже можно было не считаться. Людям свойственно верить в худшее, а над всем остальным просто смеяться, поэтому призывы Сары защитить ее соплеменников оставались без внимания. Но женщина не прекращала выступать.

Притягательность титула «принцесса»

Значение титула «принцесса» имеет множество оттенков. Весь секрет в том, как себя вести, прикрываясь им. То, что у северных

пайюта не было наследственной аристократии, не помешало Саре объявить себя принцессой ради того, чтобы некоренные жители Америки услышали ее голос. Но, добившись этого, Сара своей ложью сделала себя более уязвимой.

К концу жизни ей казалось, что она мало чего смогла достичь. После долгих лет сплошных разочарований, видя, как ее соплеменники мерзнут и недоедают, после того как президент не сдержал данное ей слово, устав от нападок в прессе, Сара в 1884 году вернулась в Неваду и открыла школу для индейских детей. Просуществовав четыре года, школа закрылась, после того как муж Сары проиграл часть денег, которые поступили от продажи книги или были выделены благотворителями.

Сара Уиннемакка умерла 17 октября 1891 года. Только со временем люди по достоинству оценили ее наследие. В 2005 году штат Невада подарил бронзовую скульптуру Сары Уиннемакка Хопкинс Национальному залу скульптур в Капитолии. Она изображена такой, какой видели ее люди, приехавшие послушать речь индианки: около тридцати пяти лет, в расшитом бусинами и отделанном бахромой платье ее собственного фасона, с украшенной купидоном сумочкой на боку.

На табличке постамента значится:

Правозащитница
Педагог
Автор первой книги, написанной коренной жительницей

Описание верно, но оно не передает всю противоречивость ее натуры. Сара была неоднозначно воспринимаемой героиней, которая, выдумав себе другую личность, написала об этой личности целую книгу. Сара была среди тех немногих коренных жителей страны, чей голос принимался в расчет, когда речь заходила о моральном долге Соединенных Штатов перед индейцами. К сожалению, как писала сама Сара, «храбрые поступки не всегда вознаграждаются на этом свете».

София Долгорукая (23 октября 1907–26 февраля 1994) Княжна, ставшая коммунисткой

Царская Россия, Англия, концентрационный лагерь на территории Франции, СССР

В 1940 году Софка Скипвит, урожденная княжна София Долгорукая, оставила относительно спокойную Англию и направилась в Париж. Учитывая растущие имперские амбиции нацистов на континенте, время было выбрано неудачно. Софка утверждала, что собирается пробыть во Франции не больше полугода, заработать немного денег для своей матери и отчима – супружеской четы живущих там русских эмигрантов, которые не нашли своего места в жизни. В Англии Софка оставила трех сыновей. Самого младшего, Патрика, взяла на воспитание «теща молочника». Двух старших отправили к родителям ее мужа. Софка попрощалась со своим мужем, летчиком Королевских военно-воздушных сил Великобритании. Она понятия не имела, что пройдет четыре долгих года, прежде чем она снова увидится со своими детьми. Мужа она вообще больше живым не увидит.

Смена власти

Полная драматизма история жизни Софки рассказывается в двух биографиях. Одну написала ее внучка и тезка. Другая, 1968 года издания, написана ею самой. Первым делом надо заметить, что родословная этой женщины, хотя и с налетом незаконнорожденности, тянется из глубины веков. Софка происходила из великих династий российских правителей. Среди ее предков были Екатерина Вторая и князья Киевской Руси. Софка росла в Санкт-Петербурге. Детство ее было похоже на детство многих других детей из аристократических семей: гувернантка-англичанка, тонны игрушек, совместные игры со страдающим гемофилией царевичем, никакого общения с простыми людьми. Вот только ее мать, графиня София Бобринская, была не похожа на большинство аристократок. К дочери, правда, эта женщина относилась холодно, без должной любви, но она, по крайней мере, отличалась энергичностью и силой воли, выделяющей

Софию Бобринскую на фоне других женщин того времени. Она была замечательным хирургом, одной из первых женщин-авиаторов России, единственной женщиной-водителем, принявшей участие в автомобильном ралли в 1912 году, и поэтессой, чьи сатирические стихи публиковались под псевдонимом. И что более всего шокировало публику, София Бобринская развелась с отцом Софки, очаровательным греховодником князем Петром Долгоруким, после пяти лет неудачного и не отличавшегося супружеской верностью брака.

Вскоре случились события, после которых жизнь Софки уже не могла быть похожа на жизнь ее родителей. Старый режим, увлекая за собой семью Софки, вот-вот должен был быть низвергнут революцией. Первая мировая война призвала обоих родителей Софки на фронт: ее отец служил в конногвардейском полку, а мать работала по линии Красного Креста. Лишения и гибель солдат на фронте способствовали разжиганию революционных настроений в народной среде. Когда неизбежная катастрофа разразилась, России пришлось иметь дело с еще одной войной, на этот раз гражданской. Испугавшись большевицких транспарантов, заалевших на рыночных площадях, и стрельбы на улицах, бабушка Софки перевезла маленькую княжну в Крым – полуостров на Черном море. Там они узнали о расстреле большевиками членов царской семьи и о том, что отец Софки объявлен врагом народа.

Жизнь была лишена даже тени надежности. Конюх, работавший на их семью, человек большевистского склада ума, втайне преподал Софке курс революционных идей, объяснив всю несправедливость аристократической социальной системы. В апреле 1919 года, когда опасность для представителей аристократии еще больше возросла, Софка вместе с бабушкой и другими беженцами отправилась на корабле в Великобританию.

В Англии Софку ждало то же самое, что и множество других русских белоэмигрантов, лишенных всего аристократов, чье положение, по крайней мере сначала, считали романтическим и достойным сочувствия. В журнале «Ева» напечатали фотографию, на которой девочка позировала вместе с собакой. В статье обыгрывались мотивы величия титула князей Долгоруких и русской революции. До двадцати лет девушка металась между разными родственниками, живущими в Венгрии, Италии и Париже. Она была молода и импульсивна. Она читала русских поэтов и гуляла по улицам со своими парнями. Выпускные экзамены в школе Софка провалила. Она перебивалась случайными заработками, пока не нашла работу личного секретаря у шотландской герцогини, давней приятельницы ее

семьи.

Но семена революции были посеяны в мозгу Софки еще тогда, в России. Там она жила в богатстве, пользуясь множеством привилегий. Она была свидетельницей того, как меньшинство вело легкомысленное существование, оставаясь слепым к страданиям и бедности своих соотечественников. И эти семена уже дали всходы.

Коммунистка на рынке

Когда Софка была подростком, ее интерес к мальчикам был довольно невинным. Когда девушке исполнилось двадцать лет, от ее невинности не осталось и следа. Если называть вещи своими именами, она спала с кем попало. «Когда я говорю “беспорядочная половая жизнь”, я имею в виду секс с мойщиком окон, почтальоном и все такое прочее», – писал брат ее покойного мужа через десятилетие после смерти Софки. Сама она хвасталась, что за всю жизнь у нее было более сотни любовников. Своей внучке Софка заявила: «Не имеет значения, сколько у тебя любовников, главное, чтобы их было не больше одного за раз».

К сожалению, сама Софка не следовала своему совету. В 1931 году она вышла замуж за Льва Зиновьева, аристократа-изгнанника и архитектора. Они были очень не похожи друг на друга, но, кажется, по-настоящему влюблены, по крайней мере, в самом начале. Вскоре в их браке наметились трещинки. Софка закрутила небольшой романчик на стороне. В своей автобиографии она назвала эту измену «одним из самого худшего», что она сделала в жизни. Льву не понравилось, что у его жены появились «друзья». Вскоре Софка узнала, что у мужа – другая женщина. Вот так обстояли дела, когда в конце 1934 года Софка повстречала Грея Скипвита, мужчину, которого она считала любовью всей своей жизни. Ей было двадцать семь, ему – двадцать три. Грей был сыном состоятельного баронета, а Софка учила его русскому языку. Через полгода флирт перерос в настоящую любовь. Хотя женщина была беременна вторым ребенком от мужа, она решила бросить Льва Зиновьева. Супружеская чета разъехалась в 1936 году, а в следующем официально оформила развод. Через два дня Софка стала миссис Скипвит. Церемония состоялась в регистрационном офисе района Челси в Лондоне. Непродолжительный медовый месяц молодожены провели в Ницце. После этого они поселились в сельской идиллии Мейденхеда. Спустя полгода Софка вновь забеременела.

Между тем все эти годы, пока женщина переживала личные драмы, ее политические взгляды окончательно сформировались, приняв вид весьма неприятный для ее аристократической родни. Софке довелось пожить и в роскоши, и в бедности (как-то Лев потерял работу, и семья сильно нуждалась в деньгах), поэтому женщина не могла понять, откуда берется та пропасть, которая их разделяет. «Пережив такое, ты уже никогда не сможешь относиться к жизни как прежде», – писала она. К тому времени, когда Софка снова нашла постоянную работу (на этот раз секретаршей у актера Лоуренса Оливье), она была на пути к тому, чтобы стать коммунисткой, посадив собственный мозг на диету из Карла Маркса, левацкой идеологии и советской пропаганды. Она прочла «Манифест коммунистической партии», и «ничто в нем не противоречило моим убеждениям». Но у нее все же были сомнения. Позже Софка писала: «Наш коммунизм подобен всемирной тайной организации, созданной для того, чтобы повалить повсюду власть. Если ты присоединишься к коммунистам, эта идея будет править твоей жизнью. Как от мафии, от нее нет ходу назад».

Военные годы

Когда в сентябре 1939 года началась война, Грей добровольцем пошел в Королевские военно-воздушные силы Великобритании. Софка впала в депрессию. Она начинала день с вина. Впоследствии женщина утверждала, что сбежала во Францию, откликнувшись на зов матери, у которой не хватало денег (на морфий, если уж говорить начистоту), но правда, судя по всему, заключалась в том, что ей просто необходимо было развеяться. Софка никогда не относилась к тому типу женщин, которые любят менять подгузники и вытирать сопливые носы. Отправиться во Францию, когда нацисты уже стучали в ее двери, было вполне в духе Софки. Она приехала в Париж как раз вовремя, чтобы увидеть немецкое вторжение и капитуляцию Франции. Княжна очутилась в охваченном паникой городе среди миллионов таких же беспомощных, как она. Более того, будучи британской подданной, Софка автоматически становилась в глазах немцев врагом. В дневнике, который она вела для мужа Грея, есть запись от 5 декабря, в которой рассказывается о том, что один русский знакомый собирается помочь ей пробраться в неоккупированную страну. Три дня спустя Софка писала: «Дорогой! Я тебя люблю. Сегодня ужасно холодно. Гололедица. Плохо. Спокойной ночи, родной. Пожалуйста, вспоминай меня

чаще». Это последняя запись. На следующий день Софку арестовали. Она успела прихватить с собой шубу, книгу «Братья Карамазовы» и купить буханку хлеба у булочника. Ее посадили в конвоируемое помещение, а оттуда отправили на железнодорожный вокзал.

Трое суток Софка ехала вместе с десятками других женщин, имевших несчастье обладать британскими паспортами, в вагоне третьего класса. Прибыли они в Безансон. Женщин разместили в продуваемых насквозь бараках, которые нацисты превратили в импровизированный лагерь для заключенных. Несмотря на тяжелые условия, Софка там освоилась. Выступив от имени своих подруг по несчастью, она сумела добиться горячего душа и составила расписание дежурств. Ее назначили chef de chambre (главной по «общежитию»). Софка распоряжалась расходом топлива и распределением еды. Спустя полгода женщин перевели в «Гранд-отель» Виттеля, популярного бальнеологического курорта, который нацисты, реквизировав, превратили в образцово-показательный концлагерь, искусное опровержение всех тех «слухов» об ужасах концентрационных лагерей, которые появлялись в прессе демократических стран.

В Виттеле выживание не было ежедневным уделом заключенных. Софка читала лекции по русской литературе, организовала драматический кружок, ставивший пьесы Шекспира, и преподавала русский и английский языки. Она вела активный образ жизни, закрутила по крайней мере один лесбийский романчик, допоздна засиживалась, играя в карты, и, как вспоминала одна ее подруга, никогда не позволяла себе раскисать. Здесь Софка повстречала настоящих коммунистов, членов партии, которые убедили женщину, что коммунизм – не совсем мафия, как она прежде думала. «Я почувствовала, что эта идеология в будущем имеет все шансы подарить человечеству справедливое сосуществование», – писала она позже. Вскоре Софка стала членом подпольной коммунистической ячейки. Она передавала нужную информацию и помогала готовить побеги своим товарищам.

В июне 1942 года «идиллии» Софки пришел конец: она узнала о том, что ее муж пропал без вести. В сентябре того же года ей сообщили, что Грей, скорее всего, погиб. Женщина не вставала с постели и отказывалась есть. Ее перевели в лагерную больницу. Смерть мужа потрясла Софку, но она нашла утешение в объятиях Изи, еврейского узника, посаженного в лагерь в 1943 году вместе с четырехлетней дочерью и матерью. Жену Изи убили нацисты. Когда настал день отправки всех евреев в концентрационные лагеря, у Изи был шанс сбежать, но только

одному, без семьи. Он предпочел отправиться на верную смерть. Горе Софки переродилось в ярость. Она сообщила Сопротивлению о том, что ожидает евреев, о том, что шестнадцать человек попытались покончить жизнь самоубийством, но не уезжать из Виттеля, о том, как она выкрала новорожденного младенца, накачала его лекарствами и, завернув в одеяло, вынесла в аптечке после того, как его мать послали на смерть. Союзники на эту информацию никак не отреагировали. Софка делала все, что могла. В 1944 году, когда ей и еще некоторым заключенным позволили покинуть лагерь, женщины вынесли с собой списки польских заключенных, зашитые под подкладками пальто. Уже после смерти Софки ее помощь евреям Виттеля была признана Институтом памяти Холокоста в Израиле.

Встреча с красными

Теперь Софка стала вдовой. В Великобритании у нее остались дети. В 1943 году немцы предложили ее освободить. Женщина предпочла остаться в Виттеле. Впоследствии она утверждала, что действовала по приказу коммунистической партии, решившей, что там она сможет принести больше пользы. Когда война приближалась к концу, немецкие власти пригласили Софку вести пропагандистские передачи по берлинскому радио. Она согласилась, замыслив сбежать от немецкой «опеки» в Лиссабоне. План удался. Софку с товарищем из Виттеля подобрали информированные агенты британского посольства. Летом 1944 года она вернулась в Великобританию. Прежний ее босс Лоуренс Оливье нашел ей работу. Заполнить пустоту в душе Софке помогал алкоголь и частая смена сексуальных партнеров. Она вступала в непродолжительные отношения «с любым, кто казался мне приятным и веселым», – писала она впоследствии.

А еще Софка с головой бросилась в коммунизм, официально вступив в партию. Она продавала номера «Ежедневного рабочего» на улице, а по воскресеньям утром ходила в советское посольство смотреть русские фильмы. Она стала убежденной коммунисткой. Партийные функционеры называли ее «товарищем Софкой» или «нашей коммунистической принцессой». По субботам женщина устраивала «субботние супы у Софки», на которые приглашала членов партии, журналистов, писателей, художников и других представителей богемы. В 1946 году она ушла с прежнего места работы и стала секретарем в Британо-советском обществе дружбы, занимавшемся переводом советской

пропагандистской литературы.

Политические взгляды Софки не были популярны, особенно в среде изгнанных из России дворян. Женщину не принимали в доме ее покойного мужа, где росли двое ее старших сыновей. Учитывая то, что большевики разрушили уклад жизни ее семьи, убили многих друзей и родственников и разбросали русское дворянство по всей Европе и даже за ее пределами, такой реакции не стоит удивляться. Брат покойного мужа Софки писал: «Стать коммунисткой, будучи в то же время русской эмигранткой, это все равно, как если бы еврейка, спасшаяся из Германии, вступила в нацистскую партию». Коммунистической деятельностью Софки заинтересовалась британская госбезопасность. Согласно досье, найденному ее внучкой, соответствующие органы сначала сочли Софку «ценным приобретением» для коммунистической партии, имеющим обширные связи в разных слоях общества. Впоследствии они пришли к выводу, что женщина «ненадежна» и «ведет беспорядочную половую жизнь».

В 1949 году Софка нашла свое призвание, начав работать на коммунистическое туристическое агентство «Прогрессивные туры». Их лозунг был «Путешествие. Дружба. Мир». Агентство устраивало туристические поездки в Советский Союз и другие страны социалистического лагеря. На этом поприще Софка отличилась тем, что добивалась у директоров гостиниц снижения цен, заставляла бюрократов работать быстрее и водила своих подопечных вокруг монументов и жилых домов, построенных в стиле советского брутализма. За ней все время наблюдали: один из агентов МИ5 также работал в туристическом агентстве.

На протяжении пятидесятых годов Софка оставалась преданным членом партии и туристическим агентом, хотя и страдала от сомнений и «недостатка веры». Даже разоблачение совершавшихся при Сталине злодеяний не смогло поколебать ее убежденности в том, что коммунизм – единственная заслуживающая доверия дорога к обществу всеобщего равенства. Софка верила, что долг каждого настоящего коммуниста защищать Советский Союз от нападок, даже если он понимает, что этот социальный эксперимент потерпел крах. Когда она водила туристов по дворцу, который прежде принадлежал ее деду, а теперь стал кафедрой геологии Ленинградского университета, Софка каждый раз говорила, что полностью согласна с тем, что этот дворец следовало отобрать и использовать на общее благо.

Другой мир

Софка писала в своей автобиографии: «Мир, в котором я родилась в 1907 году, кажется теперь, спустя шестьдесят лет, почти фантастическим. Невозможно поверить в то, что когда-то так жили, как немыслимо поверить в жизнь на далекой планете. Легче, по-моему, представить себе туристическую экскурсию в космос, чем возвращение к обычаям и предрассудкам, строгим правилам этикета, роскоши и нищете, культуре и невежеству той эпохи». Тот мир был до основания разрушен, когда Софке исполнилось двенадцать лет. Мир, в котором она жила потом, сгубила война и социальные потрясения. А перед самой ее смертью Советский Союз, страна, которую изгнанная русская княжна успела полюбить, прекратил свое существование.

В 1962 году Софка переехала в Бодмин-Мур[29] вместе со своим последним любовником Джеком, с которым она познакомилась во время поездки по России. Женщина стала эксцентричной. Она жила в неприбранном доме (Софка говорила, что слишком много времени уделяет собственным мыслям и чтению, чтобы еще и прибираться в доме), дни напролет проводила перед телевизором в обществе гончих псов за просмотром теннисных матчей. В семидесятых она написала поваренную книгу, посвященную русской кухне. Хотя отношения с собственными детьми у Софки всегда были непростыми, она любила побыть в роли «нетрадиционной» бабушки.

Бывшая княжна Софка умерла в феврале 1994 года. Ей было восемьдесят шесть лет. Ее внучка вспоминает одну из любимых присказок бабушки: «Если у тебя хватает денег на две буханки хлеба, купи одну, а на остальные деньги купи цветы». Другими словами, надо жить полной жизнью. Никогда не знаешь, когда ее у тебя отберут.

Тусовщицы Принцессы, которые прожигали свою жизнь
Кристина
(18 декабря 1626–19 апреля 1689)
Принцесса, любившая переодеваться в мужскую одежду

Швеция

Проблемы с определением пола у Кристины Шведской начались очень рано. Когда она родилась, девочку тотчас же объявили мальчиком. Ошибка была вполне простительна: ранее придворные астрологи предсказали королю Густа́ву-Адольфу Второму, что у него родится мальчик, наследник, в котором он так нуждался. Ребенок появился на свет довольно волосатеньким и при рождении издал громкий крик. На новорожденную сразу же надели длинную сорочку. К тому же помещение, освещенное одной лишь свечой, утопало в полумраке.

Кристина впоследствии утверждала, что, когда все наконец поняли, что она на самом деле она, а не он, испуганная кормилица, ничего не говоря, показала девочку отцу. Вместо того чтобы разгневаться, король взял дочь на руки, поцеловал ее и заявил: «Возблагодарим Господа. Эта девочка не менее дорога моему сердцу, чем мальчик. Пусть Господь, поскольку Он даровал мне ее, бережет это дитя. Большего мне не нужно. Я доволен». Очень мило, вот только вряд ли король Густав-Адольф так думал.

Девочка-принц

Рождение Кристины усложняло вопрос престолонаследия. У короля Густава-Адольфа был еще один ребенок, мальчик, но он являлся незаконнорожденным, поэтому над страной повисла угроза династического кризиса. Шансы на рождение еще одного ребенка осложнялись тем, что его жена Мария Элеонора была полубезумна, а сам король постоянно воевал.

Густав-Адольф постарался сделать все возможное в сложившейся ситуации. Он дал недвусмысленное указание

воспитывать дочь так, словно она принц, и закалять ее тело физическими упражнениями. Вскоре король уехал на войну и погиб на поле брани, когда Кристине исполнилось всего-то шесть лет. Ее объявили королевой шведов, готов и вандалов, великой герцогиней Финляндии, герцогиней Эстонии и Карелии, владетельницей Ингерманландии[30]. Слишком много титулов для маленькой девочки, которая на портретах, написанных в это время, похожа на престарелую карлицу.

Гораздо позже Кристина утверждала, что все, кто бы ей ни повстречался, кода она еще была девочкой-королевой, были поражены силой ее личности. Еще один кирпичик в мифотворчество, как и рассказ о реакции отца на ее рождение. В письме, адресованном Богу (такой уж была Кристина), королева писала: «Они узрели, что Вы создали меня столь степенной и серьезной, что я не проявляла ни толики нетерпения, как свойственно это другим детям». До восемнадцати лет, впрочем, Кристина была королевой только формально. Швецией правили пять регентов, назначенных еще ее покойным отцом. Регенты надеялись, что Кристина выйдет замуж до истечения этого срока. В этом случае ее муж смог бы править страной, если не вместо королевы, то совместно с ней.

Но тут в дело вмешался неучтенный фактор, спутавший все карты. Психическое состояние матери Кристины быстро ухудшалось. После гибели короля Мария Элеонора погрузилась в траур, превратившись в одетую во все черное истеричку, которая все время плакала и стенала. Кристина, которую мать прежде не любила из-за того, что та была девочкой с излишней растительностью на теле, «смуглой, словно мавр», теперь стала связующим звеном между ней и покойным мужем. Мария Элеонора не спускала с дочери глаз. После трех лет такой тягостной материнской любви Кристину избавили от опеки матери, а саму Марию Элеонору отправили подальше, в замок, расположенный в пятидесяти милях от местопребывания королевы-девочки.

Кристина получила образование в соответствии с желанием ее отца. Судя по всему, оно было вполне основательным. Один из учителей Кристины в докладе, предназначенном для слушания в парламенте, утверждал, что королева прилежна, «не похожа на других представительниц своего пола», «смела и схватывает все на лету». В детстве ее игрушками были оловянные солдатики, с помощью которых Кристина разыгрывала военные маневры на поле боя. Королева метко стреляла из пистолета, была отличной наездницей и фехтовала на шпагах. Искусство управления государством она изучала по биографиям Александра

Македонского и Елизаветы Первой. Для общения с иностранными послами Кристину обучали латыни, немецкому и французскому языкам. А еще королеву воспитывали в лютеранстве, государственной религии Швеции.

В ноябре 1644 года Кристине исполнилось восемнадцать лет. Пришел конец регентства. Государственными делами она занялась со всем пылом юности, вот только молодой королеве не хватало опыта. Девушка столько раз твердила самой себе о своем величии, что это вконец ее ослепило. Она наделала много ошибок. Несмотря на полученное солидное образование, в политике и управлении она ничего не смыслила. Кристина то и дело колебалась, когда надо было вести себя решительно. Она часто поступала наперекор другим, вместо того чтобы прислушаться к доводам разума. Желая власти, она не способна была ею распорядиться. Кристина расплодила при дворе разного рода интриги, ошибочно полагая, что сможет контролировать ситуацию. Она тратила государственные деньги так, словно это были ее собственные средства, а когда казна опустела, принялась продавать титулы, запрудив страну графами и баронами и сильно сократив базу налогового обложения. Это существенным образом уменьшило государственные доходы в ближайшем будущем. К чести королевы надо сказать, что бóльшая часть средств была потрачена на покупку произведений искусства и избавление королевского двора в Стокгольме от его провинциальности. Кристина закупила огромное количество книг, картин, скульптур и других произведений искусства, а также собрала вокруг себя множество выдающихся ученых со всей Европы. Жемчужиной ее «коллекции» стал великий французский философ Рене Декарт, почтивший шведский двор своим присутствием. («Я мыслю, следовательно, существую».) Кристина решила, что он будет ее наставником и станет преподавать ей три раза в неделю в пять часов утра в неотапливаемой библиотеке. На дворе стоял январь 1650 года, «самый холодный месяц самого холодного года ужасно холодного столетия». Декарт заболел воспалением легких и умер. О планах королевы Кристины построить великому человеку огромную гробницу вскоре все позабыли. Тело католика Декарта осталось гнить под деревянной доской в неосвященной земле лютеранского кладбища.

Будучи женщиной умной, королева в то же время была дилетанткой. Она знала обо всем на свете, но в объемах, достаточных только для того, чтобы произвести впечатление на придворных. В своих увлечениях она никогда не задерживалась долго на одном и том же. Кристина настолько гордилась тем, что ее воспитывали как принца, что однажды

сказала французскому послу: «Терпеть не могу, когда меня поправляют».

Дорога к отречению от престола

Все знали, что Кристине не нравится быть девушкой. В своей автобиографии она писала: «Я презирала все, что имеет отношение к моему полу, за исключением, пожалуй, только умеренности и пристойности». Хотя она была привлекательной, хрупкого телосложения и ростом едва пять футов, Кристина расхаживала повсюду, словно мужчина, в обуви на низких каблуках. Она разговаривала так, как это свойственно мужчинам, и ругалась, как моряк, грубым, глубоким голосом. Провинившихся слуг королева била собственноручно. Кристина сутулилась. Пышной женской моде той эпохи она предпочитала короткие юбки и штаны. На вышивание и этикет у Кристины просто не хватало ни времени, ни терпения. Королева считала, что слишком занята, чтобы терять время на причесывание. Купаться она тоже не любила. В ее оправдание можно сказать, что в ее время мало кто любил часто купаться.

Кристина сознательно стремилась быть похожей на мальчика. Ходили упорные слухи о том, что королева – гермафродит. Это в свою очередь давало пищу к далеко идущим инсинуациям, которые Кристина даже не пыталась опровергнуть. Девушка часто спала в одной постели со своей фрейлиной-фавориткой, которую за красоту прозвала Беллой[31]. В те времена не считалось зазорным, если две незамужние девушки спят вместе, но королева не таясь намекала на то, что дело сном не ограничивается. Однажды королева смутила английского посланника, прошептав ему на ухо, что внутри Белла так же прекрасна, как снаружи.

В возрасте двадцати двух лет Кристина объявила, что никогда не выйдет замуж. Того же, кого все прочили ей в мужья, своего двоюродного брата Карла Густава, она объявила наследником престола. Быть может, она брала пример с Елизаветы Первой, английской королевы-девственницы, которая имела «сердце и характер короля». Еще будучи юной девушкой, Кристина зачитывалась ее биографиями. Само собой разумеется, это ее заявление только распалило слухи о предполагаемом лесбиянстве (бисексуальности) королевы. Впрочем, никаких доказательств каких-либо сексуальных отношений подобного свойства, за исключением брошенных ею невпопад фраз, не существует. Ее решение никогда не выходить замуж было, судя по всему, обусловлено скорее отвращением к сексу как таковому,

чем неприязнью по отношению к мужчинам. Однажды Кристина написала: «Брак – лучшее лекарство от любви, а брачное ложе – ее могила».

Пока все судачили о странном поведении и неопределенной сексуальной ориентации королевы, никто не замечал по-настоящему тревожного интереса Кристины к католицизму. Подобно всем ее соотечественникам, ее воспитывали в духе лютеранства. Являясь королевой, Кристина формально была главой шведской Церкви. В те времена за принадлежность к католицизму «виновных» в Швеции ожидало изгнание, пытки или даже смертная казнь. Исключение не делалось даже для королевы, но Кристину это обстоятельство не пугало. Ее увлечение католицизмом объяснялось несколькими факторами. Так, многие из ученых, призванных ею ко двору, были католиками. Королева симпатизировала четкой иерархии католической Церкви и ее богатой педагогической традиции.

В то же самое время Кристине наскучило быть королевой. В 1650 году, в год, когда она объявила, что никогда не выйдет замуж, девушку официально короновали. Празднество пришлось отложить из-за того, что в казне не хватало денег. Но даже принимая поздравления, королева обдумывала возможность отречься от престола. Кристина ненавидела ограничения, которые возлагали на ее свободу обязанности монарха. Государственная казна обанкротилась, частично вследствие ее плохого управления. Люди страдали от голода, вызванного очень холодной зимой. Недовольство стилем ее правления распространилось и среди придворных, несмотря на то что Кристина не выносила никакой критики в свой адрес.

Неудивительно, что мысли об отречении приходили ей в голову, но, учитывая святую веру девушки в собственное величие, удивительным кажется то, что она воплотила их в жизнь. В 1653 году Кристина объявила о своем желании отречься от престола, но сохранить за собой титул королевы. О своих планах перейти в католицизм она помалкивала. Как ни странно, шведский парламент согласился со всеми ее требованиями, включая земельную собственность и немалый доход. Шестого июня 1654 года в замке Уппса́ла состоялась церемония отречения.

Отпуск после отречения

Желание Кристины поскорее отделаться от трона было очевидным. Она уехала из Уппсалы в тот же день, даже

не дождавшись окончания банкета по случаю коронации своего двоюродного брата. Направляясь в Данию, девушка надела на себя мужскую одежду, в которую главным образом и одевалась с тех пор, а также приказала обрить ей голову, нацепила мужской парик, а на бок повесила шпагу. «Наконец свободна! – как передают, воскликнула она. – Прочь из Швеции! Надеюсь, я никогда сюда больше не вернусь!»

Кристина могла бы торжественно отплыть на корабле, куда бы она ни пожелала, но девушка предпочла трястись в седле, глотая дорожную пыль. Такое поведение считалось несколько эпатажным для знатной дамы, но бывшая королева, казалось, избрала именно это своим modus operandi[32]. В своих странствиях Кристина добралась до Брюсселя, где перешла в католицизм. Отсюда она отправилась в Рим на первую аудиенцию к Папе. Девушка не утруждала себя полным отказом от лютеранства, что выливалось в не совсем благочестивом поведении. Так, к примеру, в ночь перехода в католицизм слышали, как она потешается над преосуществлением, несмотря на то что совсем недавно клялась его почитать. Кристина имела привычку разговаривать в Церкви. Ее любовь к живописи и скульптуре, изображающей голую натуру, тоже не особо вязалась с набожностью.

Кристина сорила деньгами. Уютно устроившись в снятой в долг римской вилле, она настолько поиздержалась, что не могла платить своим слугам. Те вынуждены были воровать ее столовое серебро. Случилось и нечто более скандальное: Кристина влюбилась в кардинала Дечио Аццолини, молодого, умного и симпатичного папского приближенного. Недолгое время молодая женщина даже отказывалась от мужской одежды ради платьев. Впрочем, подол их был слишком коротким. Понтифику пришлось сделать Кристине небольшой выговор. Аццолини, кажется, отвечал взаимностью на любовь шведки. Ходили слухи, что она даже родила ему ребенка. На самом деле они, судя по всему, никогда не спали вместе, несмотря на двусмысленные разговоры Кристины и заверения ее бывшей служанки в том, что ее хозяйка – «величайшая блудница на свете».

Теперь Кристина заинтересовалась вполне приземленными, мирскими делами, в том числе пустилась интриговать. Ей вдруг пришло в голову вновь стать настоящей королевой, взойдя на трон южно-итальянского Неаполитанского королевства, из-за которого между Францией и Испанией то и дело вспыхивали вооруженные конфликты. В начале 1656 года Кристина втайне договорилась с кардиналом Джулио Мазарини, куратором французской шпионской сети, о том, что захватит трон

Неаполитанского королевства при поддержке четырех тысяч французских солдат и будет держать его тепленьким для молодого Филиппа Анжуйского. Вся трепеща от приятного возбуждения, женщина бегом взобралась на крепостную стену замка Святого Ангела[33] и выстрелила из пушки. К сожалению, она забыла прицелиться, и ядро врезалось в стену здания. Вот лажа!

Но политические ветры изменчивы. Спустя полтора года идею посадить Кристину на трон Неаполя положили на полку. Обиду и гнев женщина выместила на своем обер-шталмейстере маркизе Джованни Ринальдо Мональдески, в ведомстве которого числилась всего одна лошадь. Живя во Франции и ожидая вестей от Мазарини, Кристина обнаружила, что Мональдески пишет письма, в которых повторяет все те порочащие ее слухи, что ходят в обществе. Десятого ноября 1657 года она объявила маркиза повинным в государственной измене и приказала своим приближенным в тот же день привести смертный приговор в исполнение. Быть может, она была королевой без страны, но права карать и миловать своих подданных у нее никто не отбирал. Мональдески не стал исключением. Хотя с юридической точки зрения приговор был законным, жестокость расправы над маркизом произвела на всех крайне негативное впечатление. Папа, прежде довольный переходом королевы в католицизм, назвал Кристину варваркой и отказался принимать ее у себя в Риме.

Женщине исполнилось всего тридцать два года, а она уже исчерпала запас благорасположения большинства европейских политических игроков. Ее неуклюжие попытки вернуться в политику встречались с едва скрываемой улыбкой. Кончилось все тем, что женщина бóльшую часть времени стала проводить в саду на римской вилле, на которой жила. К концу жизни она облекала свое дородное, коренастое тело в мужскую одежду, стриглась коротко, а на верхней губе отпустила коротенькие «усики». Кристина отчаянно хотела, чтобы ее воспринимали всерьез, считали интеллектуалкой, значительной политической фигурой, а со стороны выглядела просто смешно.

Если бы только она это понимала… Следует даже восхититься той глубиной веры в собственное величие, которую Кристина пронесла через всю жизнь. В своей незаконченной автобиографии она писала: «Мои таланты и добродетели возвеличили меня над всеми людьми». Кристина умерла в апреле 1689 года. Чтение ее завещания выявило степень высокомерия бывшей королевы. Все свое достояние, недвижимость и драгоценности она завещала слугам, «придворным»

и фрейлинам. Вот только мало что из завещанного на самом деле принадлежало ей.

В 1933 году на экраны вышел черно-белый фильм «Королева Кристина» с Гретой Гарбо в главной роли. Хотя актриса по национальности тоже была шведкой, красавица Гарбо мало чем напоминала страдавшую излишней волосатостью королеву Кристину. Да и сюжет фильма мало соответствует тому, что произошло на самом деле. Впрочем, созданный Гарбо образ дерзкой королевы в определенном смысле отвечает исторической правде, ведь Кристина никогда не теряла веру в созданную ею самой легенду. Фильм – чистой воды выдумка, но Кристина хотела бы в это верить.

Карабу, известная также под именем Мэри Бейкер (23 ноября 1791–24 декабря 1864) Мнимая принцесса, которой удалось обмануть английскую общественность

Сказочная малоазиатская страна Джавасу

Поздно вечером 3 апреля 1817 года попечитель над бедными в Алмондсбери, небольшой английской деревушке, состоящей всего из нескольких домишек и расположенной недалеко от Бристоля, стал свидетелем наиболее странного, пожалуй, случая за всю его жизнь, проведенную в провинции. Жена местного сапожника, занимающегося починкой старой обуви, пришла к нему за советом. Как ни странно это может прозвучать, но «молодая женщина» без приглашения вошла в ее дом и, растянувшись на диване, «дала тем самым понять, что собирается переночевать под этой крышей». Возможно, она просто бродяжка, но выяснить это не представлялось возможным, поскольку незваная гостья не разговаривает ни по-английски, ни на другом из известных языков. Поставленные в безвыходное положение, попечитель над бедными и жена сапожника решили обратиться за помощью к тем, кто занимал в приходе более высокое общественное положение. Живущий по соседству эсквайр Сэмюель Уорал и его жена-американка Елизавета проделали путь в милю, желая на месте разобраться в том, что происходит.

Таинственная женщина

Как писал очевидец событий, на девушке было надето черное платье, повязанное черно-красной шалью «свободно и со вкусом, так, что создавалось впечатление, будто их хозяйка хочет воссоздать азиатский костюм». Девушка была небольшого роста, всего пять футов и два дюйма, но симпатичная и производила благоприятное впечатление. У нее были темные глаза и волосы. На вид ей можно было дать лет двадцать пять. Вещей с собой

у таинственной незнакомки почти не было, так что понять, откуда она, было непросто. Общалась она главным образом с помощью жестов. Ее поведение было странным. Войдя в общий зал на постоялом дворе, незнакомка с интересом уставилась на изображение яблока, высеченное на стене, и сообщила сопровождающим ее людям, что «это плод ее страны». Она молилась перед тем, как приступить к чаепитию, и, кажется, не имела представления, для чего нужна кровать.

Супружеская чета Уоралов решила оставить незнакомку на ночь на постоялом дворе, а затем отвезти в бристольскую больницу Святого Петра для бедных и бродяг. Местные жители, прослышав о странной молодой женщине, начали приводить на постоялый двор иностранцев, с тем чтобы те постарались понять, на каком языке она разговаривает. Ничего из этого не вышло, никто ее не понимал. А тем временем настроение незнакомки ухудшилось. Она отказывалась есть, пить и даже спать. Миссис Уорал сжалилась над девушкой и поселила ее у себя в доме. С помощью жестов ей удалось узнать имя несчастной – Карабу.

Несмотря на определенные успехи, Уоралы пока не могли понять, откуда прибыла девушка и что с ней случилось. Так прошли две недели. Вмешался счастливый случай. Португалец, который был проездом в этих местах, услышал о загадочной девушке и решил ее повидать. До этого ему случалось бывать в Малайзии. С трудом этому человеку удалось понять то, что девушка хотела рассказать о себе.

История жизни Карабу представляла собой преисполненный драматизма монолог, прерываемый яростной жестикуляцией и плачем. Ее отец был китайцем, занимавшим заметное положение в обществе. Мать-малайку убили каннибалы. Выходило, что Джавасу, родной остров Карабу, расположен где-то в Ост-Индии. Когда она гуляла в садах родного острова, пираты под предводительством ужасного капитана Ши Мина напали на Карабу и похитили ее. Они заткнули девушке рот кляпом, связали по рукам и ногам и потащили на борт своей грязной посудины. Отец пустился вплавь в погоню. Сама Карабу сражалась как тигрица, убив одного и ранив другого пирата, но все напрасно. Проведя одиннадцать дней на борту пиратского корабля, она была продана капитану брига, державшего курс на Европу. Спустя несколько месяцев бриг вошел в Бристольский залив. Карабу решила спастись бегством. Оказавшись на суше, она обменялась одеждой с англичанкой и шесть недель бродила по стране, прежде чем ее приютили добрые Уоралы.

В течение двух месяцев, последовавших за этим рассказом,

с принцессой Карабу, родившейся на острове Джавасу, обращались как с августейшей особой, которая путешествует. Ее поселили в комфортабельном загородном доме Уоралов возле Алмондсбери. Хозяева старались побольше узнать о Карабу, и принцесса шла им навстречу, насколько позволял ее скудный словарный запас. Девушка вспомнила, что ее мама, прежде чем безвременно уйти в небытие от рук… и зубов каннибалов, носила на лице золотую цепочку, которая тянулась от проткнутого носа к правому виску. У отца было еще три жены. Он путешествовал, сидя в портшезе. Шляпу отца украшали павлиньи перья, а на шее висела золотая цепь, обозначающая его высокий социальный статус. Обычаи ее родины включали в себя приветственное падение ниц. Слуги ее отца играли на музыкальном инструменте, похожем на кларнет с приделанной к нему арфой. Черные каннибалы, которых звали «бугу», отреза́ли руки и головы белым людям, а потом жарили их на огне и ели.

С каждым днем симпатичная принцесса вела себя все более демонстративно. Она ходила с луком и колчаном со стрелами за спиной. Карабу умела стрелять на бегу из лука, причем очень метко. На боку девушка носила палку, так, словно это был меч. Она молилась «Аллах-Таллаху». Раз в неделю принцесса Карабу воздавала хвалу восходящему солнцу, стоя на крыше дома. Оказавшись возле озера, она выказывала его водам свое почтение. Принцесса пила только воду и ела приготовленную своими руками пищу (она была «неравнодушна к карри»). В присутствии мужчин девушка вела себя натянуто, не позволяла им прикасаться даже к ее руке. Если мужчина дотрагивался до ее одежд, принцесса переодевалась.

Карабу научила Уоралов словам своего родного языка. Она даже выводила на бумаге письмена, похожие на китайские иероглифы. Девушка показала своим хозяевам, как одеваются у нее на Джавасу: юбка до щиколоток, подпоясанная в области грудной клетки, и длинные широкие рукава. На ноги она надевала открытые сандалии. Голову принцессы украшал тюрбан с воткнутыми пучком павлиньими перьями.

Все это, конечно, была несусветная выдумка.

Лгунья

Карабу не приплыла в Англию из далекой Ост-Индии. Такого места, как Джавасу, на свете просто не существует. На самом деле она была родом из соседнего графства. Как нам кажется, чем дольше ее спасители и их друзья пытались узнать о Карабу,

тем больше информации они ей предоставляли. Считая, что девушка не умеет ни разговаривать, ни читать по-английски, они показывали Карабу книги с иллюстрациями, изображающими ее предполагаемую родину, и не таясь рассказывали друг другу об экзотических «восточных» традициях, известных им. Девушка украшала услышанным свои повествования. Ей не было дела до того, какое происхождение имеет та или иная традиция. Карабу в равной мере восхищалась китайской головоломкой и резьбой эскимосов по мыльному камню.

После первого толчка, полученного от португальского путешественника, мотивы которого до сих пор остаются невыясненными, Карабу вошла во вкус. Слушать ее было, должно быть, интересно. Девушка ни разу не прокололась. Современник вспоминает: «Она ни разу не сбилась и не запуталась, не допустила ошибки ни в разговоре, ни в своем поведении. Она всегда соблюдала ритуал омовения собственной чайной чашки и т. д.» Даже попытки вывести Карабу на чистую воду, удивив ее, не сработали. Однажды две подозревающие неладное служанки ворвались в ее комнату, вопя о пожаре, но принцесса лишь одарила их недоумевающим взглядом.

К началу июня, впрочем, когда весть о принцессе достигла даже Шотландии, продолжать игру стало очень опасно. Карабу сбежала от Уоралов в расположенный неподалеку модный город-курорт Бат. Но если девушка намеревалась лечь на дно и подождать, пока страсти вокруг нее поутихнут, она просчиталась. Когда миссис Уорал отыскала свою сбежавшую подопечную, то обнаружила Карабу «на вершине славы и в центре внимания». Девушка уютно устроилась в гостиной одной знатной особы в окружении «модных визитеров», пришедших с ней познакомиться.

Карабу удалось убедить миссис Уорал в том, что ее побег связан с желанием вернуться на Джавасу. Однако через несколько дней, благодаря общественному резонансу, вызванному ее появлением в Бате, правда начала всплывать на поверхность. Женщина, у которой Карабу прежде снимала помещение, сообщила миссис Уорал, что несчастная принцесса как две капли воды похожа на ее квартирантку-англичанку. Затем появился молодой человек, который помнил Карабу по прежней жизни и добавил что-то насчет того, что «ей следовало бы быть более покладистой в его обществе».

Карабу была изобличена, и ей ничего не оставалось, кроме как рассказать миссис Уорал правду или нечто очень близкое к правде.

Карабу с острова Джавасу на самом деле звали Мэри Бейкер,

она же Уилкокс. Она была родом из Визериджа, расположенного в графстве Девоншир. В шестнадцатилетнем возрасте Мэри устроилась служанкой в дом к фермеру, но ушла оттуда, когда хозяин отказался повысить ей жалованье. Сменив несколько мест, на которых приходилось выполнять грязную и тяжелую работу, она впала в нужду и вынуждена была ходить от дома к дому, прося милостыню. Мэри не хотела возвращаться в маленькую деревушку в Девоншире, где почти все приходились ей родней. Девушка направилась в Лондон, где заболела и несколько месяцев провалялась в больнице. Оттуда ее взяла в прислуги одна семья.

После досадного недоразумения Мэри вынуждена была оставить это место. Отчаявшись, девушка нашла пристанище, как ей казалось, в женской религиозной общине, расположенной в районе Блэкфрайэрс. Вскоре, однако, выяснилось, что в лечебнице Святой Марии Магдалины живут исключительно «раскаявшиеся проститутки». Когда стало известно, что Мэри никогда не занималась этим ремеслом, ее оттуда выгнали. Теперь девушка решила вернуться в Девоншир. Направляясь домой, Мэри обре́зала себе волосы и облачилась в мужскую одежду, чтобы проще было найти себе работу. Она связалась с разбойниками, промышлявшими на большой дороге. В ее обязанности входило исполнять при них роль слуги и быть на подхвате. Уловка Мэри раскрылась, когда она не сумела выстрелить из пистолета. Разбойники отпустили ее, под страхом смерти запретив рассказывать что-либо о них посторонним.

Наконец Мэри вернулась к родителям. Те потребовали от дочери, чтобы она нашла себе работу. Как и прежде, долго это не продлилось. От кожевенника Мэри ушла потому, что тот заставлял ее таскать тяжелые шкуры, привозимые на телегах в мастерскую. В другом месте ее заставили пройтись по глубокому снегу, после чего она заболела и чуть было не умерла. Стать кухаркой у Мэри не получилось из-за того, что «огонь с ней не дружил».

Вернувшись в Лондон в 1814 году, Мэри предположительно вышла замуж за француза, который сбежал от нее вскоре после того, как узнал, что она беременна. В 1816 году она родила сына. Не имея средств, чтобы самой прокормить ребенка, не зная, вернется ли к ней муж, Мэри отдала мальчика на усыновление. Вскоре после этого ребенок умер в сиротском приюте. Узнав об этом, Мэри бросила место служанки в Лондоне и пустилась бродяжничать по стране. Некоторое время она пропутешествовала вместе с цыганским табором. Покинув цыган, которые упрашивали Мэри остаться с ними, молодая женщина принялась

скитаться из села в село, желая скопить достаточно денег, чтобы хватило на переезд в Америку. Побираться, приняв вид иностранки, показалось Мэри куда интереснее и выгоднее. Вот так она появилась в Алмондсбери, а затем очутилась под крылом добросердечных Уоралов.

Рассказанная ею история, насколько можно ее проверить, довольно близка к правде. Кое-что из того, что поведала Мэри, подтвердил ее отец, ошеломленный услышанным сапожник из Девоншира. Он выразил мнение, что, хотя его дочь смышленая, «у нее не все в порядке с головой», после того как в пятнадцатилетнем возрасте Мэри переболела острой ревматической лихорадкой.

Причины, побудившие ее лгать

Мэри не была мошенницей. Все рассказчики о ее мистификации сходятся на том, что она ничего не украла, никогда не брала вещей, ей не принадлежащих. Так почему она так себя повела? Возможно, первоначально Мэри хотела оградить себя от риска очутиться в тюрьме. Английские законы тех лет сурово относились к попрошайкам и бродягам. Если бы стало известно, что она не иностранная принцесса, а обычная, сбившаяся с верного пути англичанка, Мэри рисковала провести в тюрьме не один год.

Современники имели, впрочем, на ее счет другие предположения. Один краниолог (так называли ученых, которые по форме черепа человека пытались определить его характер) назвал Мэри «холодной» особой, обладающей «безграничными амбициями». Как ни странно, этот ученый муж обнаружил в форме ее черепа мало «скрытности», но исключительно много «осмотрительности» и «тщеславия». На основе своих наблюдений он пришел к выводу, что целью игры, которую вела Мэри, было доказать всем, что «я… я… я… я могу водить вас за нос и выставлять полными дураками». Журналистское расследование прошлого и личности «принцессы», которое вел неутомимый Джон Мэтью Гутч из бристольской газеты, выявило, что эта женщина обладала живым воображением и любила находиться в центре всеобщего внимания. Опросив всех, кто ее знал, Гутч пришел к выводу, что окружающим Мэри казалась эксцентричной выдумщицей, рассказывающей небылицы, «которые никому не причиняли ни малейшего вреда, но проистекали, кажется, от одной лишь любви к неординарному». На Гутча Мэри произвела благоприятное впечатление: «Подобного рода

талантам должно было найтись лучшее применение; то, что этого не произошло, достойно великого сожаления».

Впрочем, надо признать, что фантазии Мэри не всегда были здоровыми. Даже рассказанная ею «правдивая» история ее жизни не полностью избавлена от лжи. В некоторых случаях ложь смехотворна. Несмотря на то что Мэри говорила миссис Уорал, она не могла не знать о том, что лечебница Святой Марии Магдалины – приют для бывших проституток. При поступлении в это заведение Мэри заявила, что на распутный образ жизни ее толкнул джентльмен, который соблазнил, а потом бросил ее. Из госпиталя Мэри ушла по собственной воле. Проституцией она не занималась, это достоверно известно. Зачем в таком случае ей взбрело в голову обращаться за помощью в лечебницу Святой Марии Магдалины, остается невыясненным. Была она замужем или нет, выяснить также не удалось. Известно только, что у нее родился мальчик, который умер в сиротском приюте – эти ее слова подтверждаются документами. После смерти младенца ее рассказы и выдумки становятся все более затейливыми.

Подобного рода поведение полностью соответствует тому, что мы знаем о нервных срывах, вызванных сильным потрясением. Особенно это опасно, если человек предрасположен к сумасшествию, что в случае с Мэри, кажется, соответствует действительности. Люди, пережившие острую ревматическую лихорадку, склонны к различным психоневрологическим расстройствам, в том числе к маниакально-депрессивному психозу. Поэтому заявление отца Мэри о том, что, пережив лихорадку, она начала вести себя немного странно, не так уж далеко от истины.

То, что люди ей верили, вполне объяснимо. Мэри была хорошей актрисой, а окружающие просто-напросто хотели ей верить. В те времена романтическое восприятие «восточного» было в моде. В популярную культуру оно проникало через живопись, поэзию, книги с иллюстрациями и даже внутренний декор помещений. Иметь у себя в маленькой тихой деревушке настоящую принцессу с Джавасу было ужасно экзотично. Кто бы не захотел поверить, что все это правда?

После того как обман Мэри открылся и рассказы о нем появились в местных газетах, интерес к принцессе-самозванке с Джавасу даже возрос. В город съезжались люди с разным общественным положением только для того, чтобы увидеть Мэри. Были среди них графы, врачи и даже несколько священников, желающих направить заблудшую душу на путь истинный.

Но в 1817 году, через несколько месяцев после своего разоблачения, молодая женщина села на борт корабля,

следующего в Америку. Проезд ей оплатила достойная восхищения миссис Уорал, чья доброта не знала пределов. Рассказы о мистификации, героиней которых была эта женщина, опередили Мэри. На пристани порта в Филадельфии толпились любопытные зеваки. Уже появились планы поставить на подмостках пьесу, в которой Мэри будет играть саму себя. Каррабу, как начали произносить придуманное ею имя в Америке, моментально стала знаменитостью, а модницы принялись щеголять в тюрбанах. Впрочем, Мэри вскоре стала подвергаться насмешкам. Без сомнения, элемент издевки над легковерием британцев присутствовал в репортажах местных газет об американских похождениях мисс Карабу, включая плавание *вверх по водопаду*. К этому примешивалось негодование по поводу того, что эта девушка, «пользующаяся дурной славой» у себя на родине, как писалось в одном издании, осмелилась появиться в Америке.

В 1824 году Мэри вновь появляется в Лондоне в общем зале гостиницы на Нью-Бонд-стрит под именем принцессы Карабу. Желающих с ней познакомиться было не много, поэтому денег на оплату номера не хватало. Ее слава, судя по всему, была не слишком долговечна. Но судьба оказалась благосклонной к этой самозванке королевских кровей. Мэри вернулась в Бристоль и организовала доходный бизнес по продаже пиявок местным больницам и аптекам. Она вышла замуж за Ричарда Бейкера. У них родилась дочь, которую тоже назвали Мэри. После смерти матери торговля пиявками перешла к ней. Девушка унаследовала неординарную личность матери и со временем стала считаться городской сумасшедшей, помешанной на кошках.

Мэри Бейкер, она же принцесса Карабу, умерла в Бристоле в канун рождества 1864 года в возрасте семидесяти пяти лет, а вот история ее похождений продолжала жить и приводить людей в восхищение. Время от времени к ней обращалась популярная культура. Так, в девяностые годы прошлого века появились художественный фильм с Фиби Кейтс в главной роли, постановка в бристольском театре и телевизионная программа на Би-Би-Си. Мэри могла бы собой гордиться. В конце концов, она любила хорошие истории.

Шесть способов стать мнимой принцессой

Принцесса Карабу была не единственной женщиной, выдававшей себя за августейшую особу. История знает множество самозванок, которые из-за своего безумия, любви или жадности

претендовали на то, чтобы быть теми, кем не являлись.

Большинство выбирали тактику героини «Принцессы на горошине». Они разговаривали как принцессы, вели себя как принцессы, устраивали истерики из-за овощей под матрасами и надеялись, что окружающие признают в них особ голубой крови. Другие самозванки полагались на невежество аудитории и желание поверить их россказням. Встречались, правда, и выдающиеся актрисы, подобные принцессе Карабу, которые пользовались своим живым воображением и непомерной дерзостью. Иногда в вымысел верили только потому, что и сама самозванка свято уверовала в свои сумасшедшие бредни.

Итак, если вы решили строить из себя липовую принцессу, вот шесть достойных вашего внимания способов стать самозванкой.

1. Самой сделать себе имя. Княжна Тараканова

В 1774 году эта молодая женщина объявилась в Париже, заявляя, что является законнорожденной дочерью императрицы Елизаветы, тети русского царя Петра Третьего, и ее тайного мужа графа Алексея Разумовского. Если бы это было правдой, то у этой женщины прав на императорскую корону было бы больше, чем у императрицы Екатерины Второй, взошедшей на престол не по праву крови, а через брак.

Эксцентричная женщина называла себя княжной Таракановой. Так, по ее утверждению, нарекла ее высокородная мать, прежде чем отослать подальше от двора в Персию[34]. Красивая и получившая, судя по всему, хорошее образование, самозванка вызвала определенный интерес в среде европейской аристократии. Несколько мужчин стали частью ее «свиты». (*Примечание.* Когда притворяетесь принцессой, полезно иметь под рукой немного настоящей голубой крови. Так ваши претензии будут иметь больший вес.)

Момент для самозванства был выбран не самый удачный. Недавно по приказу Екатерины Второй в ходе кровавого дворцового переворота был умерщвлен ее склонный к пьянству супруг. Мириться с какими-либо претендентами на престол императрица явно не собиралась. Самозваная княжна, живя в кредит в неимоверной роскоши в Италии, великодушно предложила Екатерине Второй поделить между собой Российскую империю, особо подчеркивая то, что не хочет звать турок себе на помощь. Но русская императрица была не из тех, кто будет колебаться, когда нужно раздавить кого-то из маленьких

тараканов-людишек. Решимость Екатерины Второй еще более упрочилась, когда она узнала, что княжна Тараканова поддерживает отношения с польскими мятежниками, сеющими семена революции на территории империи.

Екатерину Вторую беспокоило то, что скандальная слава и определенная поддержка, которую оказывали княжне Таракановой, может спровоцировать начало полномасштабного восстания. Поэтому императрица послала своего бывшего любовника, графа Алексея Орлова, в Италию с особой миссией. В его обязанности входило втереться самозванке в доверие, притвориться, что он верит ей, обольстить и похитить ее.

План сработал. Граф Орлов, пообещав жениться на Таракановой, заманил ее на свой корабль. Там ее посадили под арест и увезли в Россию. Княжна Тараканова умерла в тюрьме в 1776 году, чуть меньше чем через год после своего пленения. Она так и не дождалась суда. Сразу же после ее смерти поползли слухи, что самозванка захлебнулась в своей тюремной камере во время наводнения на Неве, но на самом деле женщину погубила болезнь, не излечимая в условиях тюрьмы.

2. Принарядиться. Принцесса Сюзанна-Каролина-Матильда

В начале семидесятых годов XVIII столетия сестра королевы Шарлотты, супруги короля Великобритании Георга Третьего и тезки многих городов, местностей, дорог и пабов в британских колониях, посетила Новый Свет. Колониальные сплетники, падкие на новости из метрополии, находились в радостном волнении. Вы не слышали о принцессе Сюзанне-Каролине-Матильде? Ей запретили появляться при дворе после одного скандала… Но ведь королева Шарлотта родом из Германии. Почему принцесса Сюзанна не говорит по-немецки?.. Потому что она отказывается разговаривать на своем родном языке до тех пор, пока не помирится с самой любимой из своих сестер. Скандал в королевском семействе! Все места себе не находили от возбуждения.

Полтора года принцесса Сюзанна была украшением светских салонов Виргинии и обеих Каролин. Она ездила по гостям и пользовалась доступным ей комфортом. Как же все были шокированы, когда «принцесса» оказалась не впавшей в немилость особой благородных кровей, а беглой преступницей.

Настоящее имя принцессы Сюзанны было Сара Уилсон. Родом она была из графства Стаффордшир. В Лондоне Сара нанялась в прислуги к Каролине Вернон, одной из фрейлин королевы

Шарлотты. Вскоре после этого обнаружилось, что за короткое время Саре Уилсон удалось украсть у своей хозяйки богатое платье, миниатюрный портрет королевы, кое-какие драгоценности и другие вещи. Женщину судили и приговорили к смертной казни. Благодаря ходатайству Каролины Вернон казнь заменили высылкой в колонии.

В 1771 году Сару Уилсон привезли на корабле в Балтимор и продали в качестве законтрактованной работницы Уильяму Деваллу, плантатору из Мэриленда. Каким-то образом ей удалось сбежать и добраться до Виргинии. С собой Сара прихватила шитое золотом платье, драгоценности и миниатюрный портрет королевы, которые она, верьте или нет, умудрилась утаить от полиции и перевезти через Атлантический океан. Эти вещи как нельзя лучше пригодились Саре Уилсон в задуманной ею авантюре.

Принарядившись должным образом, в глазах местных обывателей Уилсон превратилась в принцессу Сюзанну. Они распахнули перед ней двери своих гостиных и позволили создать собственный двор за их счет. Кажется, Сара была выдающейся актрисой, мелочно-дотошной в деталях. Она даже вышила маленькие короны и монограмму на своем постельном белье. Женщина надела на себя маску аристократки в изгнании, тонко намекая, впрочем, на то, что она все еще имеет определенное влияние на королевские дома Европы и доброта, проявленная к ней сейчас, будет впоследствии щедро вознаграждена. Сколь долго намеревалась самозванка играть свою роль, не ясно, но пока что ей удавалось вести успешную торговлю обещаниями.

Новости в колониях имели свойство путешествовать без всякой суеты. Прошло много месяцев, прежде чем Девалл услышал о проделках «принцессы в изгнании». Плантатор послал одного из своих людей в Южную Каролину, куда перебралась к тому времени Сара, с целью взять авантюристку под стражу. Человек, посланный Деваллом, обнаружил Сару Уилсон в доме местного богача в окружении свиты. Открыв присутствующим настоящее имя авантюристки, человек плантатора под дулом пистолета заставил «принцессу» следовать за ним.

Вернувшись к Деваллу, Сара Уилсон еще два года провела в скромной роли служанки, пока ей не представился шанс сбежать. Когда в колонию приплыла другая женщина, которую также звали Сара Уилсон, авантюристка ухитрилась завладеть ее документами. Бывшая «принцесса» впоследствии вышла замуж за британского офицера, и супружеская пара организовала собственный бизнес, используя в качестве стартового капитала

деньги, собранные во время пребывания Сары Уилсон в роли изгнанной аристократки. Они жили долго и счастливо в постреволюционной Америке и растили своих детей.

3. Опубликовать собственную «биографию». Принцесса Оливия Кумберлендская

Оливия Серрес, урожденная Уилмот, была женщиной, которая время от времени оказывалась в долгах. Попав в такое незавидное положение, она начинала утверждать, будто является не просто Оливией Серрес, не пользующейся особым признанием художницей-пейзажисткой и романисткой, а принцессой Оливией Кумберлендской, иногда рожденной в браке, иногда незаконной дочерью брата короля.

Впервые Оливия сделала это заявление в 1817 году, направив прошение на имя короля Георга Третьего, который к этому времени был безнадежно психически болен. Она утверждала, что является незаконнорожденным ребенком покойного Генриха Фредерика, герцога Кумберлендского. Этого, впрочем, было недостаточно для того, чтобы отвести от Серрес угрозу долговой тюрьмы. В 1820 году она возобновила свои притязания, утверждая на этот раз, что является законнорожденным ребенком, появившимся на свет 3 апреля 1772 года. Ее мать Оливия Уилмот втайне обвенчалась с герцогом Кумберлендским.

Оливия не ограничилась тем, что тревожила своими просьбами королевский двор. Она выносила свое дело на суд общественности, причем неоднократно. Будучи плодовитой писательницей, она публиковала памфлет за памфлетом, в которых пыталась связать вместе противоречивые притязания. Однажды на улицах Лондона появились листки с броским заголовком: «Принцесса Кумберлендская содержится в неволе!» В 1822 году Оливия выпустила в свет перл под названием «Обращение принцессы Кумберлендской к британскому народу», отличающийся растянутостью и непоследовательностью изложения. Среди всего прочего в нем рассказывалось о том, как юную принцессу, начавшую тонуть, спасла собака, и о том, как она у себя дома подверглась нападению разбойников.

А еще Оливия утверждала, что ее дядя доктор Уилмот был на самом деле ее дедушкой, тайно обвенчанным с польской принцессой. Плодом этого союза была мать Оливии, которая вызвала настолько сильную страсть в сердце герцога Кумберлендского, что он обвенчался с ней в 1767 году. Но их семейное счастье было недолговечным. Герцог бросил свою жену,

которая вскоре после этого умерла. Свою дочь отец отдал на воспитание в дом маляра из Уорика, который имел склонность растрачивать чужие деньги.

К счастью для Оливии, все, кто мог бы опровергнуть ее заявления, были мертвы: герцог умер в 1790 году, король Георг отошел в мир иной в 1820-м, а Олив Уилмот, ее мать, «скончалась от мук разбитого сердца» примерно в то время, как ее дочь впервые начала рассказывать небылицы о себе. Аргументом в пользу самозванки было ее внешнее сходство с покойным герцогом. Не обошлось и без театральных эффектов. Оливия приказала нарисовать королевский герб на дверцах своей кареты и одела лакеев в ливреи королевских цветов. Остальные «доказательства» состояли из переписки между нею, членами королевской семьи и несколькими министрами, а также письменных показаний под присягой, подтверждающих ее притязания. Все это было подделкой.

Оливия продолжала настаивать на своем, часто в письменном виде, до самой своей смерти, случившейся в 1835 году. Один из последних памфлетов под названием «Беды, выпавшие на долю ее королевского высочества принцессы Оливии Кумберлендской» вышел в свет в 1833 году. Там, в частности, утверждалось, что «все законы, как людские, так и Божьи, были нарушены в отношении этой леди». В конце памфлета стояло: «Продолжение следует». Так и случилось. После смерти Оливии ее дочь старалась добиться того, чтобы быть признанной принцессой Лавинией Кумберлендской, но ничего у нее не вышло.

4. Утверждать, что являешься одной из многих. Принцесса Сумара

В июле 1940 года элегантная двадцатидвухлетняя манекенщица своим приездом в Шанхай оживила и без того развеселое сообщество иностранцев, живших в этом городе. Звали девушку принцесса Сумара. Она утверждала, что является дочерью махараджи Бхупиндера Сингха из Патиала[35].

Поселилась Сумара в фешенебельном отеле «Парк». Шанхай тех времен представлял собой фильм-нуар[36], перенесенный с кинопленки в жизнь. В этом печально известном своим насилием городе собралось немало беженцев из Европы, гангстеров и мошенников. Сумара удачно вписалась в их общество. По слухам, семья отказалась от нее, шокированная ее «аморальным поведением» и тем, что принцесса была «последовательницей лесбийского культа». Даже посыльные

в гостинице не могли чувствовать себя в безопасности, находясь в обществе этой нимфоманки.

Впрочем, принцесса не ограничивалась лишь тем, что скандализировала общественность Шанхая своими повышенными сексуальными аппетитами. Она была также политической интриганкой самого высокого пошиба. Вокруг нее вертелись известные криминальные авторитеты и политические сторонники Японии. Среди посетителей ее роскошного гостиничного номера были известные агенты разведок стран «оси», поэтому британская контрразведка и полиция провели небольшое расследование. Оказалось, что настоящее имя «принцессы» Райкумари Сумара Апйит Сингх, до недавнего времени она была женой чиновника «Индийских государственных дорог». Выдавать себя за дочь махараджи Патиала было нетрудно, учитывая то, что у того было двадцать три дочери и отец не смог бы за всеми уследить. Сумара имела какое-то отношение к семье махараджи, но вот только какое, осталось до конца невыясненным. Так, британская полиция в Шанхае утверждала, что девушка была племянницей и в то же самое время любовницей махараджи.

В декабре 1941 года «принцесса» очутилась в затруднительном финансовом положении. Ей пришлось выехать из дорогого номера-люкс в отеле «Парк», но, когда японские войска вошли в город, ее материальное положение снова поправилось. Она вернулась в отель «Парк», где устраивала коктейль-приемы для японских, немецких и итальянских союзников. Среди приглашенных были лица, сотрудничающие с разведками стран «оси». В 1943 году Сумара вышла замуж за американца японского происхождения, связанного с преступным миром Шанхая.

Когда в 1945 году Шанхай был освобожден, Сумара оказалась на проигравшей стороне. Она писала отчаянные письма к махарадже, утверждая, что во время японской оккупации была ограблена и теперь ей срочно нужны деньги, чтобы оплатить «долги чести». Последние данные о принцессе, как она продолжала себя называть, относятся к 1946 году. Сумара пыталась выйти замуж за офицера американской армии в отставке и получить тем самым право на переезд в США.

В 1951 году некая принцесса Сумара, заявляющая, что она приходится дочерью махарадже Патиала, всплыла в Париже. Теперь она была модным кутюрье, шьющим платья с индийскими мотивами для неприлично богатых людей. Тридцать лет спустя она появилась в Соединенных Штатах, выйдя замуж за торговца мехами Джона Боугхтона. Женщина собиралась открыть свой

магазин на Пятой авеню. В 1979 году в газете «Палм Бич дейли ньюс» появилось интервью с «принцессой». В нем женщина распространялась о своей новой коллекции одежды и сказочном детстве, проведенном во дворце махараджи. В мае 1980 года журнал «Пипл» поместил о Сумаре статью. Теперь модный дизайнер разрывалась между Палм-Бич и Манхэттеном, а ее одежда «входила в категорию, о которой, если вы спросите, говорят: слишком дорого, чтобы вы могли себе это позволить». Упоминания о принцессе Сумаре совершенно исчезли из печати около 1983 года. Последнее, что о ней известно: Сумара Боугхтон умерла в Милуóки 15 мая 2003 года в возрасте семидесяти четырех лет. Днем ее рождения указано 17 июня 1928 года.

Была ли это одна и та же женщина? Вполне возможно. Фотографии демонстрируют явное внешнее сходство между нимфоманкой-сторонницей государств «оси» из Шанхая и модельершей с Палм-Бич. К тому же обе принцессы, не встречая препятствий, использовали родство с махараджей для своих целей – будь то признание со стороны общества или приглашение на праздничный ужин. Если мы имеем дело с одним и тем же человеком, то принцессе Сумаре все в конечном счете сошло с рук.

5. Разыграть психическое расстройство. Принцесса Антуанетта Миллард

В начале XXI века одна женщина, чью голову время от времени украшала бриллиантовая диадема, часто мелькала на страницах, посвященных жизни нью-йоркского высшего общества. Симпатичная блондинка, несмотря на невысокий рост, обладала изящной фигуркой и утонченным вкусом. Она, кажется, была знакома со всеми нужными людьми, носила экстравагантные украшения от лучших манхэттенских ювелиров и входила в советы почти всех крупных благотворительных организаций. Ее приглашали на значительные приемы, вечеринки и показы мод. Она называла себя Антуанеттой Миллард, принцессой из Саудовской Аравии. По крови она якобы была членом королевского дома страны, но при всем этом перешла в иудейство.

Такой женщины на свете просто не существовало. Ее придумала Антуанетта Лиза Миллард, известная также под именем Лизы Уокер, сорока с небольшим лет, разведенная женщина из Буффало, страдающая трудно поддающимся диагностике психическим расстройством. Принцесса была далеко

не единственной из придуманных ею личин. Существовали также менеджер инвестиционного банка; юрист с дипломом, выданным Бостонским университетом; модель, сотрудничавшая с каталогом «Бергдорф Гудманн»; недавно получившая развод леди, ждущая, когда муж выплатит ей семь миллионов долларов; иудейка-неофитка; одна из тройни (последнее, кстати, оказалось правдой); больная, страдающая опухолью в области сердца, которую скоро прооперируют, и т. д.

Более двух лет Миллард лгала и мошенничала, пока нагроможденная ею ложь не рассыпалась в одночасье. В период между ноябрем 2003 и январем 2004 года она истратила более одного миллиона долларов, используя для платежей свою карточку «Американ экспресс». Более четырехсот девяноста двух тысяч долларов Миллард потратила на украшения, приобретенные у разных манхэттенских ювелиров. Купленное она застраховала, но в страховом агентстве сказала, что драгоценности принадлежат ее маме и тете, членам королевской семьи из Саудовской Аравии. У нее вроде бы есть документы, подтверждающие ее слова. А потом случилось чудо, вернее, coup de grace[37]: через день после оформления страховки Миллард заявила, что на нее напали и ограбили. Женщина потребовала двести шестьдесят две тысячи долларов компенсации.

Вскоре следователи обнаружили, что двенадцать из двадцати трех украшений, которые вроде бы украли, были сданы в комиссионный магазин за месяц до того, как Миллард их застраховала, а документ, подтверждающий право собственности, подделан. Шестого мая 2004 года «принцессу» арестовали. Она жила в обыкновенной квартирке с одной спальней на пересечении Восемьдесят девятой улицы и Третьей авеню. Не в состоянии заплатить сто тысяч залога, Миллард отправилась на остров-тюрьму Рикерс. Газеты удовлетворенно сообщили о том, что она была самозванкой, а не принцессой.

В 2005 году Миллард признала себя виновной в хищении имущества в крупных размерах и мошенничестве со страховкой. Ей угрожало до пятнадцати лет тюремного заключения, но окружной прокурор рекомендовал поместить женщину в психиатрическую клинику. Психиатр обнаружил у нее депрессию, биполярное расстройство психики и патологическое отвращение к пище. Адвокаты заявили, что ее состояние – следствие того, что Миллард стала свидетельницей нападения террористов на Всемирный торговый центр в 2001 году. Они также заверили судью в том, что их подзащитную на год поместят в психиатрическое отделение нью-йоркской

пресвитерианской больницы и не будут оттуда выпускать. Миллард обязали уплатить пятьсот сорок долларов в счет судебных издержек, но денег у обвиняемой не оказалось.

Год спустя Миллард арестовали в Джэксонвилле, штат Флорида, по обвинению в уклонении от правосудия. Что случилось после, неясно, но в 2010 году ее имя вновь замелькало в заголовках. На этот раз бессовестная псевдопринцесса подала иск на одну из компаний, чьи драгоценности она пыталась выдать за похищенные во время махинации со страховкой. Женщина жаловалась на то, что с нее много содрали. К радости нью-йоркских бульварных газет, судья в буквальном смысле слова порвал заявление, заставив Миллард отказаться от иска на один миллион сто тысяч долларов.

6. Обмотаться бинтами. «Персидская принцесса»

Когда в октябре 2000 года органы правопорядка накрыли сеть нелегальных торговцев предметами антиквариата в Пакистане, в их руки попало то, что они сначала сочли единственной персидской мумией, найденной до сих пор. Ее назвали Персидской принцессой. Предположительный возраст мумии составлял две тысячи лет. Эта находка могла бы изменить историю, если бы не оказалась подделкой. Власти со временем пришли к выводу, что древняя принцесса на самом деле является жертвой недавнего убийства.

История начинается с того, что полицейские Карачи, действуя по наводке, засняли на видеокамеру, как некий мужчина по имени Али Акбар пытается продать мумию. Это было нарушением пакистанского законодательства по охране культурного достояния, но Акбар оказался всего лишь посредником. Он привел следователей в дом могущественного племенного вождя, живущего на ирако-афганской границе. Мумию нашли в запертой комнате под застланным ковром полом.

Мумия лежала в деревянном саркофаге, покрытом каменной плитой. Она покоилась на камышовом мате, обмазанная медом и смолой. Ее голову украшала золотая корона, а лицо прикрывала выкованная из золота маска. На груди мумии лежала испещренная письменами золотая пластина. Там говорилось: «Я дочь великого царя Ксеркса[38]. Я Рходугуне». Владелец заявил, что приобрел мумию у иранца, который утверждал, будто после землетрясения обнаружил ее выглядывающей из-под земли.

Если бы мумия оказалась подлинной, то она засвидетельствовала бы передачу египтянами технологии

мумификации народам, с которыми они вели торговлю. Находка возбудила аппетиты всего археологического сообщества и чуть не стала причиной международного конфликта. Мумию нашли пакистанцы, но клинопись, высеченная на золотой пластине, свидетельствовала о ее персидском происхождении. Иран заявил, что мумия по праву является частью их культурного наследия. Даже талибы вмешались в спор и стали утверждать, что мумия была незаконно вывезена с афганской территории. Они поймали и казнили контрабандистов.

Тем временем мумия попала в хранилище Национального музея Пакистана. Чем больше экспертов осматривали ее, тем больше подозрительного они замечали. Надпись клинописью на золотой пластине была сделана с грамматическими ошибками. Само золото было низкого качества, что было недостойно принцессы. Царские символы, вырезанные на деревянном саркофаге, первоначально нарисовали карандашом. Согласно датировке радиоуглеродным методом, камышовый мат оказался не старше полувека. Все, что окружало мумию, было поддельным, но это еще не означало, что и сама она является фальшивкой. Торговцы и прежде рядили мумии в царские одежды, стараясь поднять на них цену.

А вот тут дела приняли пугающий оборот. Кто бы ни извлекал внутренние органы из тела женщины, делал он это через разрез в брюшной полости, пугающе напоминающий колотую рану. Сердца на месте не оказалось, в то время как древние египтяне его не трогали. Мозг удалили через рот, а не через нос, что также противоречило древнеегипетской традиции. У мумии не было ни единого зуба.

И вот решающий довод: КТ-сканирование обнаружило маленькие косточки во внутреннем ухе, которые никак не могли сохраниться, если бы мумии было два тысячелетия. Женщина была мертва не более нескольких лет. Дальнейшие исследования выявили, что ее хребет сломан в области поясницы. Сняв с мумии бинты во время вскрытия, патологоанатомы обнаружили под ними женщину средних лет, погибшую в 1996 году. Причина смерти – сломанная шея. Поддельная мумия принцессы стала вполне неподдельной жертвой нечестной игры.

Вскрытие не выявило, была ли женщина убита или стала жертвой несчастного случая, над которой уже впоследствии поработали мошенники. В любом случае это было дело рук не одного человека, а целой шайки изготовителей фальшивых древностей. Заполучив мертвое тело, мошенники вынули оттуда внутренние органы и засы́пали тело пищевой содой и солью, а затем завернули в бинты. Каменщик вытесал плиту,

под которой ее уложили. Резчик по дереву изготовил саркофаг. Золотых дел мастер выковал маску и нагрудную пластину. Был задействован человек, обладающий определенными знаниями в древнеегипетской мумификации. Человек, разбирающийся в персидской истории и клинописи, позаботился об остальном. Все их старания не остались без вознаграждения. Племенной вождь, который пытался продать мумию, утверждал, что нашел покупателя, согласного выложить один миллион сто тысяч долларов. Сам же он запрашивал одиннадцать миллионов.

Сломанная шея и хребет в области поясницы женщины подвигли пакистанскую полицию открыть уголовное дело, но вскоре интерес к жертве улетучился. В 2008 году об этом происшествии в последний раз упоминали в прессе. Сейчас пакистанская полиция, кажется, перестала им заниматься. Как это ни печально, но тело неизвестной остается лежать в морге. Как сообщают официальные лица, они ждут, когда им разрешат его похоронить.

Шарлотта Прусская (24 июля 1860–1 октября 1919) Герцогиня, устраивавшая секс-вечеринки

Пруссия

Был 1891 год. Стояла холодная ночь. Падал снег. Сани подъезжали к стоявшему у опушки леса охотничьему дворцу Груневальд. Десятки прусских придворных из самых родовитых и влиятельных семейств и несколько высокопоставленных чиновников, закутанные от зимней стужи в дорогие меха, приехали в старинейший прусский дворец в Берлине для того, чтобы всю ночь напропалую пьянствовать, танцевать, играть в азартные игры и заниматься сексом. Меха были отброшены в сторону, и вскоре туда же последовали правила хорошего тона. Партнершами обменивались, пробовали новые позы под внимательными взглядами стеклянных глаз бесчисленного множества чучел оленей и по крайней мере одной пары глаз, принадлежавших какому-то предприимчивому человеку.

На следующее утро, когда загулявшие аристократы разъехались, увозя с собой приятные воспоминания, похмелье и, не исключено, только что приобретенные венерические заболевания, они начали получать анонимные письма с угрозами сделать достоянием общественности то, чем они занимались в уединенном Schloss[39]. А на случай, если свингеры что-нибудь позабыли, в письмах услужливо описывалось все в подробностях. К письмам прилагались порнографические рисунки и коллажи. Хуже того, описания превосходили разнузданностью то, что происходило в замке на самом деле. Согласно вышедшей в 1904 году биографии прусского императора, автор писем «вытаскивал на свет божий из старых шкафов давно позабытые в них скелеты, растравлял не до конца зажившие раны и распространялся о бесчестных или неприглядных поступках, часть из которых имела место быть, а часть была выдумана им же самим». А это означало, что шантажист не только присутствовал на оргии, но и имел доступ к императорскому двору в Берлине. Прежде чем дело удалось замять, скандал разросся и стал предметом обсуждения в немецком рейхстаге. Деньги шантажисту уплатили. По крайней мере одна карьера и одна жизнь были

загублены.

Кто был автором писем? Во главе списка подозреваемых стояла та же особа, которая организовала секс-вечеринку. Эту страдающую от никотиновой зависимости принцессу звали Виктория Елизавета Августа Шарлотта. Она приходилась внучкой королеве Виктории, дочерью прусским правителям и младшей сестрой кайзеру Вильгельму Второму, последнему правителю Германской империи.

Пустая изнутри

Принцесса Шарлотта, как все ее называли, была старшей и наименее «перспективной» дочерью прусского кронпринца и его супруги. Когда девочка подросла, то оказалось, что к учению она не имеет ни малейшей склонности. Шарлотта была чванливой и грубой. Она часто ссорилась с матерью. Достигнув подросткового возраста, Шарлотта уже имела репутацию «самой высокомерной и бессердечной кокетки при дворе». Как жаловалась ее мать, «она смазливая снаружи и пустая изнутри. Опасное сочетание! При встрече с ней все подпадают под ее очарование, но те, кто узнает мою дочь лучше, больше не может ни любить, ни уважать ее, ни доверять ей!» Ух ты! Что же касается «смазливой наружности» Шарлотты, то девушка была низкорослой, тело у нее было худощавое, а руки и ноги казались короткими и толстыми. Одно плечо у принцессы было чуть выше другого. Девушка страдала от преждевременного выпадения волос. Думаю, будет нелишним, если вы посмотрите на Шарлотту при естественном свете.

В феврале 1878 года семнадцатилетняя девушка вышла замуж за Бернгарда Третьего, герцога Саксен-Мейнингенского. Он был на девять лет старше ее и обладал мелочно-требовательным, чопорным характером, но Шарлотта влюбилась в своего мужа. В мае следующего года она родила дочь Феодору, единственного своего ребенка. Не испытывая сильных материнских чувств по отношению к дочери, Шарлотта оставила Феодору на воспитание няни и вернулась в Берлин ко двору.

Герцогиня была типичной испорченной девчонкой. Она втиралась к людям в доверие, узнавала компрометирующие их тайны и рассказывала о них другим. Собственный брат звал Шарлотту из-за ее двуличности Шарли Притворщица. У девушки был острый язычок, и она была настолько амбициозна, что собиралась править берлинским двором в качестве королевы слухов. В это время Шарлоттой восхищались за ее чувство стиля,

французские платья, ум, а также за то, что она разбиралась в лошадях, музыке и флористике. Она также устраивала грандиозные званые вечера. Когда ее брат был провозглашен императором Вильгельмом Вторым, Шарлотта вдруг стала ужасно популярной среди высшего берлинского общества.

Секс, ложь и порнографические письма

Вскоре после коронации Вильгельма Второго имели место сексуальная оргия и скандал с шантажом. Шарлотта, с ее любовью к злословию и склонностью создавать вокруг себя неприятности, была первой в списке подозреваемых, даже несмотря на то, что герцогиня и сама получила несколько писем. Враги Шарлотты, а они у нее были, утверждали, что герцогиня написала письма сама себе, а оргию устроила нарочно, чтобы заманить своих гостей в ловушку.

Переписка между шантажистом и его жертвами составила двести сорок шесть писем. Несмотря на законы о цензуре, много грязи выплеснулось в прессу, вызвав пересуды о падении нравов и моральной деградации. Политики тоже любят слухи. В рейхстаге разгорелись дебаты. Это привело к полицейскому расследованию и взаимным обвинениям. Как оказалось, несмотря на любовь Шарлотты к сплетням, автором писем была не она. После того как подозрения с герцогини были сняты, полиция занялась несчастным графом Леберехтом фон Коце, одним из ее бывших друзей. В июне 1894 года его арестовали. Хотя с графа сняли все обвинения, полностью от подозрений он так никогда и не избавился. Леберехт фон Коце принялся вызывать на дуэль всех, кто был замешан в этом деле. В 1896 году он нашел и убил барона фон Шредера – человека, выдавшего ордер на его арест.

Полицейское расследование, тянувшееся несколько лет, выявило, что настоящими преступниками были зять кайзера, герцог Эрнст Гюнтер фон Шлезвиг-Гольштейн, и его француженка-любовница. Герцог всегда был черной овцой в императорской семье. Он присутствовал на бале свингеров. После того как его роль в деле стала очевидна, фон Шлезвиг-Гольштейн был по сути дела изгнан со двора, а его любовницу сопроводили под вооруженным эскортом до франко-немецкой границы и отпустили, строго-настрого запретив возвращаться.

Но толика вины лежала и на самой Шарлотте. Огромная часть информации, содержащаяся в письмах шантажиста, была извлечена из ее дневника, утерянного Шарлоттой во время пребывания в гостях у фон Коце (дуэлянта и его жены).

На страницах дневника герцогиня записывала скандальные тайны собственной семьи и придворных. Дневник каким-то образом попал в руки коварной любовницы герцога. Возможно, ей отдали его фон Коце, с которыми Шарлотта успела поссориться. Француженка передала дневник своему любовнику.

Полиция нашла дневник во время обыска и вручила его кайзеру Вильгельму. Тот рассердился. Отношения между братом и сестрой никогда не были безоблачными. Шарлотта и жена Вильгельма испытывали друг к другу взаимную ненависть. Мужа Шарлотты перевели в полк, стоящий в скучнейшей германской провинции. Шарлотта поехала вместе с ним, страдая от своего завуалированного изгнания. Кайзер и сестра так никогда и не помирились. О скандальной оргии почти немедленно как бы забыли. Только в 2010 году немецкий историк наткнулся на материалы о ней в государственном архиве Пруссии.

Яблоко от яблони…

Несмотря на всю свою язвительность, Шарлотта все же заслуживает толики сочувствия. В конце концов, в детстве ее никто не любил. Девочка росла нервной. Она кусала ногти и сосала одежду. Постоянные придирки со стороны матери только усиливали странности ее поведения. Виктория, дочь королевы Виктории, кажется, испытывала к собственному ребенку стойкую неприязнь. Она называла Шарлотту «глупой», «недоразвитой», «капризной», «непослушной» и «неблагодарной». Природная проницательность Шарлотты воспринималась не иначе как грубость. Спустя много лет, когда мать умирала от рака, Шарлотта была последней из детей, кому сообщили об этом.

Учитывая сложные отношения с матерью, не было ничего удивительного в том, что и к своей дочери Шарлотта не особенно привязалась. Она ненавидела себя беременной, ненавидела те ограничения, которые эта беременность на нее налагала. После рождения Феодоры женщина решила больше никогда не рожать. Ее дочь росла без материнской любви, так же как и она в свое время. Девочку предоставили заботам нянек и гувернанток. Играть с другими детьми ей доводилось нечасто. Когда Феодора подросла, бабушка принялась жаловаться, что «она вылитая копия своей матери». Единственное, что интересовало Феодору, это ее наряды и одежда окружающих. Девушка часто лгала. Отношения с матерью нисколько не улучшились после того, как Феодора в семнадцать лет вышла замуж за принца Генриха XXX Ройсса, не особо богатого аристократа, к тому же на пятнадцать лет ее

старше. Феодора страстно хотела иметь детей, но никак не могла забеременеть. К ее горю Шарлотта отнеслась более чем равнодушно. Когда с ней заговорили о внуках, женщина презрительно фыркнула: «Нет, уж лучше я обойдусь без этих маленьких ублюдков!»

Шарлотта не могла понять свою дочь, считала ее «странной», заявляя: «Она ни на что не годна. Уж лучше я буду держаться от нее подальше, и пусть делает, что ей заблагорассудится». Шарлотта настолько отдалилась от своей дочери и зятя, что считала вполне приемлемым публично их оскорблять. Отец Феодоры с удивительной наивностью жаловался на «любовь дочери к сплетням и клевете, которые она не могла унаследовать от нас». Даже плохое здоровье девушки не вызывало у матери ни малейшего сочувствия. Она злословила по поводу «бледности, худобы и уродства» Феодоры, заявляя: «Я не верю, что эта крикливая, чудаковатая особа – мой ребенок… Я просто не могу ее любить!» На переломе столетий Шарлотта принялась уверять окружающих в том, что ее зять заразил дочь венерической болезнью. Она настаивала на том, чтобы Феодора подверглась медицинскому освидетельствованию, если хочет доказать противное. Ссора между матерью и дочерью достигла такого накала, что берлинские сплетники начали поговаривать о психическом заболевании обеих женщин. На то имелось достаточно оснований.

Поведение самой Шарлотты уже долгое время поражало своеволием и истеричностью. Женщина испытывала нездоровое пристрастие к курению, злословию и потреблению горячительных напитков. Не исключено, что она страдала порфирией, редким, вызывающим боли заболеванием крови, обусловившим «безумие» ее прапрадеда со стороны матери, короля Георга Третьего. Впрочем, полученная в последнее время информация свидетельствует о том, что король на самом деле был психически болен. К концу жизни здоровье Шарлотты пошатнулось. Она страдала от ревматизма, болей во всем теле, простуд, больной печени, проблем с кишечником, отеков суставов и странного заболевания крови, которое врачи охарактеризовали как малокровие. Шарлотта мучилась депрессиями, все тело у нее чесалось, и она не могла заснуть. То, что она курила, только усугубляло порфирию. Описывая свою дочь, Виктория назвала цвет ее лица «желтым». От Шарлотты «воняло, как из табачной лавки, что недостойно воспитанной дамы».

Феодора страдала от той же болезни, которая впервые проявила себя, когда девочке было одиннадцать лет. Когда женщине перевалило за тридцать, она часто жаловалась

на плохое здоровье, но члены ее семьи сочли все это следствием мнительности и «апатии». Муж говорил, что Феодора настолько ленива, что не в состоянии позаботиться даже о самой себе. «Она преувеличивает свои хвори, доставляя мне и другим множество хлопот». Ко всему вышесказанному надо добавить, что у женщины часто менялся характер: в один и тот же день она могла по нескольку раз впадать в эйфорию и мучиться от «жуткой депрессии».

Первого октября 1919 года в возрасте пятидесяти девяти лет Шарлотта умерла от сердечного приступа. Она так и не помирилась с собственной дочерью. Последующие четверть века Феодора переезжала из санатория в санаторий, страдая от бесплодия и отсутствия должного сочувствия со стороны мужа. Двадцать шестого августа 1945 года она совершила самоубийство, сунув голову в духовку газовой плиты на кухне лечебницы, в которую была помещена. Полвека спустя ее тело эксгумировали. При повторном обследовании было подтверждено предположение, что покойная страдала порфирией.

Когда умерла мать Феодоры, ее некролог занял несколько строчек в колонке новостей газеты «Таймс». Смерть самой Феодоры осталась никем не замеченной. Обеим женщинам довелось жить в очень неспокойное время социальных потрясений, напрочь разрушивших «естественный порядок вещей», который существовал до этого на протяжении долгих столетий. Конечно, это было нелегким испытанием, и обе они с ним не справились. Разумеется, можно сбросить их со счетов, сочтя тщеславными, эгоистичными людьми, но не надо забывать о том, что принцесс в те времена воспитывали в жестких рамках послушания и покорности своему долгу, а это существенно ограничивало их свободу. Жизнь их должна была бы сложиться довольно скучно. Она не для страдающих психическими заболеваниями и не для желающих проводить сексуальные эксперименты. Родиться во дворце, возможно, и интересно, но свобода там всегда ограничена.

Клара Уорд (17 июня 1873–9 декабря 1916) Княгиня, сбежавшая с цыганом… официантом… станционным смотрителем

Колонки сплетен на обоих континентах

Париж. Тысяча восемьсот девяносто шестой год. Молодая, бойкая и красивая княгиня вместе со своим значительно старшим по возрасту мужем сидят в прокуренном кафешантане, пользующимся дурной славой ночном заведении, посещать которое, впрочем, не гнушаются богачи. Несмотря на ноябрьский холод, в помещении очень тепло, почти душно. Округлые белые плечи княгини обнажены. Пышная грудь едва не вываливается из корсета. Скучая, женщина вертит в руке бокал шампанского. Оркестр заиграл берущую за душу цыганскую мелодию. Послышались стенания скрипки. Скрипач, черноволосый мужчина небольшого роста с темными сверкающими глазами, осматривает публику, двигаясь между столиками. Его внимание привлекает княгиня. Скрипач, играя все более страстно, направляется в ее сторону. Женщина улыбается.

Десять дней спустя княгиня сбежала со скрипачом-цыганом из Парижа, оставив невозмутимого мужа и двух маленьких детей, не говоря уже о скандализованном обществе. Не в первый раз имя княгини попадало в газетные заголовки по всему земному шару, не в первый и не в последний.

Американка в Париже

Княгиня де Караман-Шиме, известная также под именем Клара Уорд, не была рождена принцессой, но ей удалось приблизиться к заветной цели многих американок настолько близко, насколько подавляющему большинству приходится только мечтать. Ее отец, капитан Эбер Уорд, был Королем Озер, богатым судовладельцем и промышленником-лесозаготовителем. Будучи первым богачом в Мичигане, он со скандалом развелся с первой женой, матерью семи его детей, после того как женщина

отказалась терпеть многочисленные измены мужа. Затем Эбер Уорд женился на женщине, ставшей матерью Клары.

Девочка родилась в Детройте в 1873 году. Ее отец умер, когда Кларе исполнилось всего восемнадцать месяцев. Бóльшую часть своего шестимиллионного состояния он оставил ее матери и своим детям от второго брака, существенно обделив детей от первой жены. Мать Клары переехала с дочерью и сыном в Нью-Йорк, а после того как вышла замуж за канадца, в Торонто. Когда Кларе исполнилось пятнадцать лет, ее отправили учиться в Лондон в частную школу-пансион.

Честно говоря, Клара побывала в нескольких школах. Если верить статье, опубликованной в одной из тогдашних газет, она приобрела в Лондоне такую репутацию, какой «никакая мать не пожелает своей дочери». Пришлось подыскивать другую школу. Еще в одной статье рассказывается о том, что Клара сбежала из парижского пансиона и ее нашли восемнадцатью днями позже в мансарде, в которой проживал бедный студент. В третьей газетной публикации описывается, как девочка тайно покинула пансион, забравшись на крышу экипажа собственной матери. В четвертой повествуется о том, как Клара, посланная учиться в итальянскую школу для девочек при монастыре, настолько «шокировала благочестивых монахинь», что ей отказали в месте. Все эти рассказы надо принимать с определенной долей скепсиса, поскольку газеты конца XIX века не слишком строго следовали фактам. Впрочем, несомненным остается то обстоятельство, что, несмотря на довольно подмоченную репутацию (появившуюся еще до того, как Клара проникла в светское общество), организованная ее матерью по всем старосветским правилам охота на мужа для своей дочери оказалась вполне успешной.

Солидный доход Клары в размере пятидесяти тысяч долларов в год, получаемый от основного капитала, завещанного ей отцом, и пышное, в духе викторианской эпохи, тело мгновенно сделали ее сенсацией начала брачного сезона. «Губы цвета граната и сердце как у святой!» – восклицал один из очарованных ею современников. Оба эти утверждения были далеки от истины. «Столь же прекрасна, как ее состояние», – писалось в одной газете. Это было уже ближе к истине.

Когда Клара повстречала на своем жизненном пути князя Жозефа де Караман-Шиме, сына бельгийского министра иностранных дел, тот уже задолжал порядка ста тысяч долларов, а принадлежащий ему замок нуждался в срочном ремонте. Красавцем князя никто бы не назвал. Он был на пятнадцать лет старше Клары, а о его личности ничего не говорилось даже

в самой ядовитой из бульварных газет. Но у князя был титул, а это что-то да значило. Де Караман-Шиме сделал Кларе предложение. Венчание состоялось 20 мая 1890 года в Париже. Кларе, чье подвенечное платье стоило десять тысяч долларов, исполнилось всего семнадцать лет. Она стала княгиней де Караман-Шиме, присоединившись к тем немногим американкам, которым удалось заполучить титул с помощью брака. (Смотрите «Долларовые принцессы» на с. 217.)

Новоиспеченная княгиня и ее муж проводили время в переездах между своими поместьями, бельгийским королевским двором, Ривьерой, Парижем и другими европейскими достопримечательностями. В 1891 году у Клары родилась дочь, графиня Мария. В 1894 году – сын. Впрочем, ходили упорные слухи о том, что Клара изменяет мужу с другими мужчинами, а тот смотрит на ее поведение сквозь пальцы.

Жизнь княгини была не такой уж блестящей, как казалось на расстоянии. Как выяснилось впоследствии, главной причиной разрыва между супругами стал не третий лишний. После развода Клара заявляла журналистам, что не имела другого выхода, кроме как покинуть бельгийский двор, после того как король Леопольд Второй, пораженный ее красотой, «засыпал» ее комплиментами, не обращая должного внимания на других своих гостей. Это сделало Клару парией в обществе. Женщина призналась, что кокетничала с королем, чем вызвала ярость двора, в особенности королевы. Унижение Клары достигло апогея, когда она «стояла одна на первой ступеньке длинной лестницы, ведущей в дворцовую консерваторию. Когда я вошла в вестибюль, все присутствующие женщины или отвернулись, или бросили на меня взгляд, полный презрения». Дальше она советовала американкам не обольщаться блеском пышных титулов: «Мало кто из женщин, получивших воспитание в Америке, сможет чувствовать себя комфортно в высшем свете Европы, особенно в континентальной ее части».

После того как их перестали принимать при дворе, Клара и ее муж жили в Париже, который в те времена считался центром fin-de-sècle[40]. Парижане купались в шампанском, отплясывали фривольные танцы и восхищались модерном. Клара, не думая о завтрашнем дне, с головой окунулась в развлечения, снискав себе славу самой бесшабашной американки по эту сторону Атлантического океана.

Ее шумная и беспутная жизнь привела в ту ноябрьскую ночь к логичному повороту в виде романчика с цыганским скрипачом венгерского происхождения. Звали его Риго Янчи. Это был невысокий мужчина с пышными, закрученными вверх усами

и напомаженными волосами. Назвать его писаным красавцем никто бы не смог. В «Чикаго трибьюн» писали, что «лицом этот мужлан похож на обезьяну». В шотландской газете говорилось, что Риго Янчи «низкорослый, его лицо имеет следы, оставленные оспой, поэтому никто не может взять в толк, что она в нем нашла». К тому же цыган был женат.

Но ничто из этого не охладило пыл Клары. В первую ночь, когда она увидела Риго Янчи, женщина отвернулась от своего мужа и улыбнулась скрипачу. Пути назад просто не было. Как рассказывал впоследствии Риго, десятью днями позже они, как цыгане, сбежали вместе глухой ночью. Газеты Европы, Великобритании и Америки просто взбесились, смакуя подробности бегства княгини.

Женщина с почтовых открыток

В январе 1897 года, воспользовавшись дурной славой жены, князь Жозеф выиграл бракоразводный процесс менее чем через два месяца после того, как Клара бросила его и детей. На судебном заседании ответчица не появилась, зато толпы прилично одетых брюссельцев чуть не передрались друг с другом, стремясь попасть в зал суда. Даже адвокат Клары вынужден был признать, что его клиентка обладает «порывистым, вспыльчивым характером», который подталкивает ее к «диким, эксцентричным поступкам». Князь получал полное право опеки над своими детьми, а Кларе не дозволялось с ними даже видеться. К тому же ей вменялось в обязанность выплачивать определенную сумму на их содержание и воспитание.

В глазах общества Клара пала так низко, что дороги обратно просто не было. Не то чтобы женщина об этом печалилась. Как значилось в ее заявлении, зачитанном во время бракоразводного процесса: «Мне все надоело. Я хочу быть свободной. Я хочу вырваться из прогнившей атмосферы современного общества. Оно не хочет видеть меня, а я не хочу видеть его, так что мы квиты». Как Клара относилась к разлуке с собственными детьми и стоила ли того обретенная ею свобода, неизвестно, учитывая то обстоятельство, что в ее письмах и прочих документах о ее чувствах ничего не говорится. Как бы там ни было, Клара сломя голову бросилась в новую, незнакомую ей бродячую жизнь.

Первым делом любовники отправились в прилепившийся на склоне горы небольшой сельский домик, принадлежавший матери Риго, подальше от королевского двора и парижских

ночных кабаре, которые Кларе порядком наскучили. Согласно легенде, бывшая княгиня проявила великодушие по отношению к пожилой венгерской цыганке, купив ей гору, на которой стоял ее дом, и подарив жемчужное ожерелье, которое старуха повесила на гвозде у своего камина.

Вернувшись в Париж, Клара убедилась в том, что ее скандальное поведение сделало ее предметом остракизма со стороны всего респектабельного общества. К счастью, у бывшей княгини были деньги, а это обстоятельство способно решить многие проблемы. Когда люди, имеющие вес в обществе, добились того, что ни в отелях, ни в меблированных комнатах ей не сдавали номера, женщина купила себе дом. Теперь она разъезжала по парижским бульварам на велосипеде, одетая в женские спортивные шаровары и «короткие мужские носки». Клара курила сигареты в общественных местах. Иностранные газеты часто упоминали ее имя в статьях, оплакивающих моральное разложение города.

В апреле 1897 года, ободренная легкостью нравов, царящих в Париже, Клара начала зарабатывать себе на жизнь, позируя в облегающем трико телесного цвета на сценах кабаре «Мулен-Руж» и «Фоли-Бержер». Она называла то, чем занималась, «пластикой поз». Выступлениям Клары аккомпанировал Риго, который играл на скрипке и прыгал вокруг нее, «словно обезьянка шарманщика». Клара умудрилась возмутить даже видавших виды парижан. Первое ее выступление отменили, когда, согласно одной газете, полиция узнала, что друзья князя собираются забросать Клару «живыми кроликами, тухлыми яйцами и другими не менее смертоносными снарядами». Париж, возможно, и негодовал, но очередь желающих увидеть «голую» Клару Уорд не иссякала. То же можно сказать и о «ценителях искусства» в других европейских столицах. Когда пара выступала в Берлине, они, по слухам, получали шесть тысяч восемьсот долларов (сто восемьдесят одну тысячу долларов по современному курсу).

Помимо этого, Клара позировала для почтовых открыток в своем сценическом трико телесного цвета. На одном из снимков ее волнистые каштановые волосы ниспадают на довольно дородное тело, а на голове у нее сооружено нечто вроде короны из электрических лампочек и вешалок-«плечиков». А вот еще более скандальный случай. В августе 1897 года ее бывший муж потребовал, чтобы полиция сделала обыск в нескольких фотосалонах и конфисковала фотографии Клары. Согласно газетам, женщина на них представала «во всевозможных костюмах». Ввозить фотографии Клары Уорд на территорию Германской империи было запрещено, из-за того что кайзер

Вильгельм Второй решил: от этой «красавицы» слишком много беспокойства. Возможно, это является преувеличением, но известно, что нескольких людей арестовали за торговлю и пересылку по почте запрещенных открытых с изображением бывшей княгини.

Несчастна в любви

Примерно в это время Анри де Тулу́з-Лотре́к, знаменитый художник Belle Époque[41], любивший писать проституток с натуры, создал литографию, на которой Клара и Риго изображены сидящими в оркестровой яме парижского кафе-шантана. Волосы женщины окрашены в диковинно желтый цвет. Риго – усат и смуглолиц. Работа называется «Idylle Princière»[42]. Видно, что эти люди влюблены друг в друга. От литографии исходят флюиды задушевности и щегольства. Художник застал эту парочку на подъеме чувств, за которым последовал резкий спад.

Пара жила в грехе до 1898 года, пока Риго, добившись для себя развода, не смог жениться на Кларе. Страсть их была сильна. Как гласит легенда, во время своей поездки по Японии они вытатуировали портреты друг друга у себя на плечах. Клара проявляла свою любовь тем, что тратила на своего мужа огромные суммы. Смеющийся Риго рассказывал журналистам, что жена, желая его порадовать, купила ему настоящий бродячий цирк со слонятами, львами и тиграми. А еще она подарила ему новую скрипку и ларец, полный драгоценностей. Они путешествовали по Европе, а потом прожили два года в Египте, где на пустом месте по их воле строились «дворцы».

Такое удивительное транжирство не ускользнуло от внимания матери Клары. Шокированная поведением дочери, она в неменьшей степени беспокоилась о состоянии семейных дел. Женщина обратилась в суд, ходатайствуя о том, чтобы дядю сумасбродной бывшей княгини назначили арбитражным управляющим ее доли капитала в семейном бизнесе. В 1898 году суд принял положительное решение. Кларе полагалось получать по двенадцать тысяч долларов ежегодно, что на современные деньги составило бы сумму приблизительно в два миллиона. Из них три тысячи уходили ее бывшему мужу на содержание и воспитание детей. Но Клара продолжала сорить деньгами. В 1901 году суд официально назвал ее растратчицей, после того как ее дяде пришлось взять деньги из основного капитала на покрытие ее долгов. Дядя выяснил, что в течение семи лет

Клара истратила семьсот пятьдесят тысяч долларов (около двадцати миллионов по современному курсу). Как писала «Детройт фри пресс», бóльшая часть этой астрономической суммы была «разбазарена в обществе ясноглазого Риго».

А тем временем жизнь с Риго не ограничивалась одними только дикими животными и дворцами. Часто Клара и ее мужчина горячо и шумно ссорились в общественных местах. В январе 1897 года, в то время как ее муж разводился с ней в брюссельском суде, Клара и ее цыган-скрипач ссорились в одном из миланских отелей, беспокоя постояльцев своими криками, руганью и хлопаньем дверями. Как писалось в «Нью-Йорк таймс», Клара оставила своего спутника в «затруднительном положении», оплатив только свои счета. Мало что известно об их совместной жизни, но легкой она быть уж никак не могла. Даже общество людей полусвета отвергло эту пару. В 1902 году, во время своего выступления в кабаре «Фоли-Бержер», Риго был освистан. Вполне возможно, что их брак просто не мог пережить такого нервного напряжения. Известно только, что к 1904 году они развелись и Риго переехал в Америку, где утверждал, что Клара покинула его, потому что связалась с неряшливым железнодорожным рабочим.

По крайней мере частично слова цыгана соответствуют действительности – в том же году, сразу же после развода, Клара обзавелась третьим мужем. Джузеппе Риккарди по прозвищу Пепино был не то официантом в вагоне-ресторане, не то носильщиком, не то работником итальянского турагентства, не то смотрителем на одном из полустанков фуникулера, поднимающего туристов к кратеру Везувия. До сих пор точно не известно, чем занимался Джузеппе Риккарди. Известно лишь то, что он был необычайно привлекателен и даже считался «первым красавцем Неаполя».

И во время третьего замужества Клары ее имя продолжало периодически появляться в колонке сплетен разных газет. Далеко не все, что тогда о ней писали, было правдой. Заявляли, что Клара Уорд выступает в водевилях где-то на американских подмостках (неправда), что родственники заявили о ее психической недееспособности (не заявляли), что ее лишили права распоряжаться деньгами семьи (не совсем так), что она снова вышла замуж и развелась (в точку). В 1910 году неумение Клары находить себе достойных спутников жизни вновь стало темой газетных заголовков. На этот раз не она, а Риккарди ее бросил, обвинив в том, что у нее роман с дворецким. Клара утверждала, что ни в чем не виновата: «Неаполитанцы такие ревнивые!» Супруги официально развелись в июле 1911 года.

Клара недолго оставалась в одиночестве. После развода с Риккарди она вроде бы заявила: «Я не могу жить одна. Я буду несчастна, если вскоре снова не выйду замуж». О ее четвертом муже известно еще меньше, чем о предыдущем. Его звали Абано Каселато (или Кассалота, или Касселлетто, или Касалото). По профессии он был не то мясником, не то шофером, не то станционным смотрителем, не то художником. Впервые семья Клары узнала о его существовании спустя по крайней мере пять лет после того, как они сочетались законным браком. Мужчина прислал телеграмму, в которой уведомлял, что Клара умерла от воспаления легких 9 декабря 1916 года в Падуе, Италия. Ей было всего сорок три года.

Журналисты писали, будто бы у Клары не было ни цента за душой, но на самом деле деньги, благодаря которым она держалась на плаву в течение всей своей беспутной жизни, у нее никогда не переводились, чего нельзя сказать о друзьях и близких людях. Наследство Клары, равное миллиону двумстам тысячам, было разделено между ее детьми, Риккарди и американской кузиной. Последний муж Клары в завещании, составленном еще в 1904 году, не упоминался.

Вся жизнь Клары представляла собой наглядный пример бунтарства. В одной газете сообщалось: «Кажется, еще будучи девицей, Клара Уорд испытывала сильную потребность в том, чтобы скандализировать своим поведением общество, ломать все барьеры, ограничивающие дозволенное от недозволенного, и стать как можно более эксцентричной и дикой настолько, насколько это может позволить себе женщина». В другой газете писалось: «Дьявол присутствовал при рождении Клары Уорд, и она старалась жить так, чтобы ее благодетель ею гордился». В написанном излишне вычурным стилем некрологе, помещенном в «Детройт ньюс», говорилось: «Она умерла женщиной, утратившей все иллюзии. Она сбилась с истинного пути. Будучи рабой своих желаний, эта женщина скончалась изгнанницей, в возрасте сорока трех лет».

Клара сгорела быстро и ярко, живя по правилам, установленным ею самой. Рассказывая о своем бегстве с бельгийского королевского двора, она заявила: «Я бросила им вызов. Я всю жизнь бросаю людям вызов». Это уж точно. К добру или ко злу, но она всегда так поступала.

«Долларовые принцессы»

Клара Уорд была не единственной богатой американской наследницей, вышедшей замуж за европейского аристократа.

В этих взаимовыгодных сделках американская сторона повышала свой социальный статус, а европейская пополняла пустые кошельки. Этих молодых красавиц называли «долларовыми принцессами». В течение десятилетий они поддерживали аристократию Старого Света на плаву. Иногда союз древней родословной и недавно нажитых денег оказывался удачным, иногда – нет. В любом случае без денег этих женщин аристократические дома Европы давно бы рухнули под тяжестью собственной истории.

Нужны американские деньги

Первой американкой, ставшей после замужества принцессой (княгиней), была Катерина Виллис Грей, двоюродная правнучка Джорджа Вашингтона. В 1826 году она вышла замуж за князя Ашиля Мюрата, сына низложенного неаполитанского короля и сестры Наполеона Первого Каролины. Эта первая ласточка весны не сделала, но к концу XIX столетия шлюзы открылись и число принцесс американского происхождения начало расти в геометрической прогрессии.

Причин тому было две. Во-первых, старый порядок в Европе постепенно приближался к краху, прозябая в застое, потрясаемый революциями, свержениями с престола, политическими убийствами и общественными беспорядками. Во-вторых, деловые люди в Америке очень быстро сколачивали себе солидные состояния. В промышленности появилось поколение нуворишей, родители которых были бедными эмигрантами, покинувшими Европу в поисках лучшей доли. Они хотели, чтобы их дочери имели доступ в высшее общество, дорога в которое для них была закрыта. Они могли позволить себе заплатить за более высокий социальный статус своих детей. Эта практика была настолько распространена, что в американских газетах печатались статьи, содержащие советы заинтересованным миллионершам насчет того, где искать потенциальных кандидатов в женихи. Так, например, в одной статейке, увидевшей свет в 1886 году, утверждалось, что «герцоги – самые титулованные особы среди английской аристократии». Далее перечислялось двадцать семь имен, из которых автор статьи выбирал наиболее перспективных британских аристократов, способных стать добычей американских охотниц за титулами. По другую сторону Атлантического океана британская благопристойность не помешала одному «английскому пэру, происходящему из очень древнего рода», дать в 1901 году объявление в газете «Дейли телеграф» о том, что он

желает жениться «на очень богатой леди». Кандидатка может быть вдовой или старой девой, а вот разведенных просьба не беспокоить.

К 1904 году более двадцати американок, большинство из них богатые наследницы, носили громкий титул. К 1915 году это число удвоилось. Кроме собственно принцесс, американки становились герцогинями, графинями, маркизами и так далее. В 1914 году около шестидесяти лордов и сорока сыновей титулованных особ были женаты на богатых американских наследницах. Это явление стало настолько распространенным, что британский премьер-министр, лорд Палмерстон[43], сказал однажды: «Еще не закончится это столетие, а эти умные, очаровательные женщины из Нью-Йорка будут негласно дергать за ниточки в половине госучреждений Европы».

К сожалению, пышный титул не всегда приносит счастье, о чем наглядно свидетельствует пример Клары Уорд. Европейские аристократы, как бы они ни нуждались в деньгах, относились к «новеньким» с определенной долей настороженности. Дженни Джером, американка, ставшая матерью Уинстона Черчилля, женщина, которая по непроверенной информации имела татуировку на теле, так писала в своем дневнике о приеме, оказываемом американским «принцессам»: «От нее могут ожидать каких угодно странностей. Если же она одевается, разговаривает и ведет себя как хорошо воспитанная женщина… ей почти наверняка сделают вежливое замечание: «Я бы и не подумала, что вы американка». Это считается чем-то сродни комплименту… Доллары – единственные ее верительные грамоты».

Хорошие деньги, но никудышный брак

Во многих случаях браки оказывались несчастливыми. Примером может послужить судьба Глэдис Дикон, красавицы-дочери бостонского банкира-миллионера. Эта девушка обладала большими голубыми глазами, классическим профилем и сильным характером, мириться с которым помогала ее красота. В самом конце XIX века Глэдис повстречала герцога Мальборо, чье родовое поместье Бленхейм поражало своим великолепием. Он, правда, уже был женат на «долларовой принцессе», но оба супруга ничего не имели против развода. Впрочем, развод был официально оформлен только в 1921 году, когда Глэдис исполнилось уже сорок лет, а от ее прежней красоты осталось не много. (В возрасте двадцати двух лет девушке сделали инъекцию твердым парафином, ради того чтобы улучшить форму ее носа; идея

оказалась, мягко говоря, не из блестящих.) Герцог женился на Глэдис, но и этот брак оказался ничем не лучше предыдущего. Однажды женщина вышла к обеду, держа в руке револьвер. На вопрос, зачем он ей, Глэдис ответила: «Не знаю… возможно, застрелю Мальборо». Муж принял соответствующие меры, и последующие пятнадцать лет своей жизни Глэдис провела в психиатрической клинике. Умерла она в 1977 году в возрасте девяноста шести лет.

Счастлива, но после

Другие все же находили свое счастье. Примером может послужить судьба Виннаретты Зингер, двадцатого по счету ребенка «короля швейных машинок» Исаака Зингера. Всего у ее отца было двадцать четыре отпрыска от двух жен и трех любовниц. Виннаретта родилась в Америке, но выросла и воспитывалась в Великобритании и Франции. Когда ее отец в 1875 году умер, одиннадцатилетней девочке по завещанию отошло девятьсот тысяч долларов (более восемнадцати миллионов по современному курсу). В 1887 году она сочеталась браком с герцогом Луи-Вилфредом де Скей-Монбельяром. Согласно бытующей в благородном семействе легенде, жених, войдя в спальню невесты, застал ее сидящей сверху на платяном шкафу с зонтиком в качестве оружия в руке. «Если ты ко мне прикоснешься, я тебя убью», – пригрозила Виннаретта. Неудивительно, что они разъехались через двадцать один месяц жизни под одной крышей, а в 1891 году последовал официальный развод. Когда же стало известно, что Виннаретта – лесбиянка, все встало на свои места.

Одной из положительных сторон неудавшегося брака было то, что, «сходив замуж», женщина смогла беспрепятственно устроить собственный салон, в котором собирались представители авангардных направлений в искусстве – художники, писатели, композиторы, музыканты и даже философы. С этого момента начинается ее плодотворная карьера покровительницы искусств. Виннаретта помогала Игорю Стравинскому, Клоду Дебюсси и Жану-Батисту Фору. В ее салоне устраивались вечера творчества с участием Марселя Пруста, Вирджинии Вульф и Оскара Уайльда. Она, без сомнения, многое сделала для обогащения музыкального и артистического ландшафта не только Парижа, но и Европы в целом.

Вторым браком Виннаретта сочеталась с герцогом Эдмоном де Полиньяком. На этот раз муж подходил ей больше. Он был

на тридцать один год старше ее, был музыкантом и композитором, а еще… геем. Его друзья и семья знали, что Виннаретте нужен фиктивный супруг, который не будет претендовать на интимную близость с ней. Герцог был на мели, а успешному артистическому салону без определенного аристократического шарма не обойтись. Сделка была заключена.

Бракосочетание состоялось 15 декабря 1893 года. В определенном смысле это был брак по любви. Герцог любил артистические салоны, музыку и искусство. У супругов всегда было о чем поговорить. Заводя романы на стороне, они в то же время оставались лучшими друзьями. Победы Виннаретты на лесбийском фронте были многочисленны и разнообразны. Она стала вхожа в кружок представительниц аристократии и богемы, которые называли себя «Парижским Лесбосом». Среди ее знакомых были писательница Колéтт[44], поэтесса Рене Вивьен и маркиза де Морни.

Эдмон умер в 1901 году, прожив во взаимопонимании с женой долгих восемь лет. Виннаретта оставалась покровительницей искусств до конца своих дней. Умерла она 25 ноября 1943 года.

Глория фон Турн-и-Таксис (родилась 23 февраля 1960 года) Княгиня-панк, которая из барменши превратилась в деловую женщину

Германия и декадентская атмосфера 80-х годов XX века

1986 год. Обошедшееся в миллион долларов празднование шестидесятого дня рождения князя Йоханнеса фон Турн-и-Таксиса продолжалось уже несколько дней. Его здоровью явно не пошел на пользу обед с лобстерами и икрой, на котором мужчины были во фраках, а женщины – в вечерних туалетах. Не менее вредными оказались второй завтрак с лобстерами и фазанами и ужин с лобстерами и жареными поросятами. Последний вечер праздника превзошел по роскоши все предыдущие. Экстравагантный костюмированный бал в стиле XVIII века начался в половине десятого вечера и закончился в то же самое время, но утром. Когда говорят о разбазаривании средств в целях повышения своего социального статуса, то имеют в виду кое-что поскромнее.

Пятьсот залов замка Святого Эммерама кишели такими знаменитостями, как Мик Джаггер и Джерри Холл, а также самыми богатыми людьми десятилетия, как, к примеру, саудовский торговец оружием Аднан Кашоги. Все были одеты, без тени иронии, в украшенные бриллиантами костюмы обреченных аристократов предреволюционной Франции. Гости въезжали во двор замка. Там их встречали слуги в одеждах крестьян, которые ощипывали кур и разводили огромные костры. Под звуки диско через цветомузыку огней и зеркал гости входили в Мушкетерский зал, балки которого были декорированы гирляндами сосисок. Там громоздились горы омаров, били фонтаны шампанского, а торт вместо свечей был украшен марципановыми пенисами.

Наконец в зал вошла княгиня Глория фон Турн-и-Таксис. Она, разумеется, оделась в костюм Марии-Антуанетты: на ней было сшитое на заказ розовое бальное платье стоимостью десять тысяч долларов. На голове громоздился вышиной в два фута, усыпанный пудрой парик, который украшала жемчужная диадема, принадлежавшая в свое время самой королеве. Позже той же ночью княгиня под аккомпанемент оркестра Мюнхенской

оперы пела «С днем рожденья тебя» своему любимому мужу, стоя на «золоченом облаке». Но долго в вышине ей парить не пришлось. Вскоре княгиня Глория упала с небес на землю.

От барменши к хозяйке замка

Глория стала княгиней фон Турн-и-Таксис, или, если брать ее полный титул, княгиней Марией Глорией Фредерикой Гердой Шарлоттой Тевторией Симоной Джоанной Иоахимой Жозефиной Вильгельминой Губертой фон Турн-и-Таксис, в 1980 году, когда вышла замуж за князя Йоханнеса. Князю было уже пятьдесят три года, когда он познакомился в Мюнхене с девятнадцатилетней барменшей. Они быстро нашли общий язык и спустя год поженились. Князь был эксцентричным человеком, который не делал секрета из своей бисексуальности и любил разыгрывать различного рода грубые шутки с ничего не подозревающими друзьями, например, подбрасывал во время банкета соседям слабительное или ронял селедку женщинам на платья.

Бисексуал-шутник являлся в то же время самым богатым немецким аристократом и землевладельцем своего времени. Хотя в 1919 году с основанием Веймарской республики аристократы утратили прежнее политическое влияние, титулы и богатства они сохранили. Предки Йоханнеса вели свой род с XIII века, когда они впервые упоминаются как мелкие чиновники Ломбардии, находящиеся на почтовой службе у Священной Римской империи. Тассисы (от итальянского слова «барсук»), как они сами себя называли, обрели богатства и социальный статус при дворе местного властителя. В 1489 году Франц фон Таксис стал императорским почтмейстером, заполучив полную монополию. В 1512 году Максимилиан Первый, император Священной Римской империи, пожаловал фон Таксисам дворянскую грамоту. К XVII веку Таксисы добавили к своему титулу Турн – производное от титула герцогов Торриани, на родство с которыми они претендовали. Именно вследствие этого их родовой герб украшают не только барсуки, но и башни. Спустя семь столетий фон Таксисам принадлежало несколько банков, лесопилок, лесов и пивоваренных заводов. Состояние Йоханнеса оценивалось в три миллиарда.

Несмотря на то что Глория тоже была из аристократок и носила титул графини, семья ее была небогата. Хотя девушка росла, испытывая нехватку в деньгах, сорить ими Глория умела. Они вместе с мужем скупали произведения искусства и путешествовали по всему миру, становясь героями желтой

прессы и глянцевых журналов. Они устраивали дикие вечеринки, длившиеся несколько суток. Именины Йоханнеса, описанные выше, были всего лишь одним из множества праздников, которые организовывались в их величественном замке в Баварии. Однажды Глория сказала, что «по сравнению с ним Букингемский дворец кажется жалкой хибаркой».

В 1985 году журналистка из журнала «Ярмарка тщеславия» окрестила Глорию «принцессой ТНТ[45], не светской львицей, а динамитом». Прозвище прилепилось к княгине, поскольку вполне соответствовало ее характеру. Она лаяла по-собачьи в «Позднем вечере с Дэвидом Леттерманом» и была задержана в мюнхенском аэропорту за хранение гашиша. Она носила свитера, сотканные из шерсти убитых медвежат, а во время святого причастия в церкви щеголяла в «ведьмовской» шляпке. Глория красила волосы во все цвета радуги, носила на голове ирокез и «павлиний хвост». Благодаря всему этому она получила еще одно прозвище – Принцесса-панк. Она каталась на «Харлее-Дэвидсоне» и скакала на лошадях. Княгиня появлялась на вечеринках у Принса[46] и у принцев. Она танцевала на столе, одетая в платье из металлических колец, сделанное по эскизу Пако Рабана. На маскарады она наряжалась ковбойшей.

Высокая стоимость жизни

Но пьянящий достаток восьмидесятых быстро сменился в девяностых тяжелым похмельем. В декабре 1990 года, после смерти мужа, Глория прекратила закатывать дикие вечеринки. Как оказалось, наследуемое ею имущество тянет за собой огромнейший долг в пятьсот семьдесят шесть миллионов долларов. По крайней мере восемьдесят миллионов приходились на траты, связанные со смертью князя, и на налоги на наследство. Период экономического спада и неудачные инвестиции доделали остальное. У Глории было трое малолетних детей, включая восьмилетнего принца Альберта, которому предстояло унаследовать собственность и долги, когда ему исполнится восемнадцать лет.

Принцессе-панку пришлось идти на радикальные изменения собственной жизни, если она хотела сохранить семейное состояние. В интервью лондонской «Дейли телеграф» Глория заявила: «Сказка закончилась. Нельзя быть сказочной принцессой и оплачивать платежные ведомости». Розовые волосы исчезли вместе с частью семейных богатств. Почти немедленно после вступления во владение наследством Глория договорилась

с федеральной землей Баварией: тридцать миллионов долларов в произведениях искусства и прочих древностях взамен невыплаченных налогов. Она продала двадцать четыре из двадцати семи автомобилей, уволила одетых в ливреи слуг в шести замках и продала те из них, в которых не жила. После этого княгиня через аукционный дом Сотбис избавилась от еще большего числа произведений искусства, заработав тринадцать миллионов семьсот тысяч долларов. В следующем году состоялся очередной аукцион. Были распроданы семьдесят пять тысяч бутылок вина. Благодаря этому Глория выручила еще девятнадцать миллионов.

Впрочем, экономность, проявленная Глорией, не произвела должного впечатления на родню покойного мужа. Они пытались помешать женщине выставить на аукцион наследство ее сына, оспаривая юридическое право на подобного рода действия. Отец Э'ммерам, дядя ее покойного мужа, отшельник-бенедиктинец, которому исполнился уже девяносто один год, назвал Глорию «бессовестной распутницей». Но княгиня вела себя вполне разумно, полагая, что следует спасать более ценное, избавляясь от менее ценного. «Альберт сможет купить новую супницу, когда пожелает, – заявила она, – а вот новый лес – вряд ли». Вскоре, однако, Глория поняла, что, распродав даже все столовое серебро, она не сможет поправить семейные дела, поэтому пришлось копать глубже. Изучив семейный портфель акций, она избавилась от не приносящих прибыли ценных бумаг. Затем Глория распрощалась с несколькими малодоходными банками. Она проявила большую изобретательность. Замок, много столетий являвшийся частной резиденцией семьи, был открыт для туристов. Княгиня ничего не имела против того, чтобы эксплуатировать свой яркий образ, известный по газетным статьям, ради привлечения в замок посетителей. «В конце концов, мои зелено-желто-голубые волосы сделали меня интересной в глазах людей, – рассказывала она в 2006 году. – Сто пятьдесят тысяч человек приезжали посмотреть не только на историю рода фон Турн-и-Таксисов, но и на место, где живет Глория». Часть замка сдавалась под офисы.

Принцесса-панк десятилетие прилежно изучала экономику и право, регулирующие деятельность корпораций. Коротенькое платье из металлических колец сменили деловые костюмы от «Шанель». Ее лицо исчезло со страниц желтой прессы, которая в прежние годы описывала любое изменение цвета волос Глории и всякий ее новый экстравагантный наряд. «По вечерам я никуда не езжу. Я очень устаю днем, – рассказала она в интервью журналу «Ярмарка тщеславия» в 2006 году. – Я должна все знать

обо всех моих компаниях, знать, что не так, и вовремя уметь принять верное решение». Девяностые выдались непростыми, но к 2002 году усилия Глории были вознаграждены. По данным «Bloomberg BusinessWeek», семейная многопрофильная корпорация под ее управлением добилась десятипроцентной прибыли.

К началу нового столетия превращение Глории из «принцессы ТНТ» в выдающуюся деловую женщину и видную представительницу немецкой аристократии завершилось. В 2001 году Глория в соавторстве с подругой-аристократкой Александрой Боргезе издала ставший бестселлером самоучитель хороших манер «Наш этикет. Мир светскости от А до Я». Еще более важным было то, что Глория не стала в глазах общественности еще одним символом расточительности восьмидесятых, так дорого обошедшейся стране.

Принцесса и Папа Римский

Впрочем, деловой хваткой новый имидж Глории фон Турн-и-Таксис не ограничился. Она нашла дорогу к Богу. Вернее, женщина окрепла в своей вере. «Даже в те времена, когда я посещала вечеринки и отрывалась в “Студии 54”[47], я не забывала ходить в церковь, – заявила Глория в 2008 году в интервью “Нью-Йорк таймс”, – разве что на заутреню не успевала». Некоторое время Церковь занимала второстепенное место, уступая в популярности шоппингу и встречам с рок-звездами, но потом все изменилось. В 2006 году, давая интервью журналу «Ярмарка тщеславия», Глория заявила: «Когда я познакомилась с рок-звездами, создаваемый вокруг них ореол быстро померк. С Церковью все наоборот. Когда я встретилась с Папой Иоанном Павлом, он оказался еще более великим человеком, чем я прежде думала».

Когда материальное положение Глории пошатнулось, она обратилась к религии. «После того как разразился кризис, я начала регулярно молиться», – сказала княгиня. В 1991 году она впервые отправилась в Лурд, французский город, в котором Дева Мария в 1858 году явилась четырнадцатилетней беременной девочке. Глория помогала больным и умирающим, которые приехали в Лурд в поисках чудесного исцеления. Через четырнадцать лет после этого на аукционе была выставлена сотня ее старых платьев от известных кутюрье. Полученные средства Глория передала Мальтийскому ордену, благотворительной католической организации, которая устраивает паломничество

мирян в Лурд.

На протяжении девяностых годов княгиня поддерживала хорошие отношения с заметными фигурами католической Церкви. Она неоднократно выражала желание упрочить связи, существующие между старинными аристократическими родами и Церковью. Когда в апреле 2005 года умер Папа Иоанн Павел, Глория была одной из первых светских лиц удостоена аудиенции нового понтифика Бенедикта Шестнадцатого. «Католицизм – очень эмоциональная религия. Плоть и душа составляют в ней единое целое», – заявила княгиня в интервью «Нью-Йорк таймс».

Что ни говори, а Глория не зря надела на день рождения мужа жемчужную диадему Марии-Антуанетты. Подобно известной французской королеве, «принцесса ТНТ» любила модно одеваться, сорить деньгами и обожала шумные развлечения. Впрочем, в отличие от обезглавленной Марии-Антуанетты, Глория, столкнувшись с кризисом, не потеряла головы и вышла из него победительницей. Скучает ли она по восьмидесятым? Немножко. Глория не сожалеет о том периоде, когда она, по ее же словам, вела себя «как избалованная девчонка». В интервью «Wmagazine» княгиня сказала: «Мне кажется, привилегия юности состоит в том, что можно вести себя беззаботно, экспериментировать, веселиться, даже съезжать с катушек. В двадцать лет ты не захочешь вести себя так, словно тебе семьдесят, и наоборот».

Расходы принцесс

Обязательно ли принцессе испытывать болезненную страсть к земным благам? Да, если брать за образец биографии этих вполне реальных шопоголичек.

Мария Августа Турн-и-Таксис

Жена правителя могущественного немецкого княжества Мария Августа Турн-и-Таксис была во многом не похожа на среднестатистическую августейшую особу XVIII века. Она была опытной интриганкой, ловкой и пронырливой, с помощью подковерной дипломатии и женских хитростей успешно влияющей на княжеский двор. Мария Августа решительно и страстно отстаивала свое мнение по государственным вопросам. Ее мужу до такой степени надоели интриги этой женщины, что он потребовал, чтобы Мария Августа в письменной

форме поклялась не лезть не в свои дела.

Но кое в чем княгиня Турн-и-Таксис была типичной женщиной: она любила красивые наряды. В ее гардеробах висело двести двадцать восемь платьев. Некоторые из них предназначались исключительно для официальных приемов и были сделаны из роскошной ткани, кружевных оборочек, складочек, рюшей и прочей отделки. Самое дорогое платье стоило пятьсот флоринов, что в тридцать раз превосходило годовой доход придворного слуги. Суммарная стоимость ее драгоценностей равнялась восьмидесяти девяти тысячам флоринов. За эту астрономическую сумму можно было бы в течение одного года обеспечивать всем необходимым пять тысяч человек.

С помощью своих нарядов и драгоценностей Мария Августа хотела произвести впечатление на придворных, возвыситься в их глазах. Это было частью ее стратегии оказания влияния на тех, кто принимает политические решения. Княгиня просчиталась. Роскошь не принесла ей любви подданных. Этому не стоит удивляться, учитывая тот факт, что Мария Августа тратила, по крайней мере частично, государственные деньги. Хуже того, она не могла себе этого позволить. После смерти княгини оказалось, что она должна лавочникам, парикмахерам и прочим мастерам, не говоря уже о ее собственных слугах, пятьдесят тысяч четыреста два флорина.

Елизавета Первая, императрица российская

По сравнению с гардеробом Елизаветы Первой, императрицы России, гардероб Марии Августы мог бы показаться до неприличия скудным, почти бедным. А в это время казна России была пуста.

Кто же ее опустошил? Императрица Елизавета Первая опустошила государственную казну. Когда она умерла, после нее осталось около пятнадцати тысяч платьев, не говоря уже о бесчисленной мужской одежде, которую Елизавета любила надевать, двух сундуков с чулками и нескольких тысяч пар туфлей и башмаков. Неудивительно, что Елизавета Первая переодевалась по несколько раз на дню и никогда не носила одну и ту же одежду дважды. А еще она прилагала неимоверные усилия, чтобы быть самой модной дамой при дворе. Под угрозой ареста императрица приказала торговцам иностранным сукном все новинки демонстрировать первым делом именно ей. Увидев на голове придворной дамы такую же прическу, как у нее,

или похожие драгоценности и иные украшения, Елизавета Первая сердилась, а иногда опускалась до рукоприкладства.

Императрица давала по два бала в неделю. Ее званые обеды были тем местом, где расточительность бросалась в глаза на каждом шагу. Елизавета Первая заказывала у мастеров больше золотых и серебряных приборов, чем кто-либо из правителей России. К столу императрицы подавались свежие тропические фрукты, большая редкость в те времена, а вино и шампанское выпивались ведрами.

Любовь императрицы к изящным вещам передалась ее придворным. Они щеголяли усыпанными бриллиантами пуговицами, пряжками и эполетами, а также дюжинами заказывали себе комплекты одежды и одевали своих слуг в парчу. Впрочем, в характере императрицы имелись и свои достоинства. Елизавета была умной женщиной, искусным дипломатом и «пацифисткой», которая обещала не подписывать ни единого смертного приговора и выполнила свое обещание. Ее тяга к экзотическим товарам и предметам роскоши стимулировали развитие государственной инфраструктуры, в частности способствовала развитию почтовой службы. Как бы там ни было, а императрица сорила деньгами, заработанными кровью, по́том и слезами ее подданных. Когда в 1762 году Елизавета умерла, она была в долгах по самые брови.

Маха аль-Судаири

И у современных принцесс не пропала тяга к роскошным вещам, которые они не в состоянии оплатить. В июне 2012 года Маху аль-Судаири едва не арестовали в Париже, после того как она в сопровождении свиты из шестидесяти слуг пыталась сбежать в половине четвертого утра из фешенебельного пятизвездочного отеля «Шангри-ла», задолжав около восьми миллионов долларов. Ее намерения выдала целая процессия из лимузинов, остановившихся у гостиницы. При виде автомобилей администрация отеля заподозрила, что принцесса собирается пуститься в бега.

Бывшая жена наследника престола Саудовской Аравии Наифа бин Абд аль-Ази жила в отеле с декабря, занимая весь сорок первый этаж здания. Это влетело ей в копеечку. Когда попытка сбежать, не заплатив, провалилась, Маха аль-Судаири сослалась на свою дипломатическую неприкосновенность, связав тем самым руки парижской полиции. После этого она вместе со слугами переехала в другой пятизвездочный отель, «Рояль Монсо»,

принадлежащий другу ее семьи.

Ей было не впервой проделывать этот трюк, оставляя после себя неоплаченные счета. В июне 2009 года Маха аль-Судаири тоже прибегла к дипломатическому иммунитету, набрав астрономическую сумму в двадцать четыре миллиона двести тысяч американских долларов по неоплаченным счетам из магазинов. На одно только нижнее белье принцесса истратила девяносто четыре тысячи долларов. И на этот раз участь стоящих с протянутой рукой досталась французам.

Срирасми Таиландская

У Сирáсми, принцессы таиландской, великолепная грудь, а ее супруг души не чает в их песике. Оба эти обстоятельства стали очевидны, когда принц Ватчиралонгкорн, наследник таиландского престола, устроил шикарный прием по случаю дня рождения Фу-Фу, пушистого белого пуделя, а его жена ограничила свой наряд стрингами и шляпкой. На видеозаписи едва слышен «Беспечный шепот» в исполнении Джорджа Майкла. Как ни странно, все остальные, в том числе пудель, были полностью одеты. Это неудивительно, если учесть тот факт, что песик Фу-Фу имеет звание главного маршала авиации в ВВС Таиланда.

Инцидент с обнажением груди на дне рождения собаки остался бы незамеченным, если бы неизвестный не снял это на видео, а затем запись не показали бы по австралийскому телевидению в 2009 году. Критиковать членов королевской семьи запрещено в Таиланде законом, но эта видеозапись вызвала в стране волну недовольства. Когда король Пхумипон Адульядет, не отличающийся крепким здоровьем, умрет, этой милой парочке предстоит встать во главе страны. Государственные мужи Таиланда уже долгое время в неофициальных беседах выражают сомнения насчет того, что принц Ватчиралонгкорн сможет стать достойным наследником своего отца.

Как и следовало ожидать от женщины, которая появляется на дне рождения своего пса в чем мать родила, это был не единственный раз, когда имя Срирасми попало в заголовки международных средств массовой информации. В октябре 2012 года принцесса подтвердила свою репутацию транжирки, когда, оказавшись в Англии, совершила набег на магазинчики, торгующие антиквариатом. В течение восьмичасового марафона, в буквальном смысле слова опустошившего прилавки, Срирасми накупила антиквариата на сумму, эквивалентную сорока тысячам

долларов, причем цена каждой вещицы колебалась от пятнадцати до шестидесяти долларов. Сами можете представить, сколько это фарфоровых собачек и серебряных чайных сервизов.

Развратницы Принцессы, пользовавшиеся дурной репутацией вследствие своей сексуальной распущенности
Каролина Брауншвейг-Вольфенбюттельская (17 мая 1768–7 августа 1821) Королева, которая не умывалась

Великобритания и разные туристические достопримечательности континентальной Европы

Георг, принц Уэльский, впервые встретил свою невесту, принцессу Каролину Брауншвейг-Вольфенбюттельскую, за два дня до свадьбы. Этикет обязывал принца обнять свою суженую. Георг так и поступил, а затем отпрянул и выбежал из комнаты, крича слуге: «Я плохо себя чувствую. Ради бога! Дайте мне стакан бренди». Три последовавшие за этой встречей дня принц не просыхал. Отношения будущих супругов с самого начала не задались.

Никто не знает, что же при первой встрече так настроило принца против его невесты. Каролину, конечно, писаной красавицей никто бы не назвал, но и уродиной, от которой бегут сломя голову, чтобы напиться, она не была.

Принцесса не отличалась пристрастием к личной гигиене, но к встрече с женихом, как утверждают современники, ее неплохо подготовили. Как бы там ни было на самом деле, Георг, обменявшись с Каролиной несколькими фразами, пришел к выводу: в том, что касается интеллекта и хороших манер, она много ниже его по уровню, общение с ней будет ему не в радость, но терпеть будущую жену как-никак придется.

Впрочем, жених тоже был не первой молодости. Ему исполнилось уже тридцать два года. В обществе, как ни абсурдно это звучит, его знали под кличкой Щеголь. Принц Уэльский был тщеславным снобом, при желании, впрочем, умевшим казаться очаровательным. Он много пил и надевал на себя корсет. Впоследствии Георг растолстел, набрав более

двухсот сорока фунтов веса. Он много играл в азартные игры и считался талантливым мотом, умудрявшимся не вылезать из долгов. А еще не следовало забывать того незначительного обстоятельства, что принц Уэльский уже лет десять как был женат на многое прощавшей ему Марии Фицхерберт.

Впрочем, на королевском рынке женихов на эти недостатки никто не обращал внимания. Миссис Фицхерберт происходила из незнатного рода и, что еще хуже для протестантского государства, была католичкой. Они поженились без согласия короля, поэтому этого брака как бы и не было.

И какое значение имеют несколько лишних фунтов веса и чудовищный характер по сравнению с тем непреложным фактом, что со временем Георг станет королем? С этой точки зрения он был самым перспективным женихом Европы.

Поцелуи с кузеном

Щеголя следовало поторапливать. К 1794 году его долг достиг астрономической суммы в шестьсот пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, что по современному курсу равняется сорока миллионам долларов. Эти деньги принц Уэльский бездумно потратил на произведения искусства, дорогостоящее строительство, нарядную одежду, вино и скаковых лошадей. Кризис разразился, когда несколько разгневанных торговцев, которым принц задолжал, подали в парламент петицию, требуя свои деньги обратно. Депутаты согласились оплатить долг только в том случае, если принц женится. Никого, в том числе и Щеголя, особо не заботило, кто будет невестой, лишь бы она была принцессой, протестанткой и имела туго набитый кошелек.

Принцесса Каролина была дочерью могущественного германского герцога и приходилась Георгу двоюродной сестрой. Ее имя первым всплыло при обсуждении кандидаток в невесты, и принц Уэльский, желая избавиться от бремени долгов, сразу же согласился. Если бы он хоть немного разобрался, с кем ему предстоит связать свою жизнь, конфуза при первой встрече можно было бы избежать.

Двоюродная сестра, которой уже исполнилось двадцать шесть лет, была воплощением всего, что ненавидел Георг. Обладая хорошим характером, Каролина при этом отличалась неопрятностью, отсутствием грации в движениях, а ее фигура казалась несколько дородной. Девушка любила флиртовать и уже заслужила репутацию «ветреницы» за свое «слишком вольное» поведение. Дурочкой Каролина не была, но полученные ею

знания смело можно было бы назвать поверхностными. Она любила посплетничать, задавала неуместные вопросы, обладала примитивным чувством юмора, короче говоря, часто вела себя с людьми излишне дерзко, иногда по-детски. К этой премилой картине добавим, что Каролина не умывалась, по крайней мере, не принимала регулярно ванну. Нижнее белье она тоже носила между стирками довольно долго, так что более неподходящих для брака людей, чем Щеголь и Каролина, трудно было бы найти.

Самый худший брак на свете

После знакомства их отношения приняли еще более угрожающий оборот. Когда принц в спешке ретировался, Каролина вслух заявила, что в жизни он толще, чем на портрете. Вечером за ужином девушка старалась казаться остроумной, но на самом деле выставила себя полной дурой. Пьяный Щеголь был холоден и груб. Но спектакль отменять никто не собирался, и спустя два дня, 8 апреля 1795 года, пара обвенчалась. Современники утверждали, что на церемонии бракосочетания жених был «бледен как смерть» и вдрызг пьян. Он неестественно громко разговаривал и готов был расплакаться. Шафера поддерживали его с двух сторон. Впоследствии Каролина утверждала, что первую брачную ночь ее муж проспал, сидя у камина. В свадебное путешествие новобрачные отправились в компании «вечно пьяных и грязных» друзей Георга и… его любовницы.

Как ни странно, но Каролина почти сразу же забеременела. Впрочем, рождение дочери Шарлотты, появившейся на свет 7 января 1796 года, мало чем улучшило их отношения. Через три дня после родов Георг составил новое завещание, оставляя все свое имущество дорогой «жене» миссис Фицхерберт. Каролине же достался «один шиллинг».

К июню 1796 года ненависть Щеголя к жене стала просто безграничной. «Я испытываю к ней глубочайшее отвращение, – писал он. – Все мое тело содрогается при одной только мысли, что мне придется сидеть с ней за одним столом. Даже пребывание с ней под одной крышей для меня мучительно». Антипатия была взаимной. Год спустя они официально начали жить порознь, но то, что соединили Господь Бог и страна, не смог бы расторгнуть ни один человек. Ни король, ни парламент не дали им дозволения на развод. Протестанты, как это ни парадоксально (смотрите раздел об Анне Болейн), относились к разводу крайне

серьезно. К тому же этот брак имел большое дипломатическое значение. Георг и Каролина были навечно прикованы друг к другу.

Как мужчине Щеголю, без сомнения, было проще. Будучи представителем королевского дома, он просто не мог не иметь любовниц. Для Каролины же уличение в супружеской измене означало бы конец обеспеченной жизни, что являлось для нее весьма деликатной проблемой, усугубляющейся еще и тем, что она понятия не имела о том, что такое деликатность.

По дворам европейских монархов поползли нехорошие слухи, а поведение Каролины только еще больше усложняло ее положение. Она часто появлялась на людях с глубоким декольте, позволявшим видеть ее соски. Косметику принцесса накладывала особой лопаткой. Она была радушной хозяйкой, но при этом беззастенчиво флиртовала с мужчинами. Иногда она уединялась на несколько часов с мужчиной-другом, а остальным гостям приходилось вежливо «не замечать» ее отсутствия. Дальше больше… Каролина принялась, как говорят, открыто хвастаться тем, что принимает у себя в постели мужчин, когда ей заблагорассудится, а «принц все это оплачивает». Щедро удобренные подобного рода заявлениями, слухи разрослись и распространились. Поговаривали, что у Каролины есть несколько любовников. Некоторое время дело ограничивалось сплетнями, но Каролина довела ситуацию до скандала, вынудив принца Уэльского подать на развод.

У принцессы была странная привычка подбирать сироток. К ее чести надо заметить, что, судя по всему, ее главной целью было найти им хорошую семью, в которой они могли бы расти. В 1802 году, впрочем, Каролина усыновила младенца по имени Уильям Остин, которого впоследствии знали под фамилией Уилликин, и начала всем говорить, что это ее родной сын. Почему принцесса решила, что ее шутка покажется кому-то смешной, неизвестно. Скорее всего, она хотела устроить маленький скандальчик. Ее доброжелатели, включая свекра короля Георга Третьего, отнеслись к слухам о бастарде как к очередной небылице, а у недоброжелателей не было никаких доказательств.

В 1806 году Каролина совершила чудовищную ошибку, настроив против себя Дугласов, своих недавних друзей и соседей. Именно в обществе леди Дуглас принцесса впервые назвала Уилликина своим сыном. После нескольких месяцев близкой дружбы, однако, Каролине соседи надоели, и она более чем прохладно встретила приехавшую к ней однажды с визитом леди Дуглас. Когда же леди написала Каролине письмо, в котором

намекала насчет того, что знает секреты, которые та не желала бы сделать объектом всеобщего внимания, Каролина повела себя как нельзя глупее. Она начала слать бывшей подруге непристойные, несколько истерические «анонимные» письма, содержащие плохо выполненные рисунки – леди Д. во время сексуальных забав. Дугласы не сомневались в том, кто именно автор этих писем. На одном из них, между прочим, был оттиск королевской печати.

Обиженные Дугласы, которые, кстати говоря, все время находились в стесненном финансовом положении, направились прямиком к принцу и дали понять, что готовы под присягой заявить, будто бы Уилликин незаконнорожденный ребенок Каролины. Ко всему прочему леди Дуглас обвинила принцессу в том, что та прикасалась к ней и пыталась поцеловать так, как этого делать не следует. Вооружившись их свидетельствами, принц Уэльский потребовал расследовать предполагаемую неверность живущей отдельно от него супруги. «Деликатное расследование», как оно официально именовалось, было возложено на тайный правительственный комитет. Допросили всех, начиная от ливрейного лакея Каролины и заканчивая Томасом Лоуренсом, писавшим с нее портрет. Родная мать Уилликина засвидетельствовала под присягой, что отдала своего сына принцессе, когда тому исполнилось четыре месяца. Комитету ничего не оставалось, как снять с Каролины все обвинения. Щеголю не удалось так легко заполучить развод.

Каролина выиграла и другой суд, суд общественного мнения. Хотя расследование должно было вестись втайне, информация о происходящем, как всегда в таких случаях, просочилась в придворные круги. В газетах печатались документы, каким-то образом украденные из комитета. Каролина завоевала симпатии английской публики, представ в роли оклеветанной жены и матери, которой не дают видеться с собственной дочерью. Но в большей мере поддержка объяснялась всеобщей неприязнью к Щеголю. Британский народ и пресса не питали симпатии к дуракам, а особенно к страдающих ожирением пьяницам-дуракам, которые транжирят деньги налогоплательщиков на любовниц и вино. Романистка Джейн Остин в 1813 году писала о Каролине: «Бедная женщина! Я буду всегда на ее стороне, потому что она женщина, а я ненавижу ее мужа».

Жить в вечном бегстве

Несмотря на симпатии простых людей, британская

аристократия относилась к Каролине без особой теплоты. Ее изоляция стала практически полной, после того как в 1811 году Георга Третьего объявили психически невменяемым. Принц Уэльский официально был провозглашен регентом при больном отце, что означало: каждый, кто хотел быть принят при дворе, не должен был быть замеченным в дружеских отношениях с Каролиной. К тому же принцесса совершила непростительное преступление с точки зрения утонченного английского светского общества: она превратилась в зануду. Ее несчастные фрейлины с трудом выносили бесконечные жалобы Каролины на ужасное отношение со стороны членов королевской семьи. Принцесса обожала распространяться насчет того, как она ненавидит всех своих родственников со стороны мужа и на какую ужасную казнь она обрекла бы их, будь на то ее воля. Иногда после ужина Каролина развлекалась тем, что втыкала булавки в восковую куклу, внешним видом напоминавшую мужа, после чего бросала ее в огонь. За это ее бы обезглавили, живи она во времена Анны Болейн. (Смотрите главу «Принцессы-ведьмы» на с. 85.)

В августе 1814 года Каролина покинула Англию и шесть лет провела в путешествиях. Оказавшись в октябре в Женеве, толстая и краснощекая женщина сорока шести лет поставила всех и саму себя в щекотливое положение, когда появилась на балу, который давали в ее честь, «одетая как Венера, то есть обнаженная до пояса». Спустя год английский аристократ, встретив Каролину в Генуе, писал, что это «толстая женщина пятидесяти лет», «низкорослая и краснолицая». На ней был «розовый корсет, едва прикрывающий грудь, и белая юбка, заканчивающаяся чуть ниже колен». Другой путешественник описывает черный парик и «белое платье», разрез которого доходил чуть ли не до живота.

Каролина колесила по Европе и по странам бассейна Средиземного моря. Иногда ее принимали в аристократических домах, но чаще пренебрегали обществом принцессы, особенно когда узнавали о ее странном поведении. К концу 1815 года Каролину покинули последние порядочные люди, которые прежде составляли ее свиту. Теперь принцессу окружал всякий сброд – прихлебатели, авантюристы, бродячие лицедеи, музыканты и темные личности самого низкого происхождения. Принцесса, не таясь, липла при свидетелях ко всем подряд, начиная с короля Неаполя (зятя Наполеона, а значит, врага Англии) и заканчивая лакеем-итальянцем. Так, по крайней мере, болтали между собой люди. Разрыв Каролины с королевским двором был настолько полным, что ей даже не сообщили о предстоящем замужестве ее дочери Шарлотты, которое состоялось 2 мая 1816 года. Когда

Шарлотта умерла во время родов, ее мать жила на вилле в Италии, на берегу озера Комо. О смерти дочери Каролина узнала из газет.

В январе 1820 года умер сумасшедший бедолага Георг Третий. Щеголь стал их величеством Георгом Четвертым. Муж наотрез отказался признавать Каролину своей королевой. В июне того же года его министры предложили женщине астрономическое содержание в пятьдесят тысяч фунтов стерлингов в год (около шести миллионов долларов) за отказ от титула и согласие никогда не возвращаться в Англию. Вместо этого Каролина, пылая праведным гневом, устремилась обратно, истерично вопя о своих попранных правах.

Наказания и взыскания

У Каролины нашлись в Англии сторонники. Несмотря на длительное отсутствие принцессы, британцы полюбили ее еще больше, когда увидели, что эта женщина ничуть не считается с мнением всеми ненавидимой королевской семьи. Возвращение Каролины в Англию сопровождалось уличными выступлениями ее сторонников, большинство из которых вылились в массовые беспорядки. Толпа била камнями стекла во дворце короля и скандировала: «Нерон! Нерон!» Даже армия могла взбунтоваться в любую минуту. А тем временем две главные политические партии страны опоясались мечами. Виги, которые были в то время в оппозиции, приняли сторону Каролины. Тори, королевские любимчики и правящая партия, вступили с ними в полемику. Георг объявил, что скорее отречется от престола, чем позволит Каролине стать королевой.

Перед призраком надвигающегося бунта британское правительство вынуждено было действовать безотлагательно. В августе 1820 года на рассмотрение парламента был вынесен билль о наказаниях и взысканиях, направленный на расторжение брака между Георгом и Каролиной в связи с супружескими изменами последней. Если правительство пыталось таким образом *избежать* скандала, то оно жестоко ошиблось. В результате разбирательств на поверхность вынырнули шокирующие, унизительные подробности. Слуга-итальянец Каролины засвидетельствовал, что предполагаемый любовник его госпожи, лакей-итальянец по фамилии Бергами, не всегда ночевал в своей кровати. Однажды слуга слышал «скрипение скамьи», доносившееся из палатки, в которой в то время находились Каролина и Бергами. Другой свидетель заявил,

что ночные горшки принцессы содержали «больше, чем это доступно получить от одной особы». Третий утверждал, что как-то застал Бергами и Каролину спящими в карете. Ее рука лежала на его «интимном органе», а его – на ее.

А тем временем Каролина выставила себя на посмешище, разрумянив лицо и нацепив на голову ужасный черный парик. Время от времени, когда ничего интересного во время слушаний не происходило, принцесса начинала клевать носом. Впрочем, несмотря на ее, мягко говоря, странное поведение и всю тяжесть доказательств против нее, общественная поддержка Каролины только росла. Происходящее наносило вред репутации короля и его сторонников. Когда стало понятно, что провести билль через обе палаты, палату лордов и палату общин, не удастся, дело замяли.

Впрочем, победа была далеко не полной. Каролина в достаточной мере разбиралась в людях, чтобы понять: у нее есть политические союзники, но нет друзей. Бóльшая часть высшего света старалась держаться от принцессы как можно дальше. Сторонники короля пытались опорочить в прессе всех тех, кто хотел свести с Каролиной дружбу. Поведение принцессы в целом воспринималось неодобрительно.

Популярностью в народе пользовался следующий незамысловатый стишок:

Дорогая королева!
Собирайся поживее,
Уезжай и не греши,
Если сможешь. Гранд мерси!

Но Каролина не вняла совету, и ее унижения на этом не закончились. Двадцатого июля 1821 года, в день коронации короля, ее не пустили в Вестминстерское аббатство. Как обычно, она упрямо отказалась признавать свое поражение, несмотря на то что двери в буквальном смысле слова захлопнулись у нее перед носом. В тот день она написала Георгу: «После оскорбления, которое нанесли королеве сегодня утром, ее величество все же надеется, что король поступит по праву и коронация королевы произойдет в следующий понедельник». Король и не думал этого делать. Менее месяца спустя Каролина умерла, разочарованная и всеми покинутая. Ей было всего пятьдесят три года. Все лето она страдала от болей, вызванных запорами. Возможно, это был рак.

Умерев, Каролина одержала победу, по крайней мере, оправдавшись в глазах потомков. Британцы повсеместно скорбели

о ее безвременной кончине. Даже аристократы, чьей дружбы она лишилась, теперь вспоминали о несчастной женщине с толикой сожаления и сострадания. С другой стороны, когда спустя девять лет умер Георг Четвертый, никто не пролил ни единой слезинки. В «Таймс» писали: «Не было еще человека, о кончине коего сожалели бы менее, чем о смерти покойного короля».

Смерть в Викторианскую эпоху

Девушка, которая родилась от несчастливого брака между принцессой Каролиной Брауншвейг-Вольфенбюттельской и принцем Уэльским, с самого начала была обречена на нелегкую судьбу. И Шарлотта, испорченная непоседа с тем еще характером, не обманула плохих предчувствий. Первые годы своей жизни девочка была заложницей в борьбе, которую вели ее отец и мать. Принц одержал победу, и Шарлотта оказалась на его попечении.

После этого девочка превратилась в узницу, которую то и дело перевозили из одного мрачного поместья в другое. Почти все в ее жизни находилось под неусыпным контролем со стороны отца и женщин, которых он назначал по своему усмотрению. Девочка внешне была похожа на мать, поэтому привязанности отец к Шарлотте не испытывал. Он заговаривал с ней только тогда, когда дочь совершала какой-нибудь проступок. Ничего не делалось ради счастья и удобства Шарлотты.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы ее мать была преисполнена любви к собственной дочери. После того как Шарлотте исполнилось десять лет, Каролина приезжала всего раз в неделю, чтобы увидеться с ней. В 1814 году, когда мать отправилась путешествовать по континентальной Европе, Шарлотта писала: «Я очень обижена. Она поступает со мной так, словно я ничто». А тем временем Георг собирался выдать дочь замуж за Виллема, наследного принца Оранского. При первой встрече этот тощий юноша показался Шарлотте до такой степени уродливым, что она с трудом заставляла себя не отводить от него глаз, пока Виллем с ней беседовал.

Наметившаяся помолвка так и не состоялась. Тогда появился другой жених, которого Шарлотта сразу же полюбила. Принц Леопольд Саксен-Кобург-Заальфельдский был на семь лет старше ее. Жениху удалось сгладить неровности ее воспитания, и вскоре девушка расцвела в рассудительную, женственную и приятную в обхождении принцессу. А потом история приняла печальный оборот: после восемнадцати месяцев радостей супружеской жизни Шарлотта умерла во время родов. Ее сын

тоже не выжил.

Горе нации было огромным. Шарлотта в определенном смысле представляла собой надежду людей на счастливое будущее монархии. Большая любовь к ней была полной противоположностью той неприязни, которую британцы испытывали к ее отцу. Если бы Шарлотта не умерла во время родов, то стала бы королевой. После ее смерти у Георга Третьего не осталось законнорожденных наследников. Тем временем четвертый сын Георга, Эдуард, женился на особе королевской крови. От этого брака родилась Александрина Виктория, пятая в линии престолонаследия. По прошествии двадцати лет после смерти Шарлотты (а также ее дядей) молодая принцесса Александрина стала королевой Викторией. Дольше нее Британией никто не правил (пока что). Без нее, вполне возможно, страна не испытала бы на себе многого из того, что традиционно связывают с викторианской эпохой, начиная от рождественской елки и заканчивая подавлением сексуальности.

Полина Бонапарт (20 октября 1780–9 июня 1825) Княгиня-эксгибиционистка

Империя Наполеона

В 1804 году выдающемуся скульптору Антонио Кано́ва было поручено изваять в мраморе Полину Бонапарт, младшую сестру великого императора Наполеона и по мужу итальянскую княгиню. Полина хотела предстать в образе Venus Victorious, победоносной богини любви. В то время Полина находилась на пике своей красоты: гибкие, длинные конечности, маленькая грудь, молочного цвета кожа, чудесное сложение. Все это Полина Бонапарт называла «дарами природы» и желала продемонстрировать себя всем желающим.

Канова, впрочем, счел, что полуобнаженная богиня любви может шокировать светское общество. Он предложил изобразить Полину в образе Дианы, облаченной в одежды девственной богини луны и охоты. Княгиня презрительно усмехнулась и ответила: «Никто не поверит в мое целомудрие».

Она была совершенно права. Полина Бонапарт приказывала своему рослому слуге носить ее совершенно голую в ванну. Ходили слухи, что эта женщина переспала с половиной карибской колонии Сан-Доминго. На портрете ее изобразили одетой в изготовленное из полупрозрачной ткани платье, через которую видны ее соски. В этом пеньюаре ее часто видели при дворе. Она заказала мастеру изготовить кубок в форме ее груди. Мужчин, пришедших к ней в гости, Полина могла принять голой, нежась в ванне. Враги Наполеона имели достаточно поводов злословить, утверждая, что Полина в четырнадцатилетнем возрасте работала проституткой в марсельском борделе. Поговаривали даже, что у нее была интимная связь с братом.

Что касается скульптуры, то Полина, как всегда, настояла на своем. Канова изваял ее лениво полулежащей на кушетке со спинкой вместо изголовья. Выше пояса она полностью обнажена. Одна голая и босая нога вытянута. Только кусок ткани прикрывает самое интимное место, впрочем, это, скорее всего, было продиктовано не скромностью Полины. Когда летом на всеобщее обозрение была выставлена алебастровая модель скульптуры, это вызвало небольшую сенсацию в Париже

и провинции.

Полине это польстило.

Дорога к титулу

В детстве Полину звали Паолетта. Время, на которое приходился ранний период ее жизни, определялось на острове Корсика политическими беспорядками. Когда девочке исполнилось тринадцать лет, ее семья вынуждена была перебраться на юг Франции, после того как партизаны сожгли их дом. Полина до конца своих дней помнила, как ее близкие на правах беженцев жили в небольшом домике, всецело завися от благотворительности города и зарабатывая себе на скудное существование тем, что за плату стирали грязное белье чужаков.

Повзрослев, Полина превратилась в плохо образованную, помешанную на своей сексуальности стервочку. Но она была красива, а имея брата-генерала революционной армии, чья звезда находилась на подъеме, Полина и сама замахнулась на то, чтобы занять в обществе видное место, особенно если попутно это даст ей возможность наряжаться.

В июне 1797 года, в возрасте семнадцати лет, Полина Бонапарт вышла замуж за генерала Шарля Эммануэля Леклерка, блестящего молодого военного новой армии, прозванного Белокурым Наполеоном. Брак не сделал ее отношение к жизни более серьезным. Современник вспоминает, как однажды вечером во время ужина Полина без остановки болтала, смеялась без всякого повода, передразнивала старших и, когда невестка ее брата не смотрела на свою золовку, показывала язык. «Она была лишена всякого понятия о моральных принципах, а если поступала как положено, то лишь по воле своей капризной натуры».

После переезда в Париж поведение Полины только ухудшилось. Теперь она не соглашалась находиться в одной комнате с женщинами, которые могли бы соперничать с ней красотой. Когда сама составляешь список гостей, этого добиться легче легкого, поэтому Полина начала давать балы и званые вечера. Кроме развлечений и покупки многочисленных платьев, молодая женщина увлекалась любовными похождениями. Хотя «малыш Леклерк» вполне удовлетворял ее как мужчина, Полина не стесняясь раздаривала себя всем желающим. Когда же ее муж бывал в отлучке в действующей армии, Полина сама набрасывалась на мужчин Парижа. Согласно одной сплетне, однажды она завела роман с тремя генералами и вертела ими,

как хотела. Когда мужчины узнали о существовании соперников, они ее бросили.

Единственным, что сдерживало любвеобильность Полины, был страх перед гневом брата. Он был солнцем, вокруг которого по орбите вращалась его сестра. Когда в 1798 году у Полины и Леклерка родился сын, мальчик оставался без имени до тех пор, пока Наполеон, его дядя и крестный отец, не нарек его Дермидом. Старший брат заменил Полине отца. Он был главой и покровителем семьи, единственным человеком, способным пристыдить ее и заставить повиноваться. Хотя они часто ссорились, Полина по-настоящему любила своего брата.

Островная жизнь

И ее привязанность к брату была вознаграждена. В конце 1799 года, после переворота, положившего конец республиканскому правлению, Наполеон объявил себя первым консулом. Теперь он оставался единственной звездой на небосводе Франции, и Полина урвала свою долю его власти. После нескольких лет безуспешных попыток добиться назначения на пост, обещающий славу и богатство, муж сестры Наполеона получил назначение на должность генерал-губернатора колонии Сан-Доминго на острове Гаити. Это назначение могло оказаться очень выгодным, при условии, конечно, что Леклерк смог бы там выжить.

В 1791 году после восстания рабов под предводительством Туссена-Лувертюра Сан-Доминго сбросило с себя власть Франции. Но французы не собирались спускать рабам с рук неповиновение, особенно если учесть тот факт, что на Сан-Доминго располагались дающие большую прибыль плантации, на которых выращивали кофе, сахар, индиго и хлопок. В 1801 году Наполеон решил вернуть Франции колонию. Из бывшей метрополии на кораблях было послано тридцать тысяч солдат во главе с Леклерком. Полина плыла вместе с мужем. Когда французы прибыли на остров в феврале 1802 года, открывшееся перед ними зрелище никого не смогло оставить равнодушным. Скорее уж это выглядело не как райский остров, а как преддверие ада. Ле-Кап, столицу колонии, повстанцы предпочли сжечь дотла, лишь бы она не досталась французам. На подавление восстания потребовалось сорок дней. Туссен-Лувертюр попал в плен, а Леклерк пообещал не восстанавливать рабство в колонии. Но тут в дело вмешался куда более опасный враг – москиты. Начался сезон желтой лихорадки. Каждый день уносил в могилу от пятидесяти до ста

человек. За несколько недель умерло около двадцати пяти тысяч солдат.

А тем временем Полина правила колонией так, словно была ее королевой. Она давала балы и устраивала музыкальные вечера, вскоре еще больше упрочив репутацию отпетой распутницы. Недоброжелатели Наполеона впоследствии утверждали, что на острове Полина вступала без разбора в интимные связи с мужчинами и женщинами, переспала со всеми офицерами, а музыкальные вечера на самом деле были разнузданными оргиями. Слухи не имели ничего общего с реальностью: люди умирали как мухи, и им было не до секса.

А тем временем жизнь на Сан-Доминго стала почти невыносимой. Бунтовщики вновь подняли восстание. Несмотря на реальную опасность и настойчивые увещевания мужа, Полина решила остаться. Ей очень нравилось играть роль «первой леди», даже если ее «парадиз» изобиловал рассвирепевшими инсургентами[48] и смертельно опасными насекомыми. Шестнадцатого сентября мятежники пошли в наступление на недавно отстроенную столицу. Полина отказалась покидать дворец, прекрасно осознавая, что, если повстанцы возьмут город, они изнасилуют ее и убьют ее ребенка. Другие женщины молили дать им возможность спастись бегством. Полина, в припадке не то храбрости, не то глупости, насмехалась над ними: «Я сестра Бонапарта и ничего не боюсь». Когда звук оружейной стрельбы приблизился, она повернулась к секретарю мужа и приказала ему убить ее и сына, если бунтовщики ворвутся во дворец. Маленький Дермид, сидя на руках у солдата, играл плюмажем на его кивере.

В последний момент, когда французский охранник обдумывал возможность затащить упирающуюся Полину в вельбот и грести к ожидающему их судну, появился Леклерк и объявил, что французы одержали победу, а мятежники спасаются бегством. «Я поклялась не возвращаться во Францию без тебя», – со слезами на глазах заявила Полина. Так и вышло, но только не в том смысле, который вкладывала в свои слова жена. Леклерк подхватил желтую лихорадку и умер 1 ноября 1802 года. Семь дней спустя плачущая Полина, ее сын и гроб с телом ее мужа отплыли во Францию. Перед отбытием из Сан-Доминго женщина обрезала свои длинные темные волосы и поместила их в гробу рядом с телом Леклерка. Что же до колонии, то Франция навсегда потеряла ее в следующем году.

Полина на самом деле горевала по мужу, но женщина ее темперамента просто не в состоянии долго предаваться печали. Ей было всего двадцать два года. Она блистала красотой и, что еще важнее, была нужна брату в его далеко идущих

политических планах. Полина во вдовьем одеянии не устраивала Наполеона. Он решил выдать ее замуж за своего союзника-князя и таким образом упрочить положение империи.

Княгиня Дотрога

Князь был красив, богат и имел обширные связи. А еще он был глуп как осел. Камилло Боргезе происходил из знатнейшего римского рода, а Наполеону позарез надо было помириться с итальянскими княжествами и городами-государствами, недовольно ропщущими под властью Франции. Заполучить в зятья князя Боргезе казалось удачным шагом. Полина не отказалась помочь брату, особенно когда узнала, что у ее будущего мужа есть деньги, дворец и сундук, полный семейных драгоценностей.

Полина повторно вступила в брак в августе 1803 года, менее чем через год после смерти Леклерка, и переехала жить в Италию, на виллу князя. Спустя пару месяцев она поняла, что люди не ошиблись, говоря, что князь Боргезе – дурак. Второй брак также не исправил ее, и молодая княгиня занялась своим любимым времяпрепровождением, часто меняя воздыхателей. После очередного закончившегося публичным скандалом амурного приключения Полины Наполеон запретил сестре бросать мужа и возвращаться в Париж, оставив все ее жалобы на «сложный, несговорчивый характер» Камилло без внимания. Как бы в то время молодая княгиня ни относилась к своему «пресному» мужу, очень скоро ее антипатия сменилась ненавистью. А причиной тому послужило следующее обстоятельство. В то лето, когда полуобнаженная скульптура Полины вызвала в светском обществе Италии и Франции приятный переполох, умер Дермид. До матери эта новость добиралась долгих десять дней.

Прежде Камилло, который не испытывал теплых чувств по отношению к маленькому мальчику, убедил Полину оставить сына на попечении Наполеона. Супружеская пара поехала поправить здоровье на минеральные воды в популярный город-курорт. Пока они отсутствовали, Дермид заболел, у него поднялась температура и мальчик умер. Боясь гнева супруги, Камилло утаил смерть ребенка от жены. Как оказалось, он был совершенно прав. Когда Полина узнала о случившемся, она пришла в неописуемую ярость: «Убирайтесь отсюда, мессир! Вы мне противны! Не хочу вас видеть! Вы убили моего сына!» После этого Полина совершенно раскисла. Она снова обрезала

себе волосы и настояла на том, чтобы их положили в гроб Дермида. Женщина угрожала навсегда удалиться от светской жизни, но вмешался ее брат и настоял, чтобы сестра присутствовала на его коронации. Полине пришлось отказаться от прежде принятого решения.

После смерти Дермида ни о какой сердечности между четой Боргезе не могло быть и речи. К 1806 году Полина величала своего мужа не иначе как «Его Благостный Идиотизм». Когда Камилло отправлялся на войну с Пруссией, его супруга при свидетелях попросила брата устроить так, чтобы ее муж «завершил свою никчемную жизнь, приняв славную смерть». Если князь указывал в письмах к ней «Княгине Боргезе», она отсылала их обратно без прочтения. Вскрытия удостаивались только письма, адресованные «ее императорскому высочеству принцессе Полине». Этим титулом брат «наградил» сестру в 1806 году.

Если княгиня Боргезе и прежде не отличалась целомудрием, то теперь ее измены мужу стали куда более частыми. Любвеобильность Полины вошла в легенду. Среди допущенных до ее тела значились Тома́-Александр Дюма, знаменитый генерал-мулат, отец автора «Графа Монте-Кристо», еще несколько генералов, находящихся в подчинении у ее мужа, управляющий княжеским двором, парочка знаменитых актеров, несколько музыкантов, множество князей и представителей не столь пышно титулованной аристократии. Если никого не было под рукой, мог сгодиться и секретарь ее первого мужа Леклерка. Короче говоря, всякий, кто бы ни пожелал, имел весьма высокие шансы на благосклонность Полины. Она быстро влюблялась и так же быстро остывала. От брата она старалась скрывать свои любовные похождения, но, как бы там ни было, слухи до Наполеона доходили. Те, кто оказывался в постели Полины, часто после этого призывались в действующую армию и отправлялись на фронт.

Ходили слухи, будто бурная половая жизнь настолько ослабила Полину физически, что ходьба давалась ей с трудом. Именно вследствие этого княгиня Боргезе так часто подолгу валялась, не вставая, в своей постели и приказывала, чтобы ее носили на руках. Вполне возможно, что на этот раз сплетники были правы. После рождения Дермида женщину постоянно мучили боли в области таза. Некоторые ее биографы считают, что причиной этих болей мог послужить сальпингит, воспаление маточной трубы. Вследствие этого ходить Полине и впрямь было больно. Впрочем, сальпингит мог возникнуть и из-за беспорядочной половой жизни, неизбежно приводящей к заражению венерическими заболеваниями. Единственным

средством от болей было бы отказаться от своих любовных похождений, но на это Полина ни за что бы не согласилась.

Среди прочих в списке ее любовников мог оказаться собственный брат. По крайней мере, императрица Жозефина божилась, что ловила Наполеона и его сестру на горячем, а другой придворный утверждал, что Полина призналась ему в связи с братом. Один из ее биографов-современников не исключает такой возможности, учитывая беспорядочную половую жизнь обоих и глубокую привязанность, которую они испытывали друг к другу.

Как бы там ни было на самом деле, факт остается фактом: Наполеон был очень привязан к своей сестре. Несколько раз он вмешивался, спасая Полину от кредиторов. Не давая воли чрезмерному недовольству, Наполеон часто оплачивал неимоверные счета, которые накапливались во время поездок сестры. Полина, без сомнения, любила сорить деньгами. Она приобрела яхту, на палубу которой так никогда и не ступила, постоянно разъезжала по городам-курортам и давала пышные, дорогостоящие балы. Если добавить к этому подчеркнутый шик в каждодневной жизни, который могут позволить себе только царственные особы и примадонны, а также ее чрезмерную требовательность, то впечатление будет еще то. Так, к примеру, Полина принимала молочные ванны, что, как вы понимаете, вызывало множество неудобств. Однажды она заехала в гости к незадачливому родственнику и потребовала, чтобы тот раздобыл молоко для ее ванны, а затем устроил все, чтобы можно было принять душ. Бедолага начал оправдываться тем, что подобное оборудование в его доме отсутствует. «Нет ничего проще, – заявила Полина. – Прикажи проделать отверстие в потолке над моей ванной, а когда я буду готова, пусть твои слуги льют сверху на меня молоко». Переночевав, Полина Боргезе поехала дальше, оставив после себя дыру в потолке и неприятный запах скисшего молока.

Путешествовать с царственной привередницей тоже было не особенно приятно. Полина имела гадкую привычку то и дело останавливаться, для того чтобы из кареты ее пересадили в паланкин или помогли поправить предметы туалета, а также чтобы она могла вздремнуть на лугу. Ради удобства во время сна Полина использовала тела своих слуг вместо мебели. Она приказывала одному своему телохранителю сесть выпрямившись, а второй ложился так, чтобы княгиня могла использовать его живот вместо скамеечки для ног. Класть свои ноги на людей было одним из ее любимых занятий. Одна герцогиня вспоминала, как, войдя в будуар княгини, застала ее

фрейлину лежащей на полу. Ноги Полины отдыхали на ее горле. Бедняжка весело заявляла, что уже свыклась с этим.

Балы в изгнании

Впрочем, несмотря на все ее недостатки, у Полины была одна очевидная добродетель – верность брату. Когда фортуна повернулась к Наполеону спиной, его сестра единственная не покинула его в беде. Когда император развелся с женщиной, которую любил, из-за необходимости обзавестись наследником, Полина дала по крайней мере десять грандиозных балов, ради того чтобы его порадовать, хотя, если уж на то пошло, Жозефину она недолюбливала. Несмотря на то что Полина скептически смотрела на императорские притязания своего брата, она продала свои драгоценности ради того, чтобы оплатить расходы на его военные кампании. Расточительные люди иногда бывают неплохими инвесторами.

Даже когда силы внутри Французской империи ополчились против ее брата, Полина осталась ему верна. В апреле 1814 года просидевший лет десять на императорском троне Наполеон был низложен и отправился в изгнание на скалистый, но красивый остров Эльба, расположенный неподалеку от итальянского побережья. Полина отправилась в изгнание вместе с ним. «Если он позволит, я последую за ним и никогда его не оставлю… Я люблю его не потому, что он мой суверен, а потому, что он мой брат». Желая собрать побольше денег, Полина распродала свою недвижимость и бóльшую часть драгоценностей. Так же, как и в Сан-Доминго, Полина стала первой светской львицей острова Эльба, устраивая балы, театральные представления и приемы ради императора-изгнанника. Она завела себе двор из представителей самых видных семей острова, различных прихлебателей и выгнанных со службы французских императорских офицеров. Наполеон даже пожаловал ей шутливый титул «распорядительница развлечений на острове Эльба», что на языке XIX века звучало примерно как «менеджер круиза на лодке любви».

Маленькое островное королевство просуществовало недолго. В феврале 1815 года Наполеон готов был снова попытать счастья и вернуть себе империю. После ста дней у власти он потерпел поражение в битве при Ватерлоо. В обивке кареты, которую покинул Наполеон, осталось зашитым бриллиантовое ожерелье, которое сестра дала ему, чтобы оплатить его авантюру.

Для императора, Полины и Бонапартов в целом все было

кончено. Поездка вместе с Наполеоном на остров Святой Елены не подлежала обсуждению, но княгиня постоянно засыпала британские власти просьбами позволить ей последовать за братом. А тем временем ей пришлось задуматься над тем, как жить дальше, после того как натерпевшийся от нее муж подал на развод. В июне 1816 года суд принял решение о раздельном проживании супругов. По существу, Полина выиграла дело. Ей достался дворец князя Боргезе и ежегодные выплаты на сумму двадцать тысяч франков.

После того как ее положение упрочилось, последующие несколько лет Полина провела, предаваясь развлечениям, посещая минеральные воды и пытаясь выхлопотать помилование брату. В этом она не преуспела. Наполеон умер 5 мая 1921 года в изгнании. Новость дошла до сестры только несколько месяцев спустя после его смерти. После этого свет померк. Из-за переживаний княгиня похудела, а ее красота быстро увяла. Полина потребовала, чтобы знаменитую скульптуру работы Канова, ту самую, которую она так прежде любила демонстрировать всем желающим, убрали куда подальше. Хотя любовники у нее не перевелись, а иногда она, как и прежде, принимала пришедших к ней в гости мужчин, лежа в ванне, бурная веселость и тяга к развлечениям увяли. Ее здоровье, которым Полина не могла похвастаться и в лучшие свои годы, слабело на глазах.

Конечно, Полина была ленивой, тщеславной женщиной, главными страстями которой были деньги и секс, но не надо забывать и о ее преданности семье. Когда близким ей людям угрожала опасность, эта женщина становилась воистину бесстрашной. Полина Боргезе умерла в возрасте сорока четырех лет. Перед смертью она мучилась от постоянной боли. От ее былой красоты не осталось и следа. В ее завещании, впрочем, недвусмысленно указывалось на тех, кого она ценила больше всего в жизни. Она раздала членам семьи всю свою собственность, включая дворец, который вернулся князю. С Камилло княгиня помирилась незадолго до своей смерти. Ее многочисленным любовникам не досталось ничего.

Маргарет (21 августа 1930–9 февраля 2002) Принцесса, ставшая виновницей ограбления банка

Великобритания

Это ограбление попало в заголовки газет, и на то были весомые причины. В ночь на субботу 11 сентября 1971 года шайка воров пробралась по туннелю в подвал с индивидуальными сейфами в «Ллойдс банке» и сорвала огромный куш. Преступники сняли помещение на первом этаже через два дома от банка на углу Бейкер-стрит и Мэрилебон-роуд. Под прикрытием ремонта они прорыли туннель в сорок футов длиной, который проходил под рестораном «Чикен инн», и проникли в банковский подвал. На месте преступления осталась надпись: «Пусть Шерлок Холмс попытается нас найти».

Точно установить стоимость содержимого банковских ячеек не представлялось возможным. Сначала посчитали, что воры унесли с собой разных ценностей на полмиллиона фунтов стерлингов. На самом деле грабителям досталось около трех миллионов, что по современному курсу равно пятидесяти одному миллиону долларов. Помощь легендарного детектива не понадобилась. В 1973 году были арестованы и посажены в тюрьму четверо подозреваемых. Впрочем, их главаря так никогда и не поймали.

Прошло всего четыре дня после ограбления, а газеты, кажется, утратили всякий интерес к сенсационному событию. В мире британской бульварной прессы это было сродни чуду.

Просочились слухи, будто власти дали понять средствам массовой информации, что разглашение подробностей преступления может нанести вред национальной безопасности. Несколько журналистов из лондонского отделения «Таймс» не послушались совета, но в целом историю, как говорится, замели под половичок. В чем же дело?

Продюсеры выпущенного в 2008 году на экраны кинотеатров детективного фильма «Ограбление на Бейкер-стрит» уверяют, что знают ответ на волнующий всех вопрос: дерзкое ограбление было организовано Британской службой безопасности, более известной как МИ5, с целью похищения фотографий,

компрометирующих принцессу Маргарет, заблудшую младшую сестру королевы Елизаветы Второй.

По сюжету фильма Маргарет, чей брак стремительно катился под гору, весело провела время на карибском острове Мюстик.

Итогом этого приключения стали нечеткие фотографии, на которых принцесса резвится в обществе неизвестных мужчины и женщины. Недавно прошел слух, что если ограбление организовала МИ5, то с Маргарет был Джон Биндон, мелкий преступник, который тоже бывал на острове. Биндон заявлял, что в 1972 году он закрутил роман с принцессой, в подтверждение чего у него имелись фотографии интимного характера.

Было ли ограбление организовано секретной службой в интересах короны? Продюсеры фильма утверждают, что получили информацию от «человека изнутри», но продюсеры любят говорить такое при любом удобном случае.

Как бы там ни было, нельзя отрицать тот факт, что имя принцессы Маргарет часто появлялось на страницах британской бульварной прессы. Еще до того, как принц Гарри на своем горьком опыте узнал, что не все, случившееся в Лас-Вегасе, в Лас-Вегасе остается, сестра его бабушки доставляла обитателям королевского дворца серьезные неприятности.

Хмурые небеса

Маргарет родилась в конце лета 1930 года. В тот день разразилась нешуточная гроза. Если вы склонны видеть в этом предзнаменование, то можно сказать, что всю свою жизнь принцесса прожила под хмурыми небесами.

Когда Маргарет исполнилось шесть лет, ее дядя Дэвид, более известный как король Эдуард Восьмой, отрекся от престола из-за своего нежелания расстаться с дважды разведенной американкой, к тому же питавшей симпатию к нацистам. Отец принцессы Берти стал королем Георгом Шестым, ее старшая сестра Елизавета – наследницей престола. А что же Маргарет? Придворные слышали, как она кричала: «Папа – король, а я? Я пустое место?»

Несмотря на королевскую кровь, в семье случился кризис, знакомый многим родителям не понаслышке. Елизавета, которая была на четыре года старше своей сестры, росла серьезным, преисполненным осознания важности возложенных на нее обязанностей ребенком. Маргарет всегда была испорченной проказницей, от которой никто не ожидал ничего путного. Сестры часто дрались из-за того, что Маргарет кусалась. Елизавета

жаловалась: «Маргарет всегда хочет того же, что и я». Детство у них было счастливое настолько, насколько это вообще возможно. Маргарет увлекалась музыкой, любила комиксы о пиратах и с детства была большой шутницей. В 1939 году, когда война заставила королевскую семью перебраться в Виндзорский замок, Маргарет твердила: «И кто такой этот Гитлер? Почему он нам все испортил?»

В то время как Елизавету готовили к тому, чтобы она со временем заняла трон Великобритании, Маргарет была предоставлена самой себе. Когда принцессе исполнилось двадцать лет, ее старшая сестра уже была замужем и имела двух детей. Таланты Маргарет сводились к умению танцевать модные танцы и весело, непринужденно вести себя в обществе. Единственной ее целью в жизни было выйти замуж за богатого аристократа. В ожидании этого события принцесса посещала разного рода увеселительные заведения, клубы и вечеринки. Она уезжала оттуда в четыре часа утра. Маргарет видели курящей в общественных местах. Короче говоря, она весело проводила время.

Долг зовет

Первый мужчина, в которого влюбилась Маргарет, не был богатым аристократом. Он происходил из среднего класса и был молодцеватым летчиком-истребителем, сбившим первый немецкий бомбардировщик над Британией. Питеру Таунсенду пошел уже двадцать девятый год, когда он устроился на работу к ее отцу на должность шталмейстера. Он был значительно старше тринадцатилетней принцессы Маргарет и к тому же уже женат. Девочка «по уши втрескалась» в героя. Через несколько лет ее увлечение перерастет в настоящую любовь. Питер Таунсенд сопровождал принцессу на различного рода официальные мероприятия. К тому времени он стал помощником дворцового эконома, и Маргарет часто видели неподалеку от его кабинета.

Когда принцессе исполнилось двадцать два года, их роман начал принимать серьезный оборот. Брак Таунсенда потерпел фиаско, а Маргарет уже не была ребенком. Сначала казалось, что королева-мать и Елизавета (которая после смерти отца, случившейся 6 февраля 1952 года, фактически стала королевой) согласны смириться с этим браком, но Маргарет не была частным лицом и не могла самостоятельно принимать решения. Этот случай как нельзя лучше освещает странности жизни современных особ королевской крови.

Согласно Королевскому закону о браках от 1772 года, до достижения двадцатипятилетнего возраста Маргарет не имела права выходить замуж без согласия королевы. После этого предстояло получить согласие британского парламента, а также парламентов стран Содружества. Королева не могла помочь сестре, потому что являлась также главой англиканской Церкви, а развод Таунсенда противоречил церковным уложениям. Елизавете пришлось посоветоваться с премьер-министром Уинстоном Черчиллем, который предложил не давать своего согласия до коронации, назначенной на 2 июня 1953 года.

Странно думать о том, что страна, пережившая Вторую мировую войну, будет тревожиться из-за замужества двадцатидвухлетней женщины, пусть даже и королевской крови. Но Великобритания пережила в 1936 году кризис, вызванный отречением короля от престола. Несмотря на попытки держать все в секрете, британская пресса проведала о сердечных муках Маргарет. Согласно Би-Би-Си, слухи начали циркулировать после того, как люди увидели, как Маргарет смахивает ворсинку с пиджака Таунсенда во время коронации Елизаветы. В прессе накапливались нелицеприятные высказывания. В одной газете писалось: «Трудно вообразить себе, что принцесса, третья в линии престолонаследования, может хотя бы гипотетически думать о возможности выйти замуж за разведенного мужчину». Государство встало на дыбы, для того чтобы разлучить любовников. В июле 1953 года Таунсенд получил место за границей. Любовники не виделись целый год.

Маргарет ждала. Когда ей наконец исполнилось двадцать пять лет, принцессе осторожно дали понять, что парламент никогда не одобрит ее брака с Таунсендом. Более того, у политиков на сей счет сложилось свое мнение. Принцессе сообщили, что бóльшая часть британского политикума взбунтуется, если она выйдет замуж за разведенного мужчину. Оставалась возможность вступить с ним в брак, но только в гражданский. Результатом этого шага для Маргарет стала бы потеря всех прав на престол, привилегий, которыми она обладала в качестве принцессы, и, что наиболее существенно, материального достатка. Подобно дяде, Маргарет пришлось бы уехать за границу на неопределенный срок. От нее требовали слишком многого. Тридцать первого октября 1955 года вещание Би-Би-Си было прервано, после чего дикторы зачитали заявление принцессы, в котором народу сообщалось о принятом Маргарет решении не выходить замуж за Таунсенда. «Я отдаю себе отчет в том, что, даже отказавшись от права престолонаследования, смогу сочетаться с ним лишь гражданским браком. Осознавая,

что, согласно учению Церкви, церковный брак является нерасторжимым, и принимая обязанности перед Британским Содружеством Наций, я решила следовать своему долгу».

Маргарет всегда получала все, что хотела, за исключением любви. «Если бы мне разрешили выйти замуж за Питера, то, я уверена, мы были бы счастливы», – впоследствии жаловалась она. Кто знает? Возможно, все сложилось бы по-другому. В ее жизни брак долгим не был.

Свингующие шестидесятые

Официальная биография Маргарет немногословна. Шестого мая 1960 года в соборе Вестминстерского аббатства состоялось венчание принцессы и Энтони Армстронга-Джонса. У них родилось двое детей. Развод был оформлен в 1978 году. Голые факты без компрометирующих подробностей.

Что же на самом деле произошло? После романа с Таунсендом принцесса обнаружила, что потенциальных женихов не так уж и много. Пока она ждала разрешения на брак, всех симпатичных молодых людей, которые в прежние времена за ней ухаживали, расхватали другие женщины. Принцесса снова с головой окунулась в развлечения. Она посещала ночные клубы, где танцевала ча-ча-ча, джиттербаг, джайв и чарльстон. Когда после одного из своих выступлений Луи Армстронг познакомился с Маргарет, у него сложилось впечатление, что принцесса – «вполне современная девушка». Маргарет любила выпить. Она бы неплохо пела, если бы не хрипотца, вызванная многолетним пристрастием к сигаретам. Все эти развлечения не мешали принцессе исполнять ежедневные обязанности по открытию школ и разбиванию бутылок шампанского о борта кораблей. Свою обиду на сестру Маргарет выказала тем, что на празднование десятой годовщины свадьбы Елизаветы приехала за полночь и оставалась там не дольше часа.

Маргарет повстречала своего будущего мужа Энтони Армстронга-Джонса на приеме, на котором он работал в качестве фотографа. Она не обратила на мужчину внимания. В следующий раз их пути снова пересеклись на приеме. Вот только теперь Энтони был в числе приглашенных гостей. В то время Армстронг-Джонс был восходящей звездой на небосводе светской фотографии. Его снимки печатались в таких глянцевых журналах, как «Татлер». Вскоре они с Маргарет стали друзьями. Принцесса часто появлялась в его студии-квартире, расположенной в лондонском районе Пимлико.

Армстронг-Джонс, или попросту Тони, не был похож на тех мужчин, с которыми обычно общалась Маргарет. Выехав из своей студии, например, он снял комнату в доме своего приятеля, расположенном в лондонском Доклэндсе. Там ему приходилось делить туалет с владельцем дома. Такая обстановка разительно отличалась от шотландских замков и величественных загородных поместий, в которых Маргарет выросла. Тони был сыном преуспевающего адвоката. Это говорило в его пользу. Но его родители развелись, а это уже был минус. Армстронг-Джонс настолько не был похож на людей, с которыми водила знакомство Маргарет, что один из ее друзей заставил фотографа войти в дом через вход для слуг, когда Тони приехал в гости к принцессе. Но с ним всегда было весело, а еще… Когда принцесса узнала, что Питер Таунсенд снова женился, она решила выйти замуж за Армстронга-Джонса. На этот раз ее семья возражать не стала.

Свадьбу отметили пышной церемонией, состоявшейся 6 мая 1960 года в соборе Вестминстерского аббатства. Первенец Маргарет родился спустя год. За несколько недель до этого ее мужу пожаловали титулы графа Сноудона и виконта Линли. (В самом деле, не может же ребенок родиться без подобающего титула!) Тони между тем, не желая сидеть на чужой шее, зарабатывал на жизнь, делая фотографии, а впоследствии стал продюсером документальных фильмов.

Некоторое время они жили счастливо. Тони и Маргарет завели знакомство со всеми знаменитостями свингующих шестидесятых – комедиантом Питером Селлерсом, писателем Гором Видалом, модельером Мэри Куáнт, Ага-ханом[49] и другими. Их вечеринки не обходились без спиртного (ее идея) и таблеток (его идея). У них были бурные сексуальные отношения, иногда выходящие за рамки брака.

Принцесса и панк

Трещины, начавшие разрушать их брак с середины шестидесятых годов, углубились к концу десятилетия. Супруги оставались вместе ради детей и страны, поскольку развод до сих пор осуждался обществом, но у каждого из них появились связи на стороне. Тони закрутил роман с двадцатитрехлетней девушкой, а Маргарет близко общалась с мужчинами, более подходящими ей по возрасту и социальному статусу. Много времени она проводила на карибском острове Мюстик, обитатели которого славятся склонностью к гедонизму[50]. Там у нее была недвижимость, подаренная другом в качестве свадебного подарка.

К 1973 году друзья решили, что Маргарет нужен постоянный любовник. Они познакомили принцессу с Родди Ллевелином, изысканным мужчиной неопределенной сексуальной ориентации, который к тому же был на семнадцать лет моложе ее и мечтал стать панк-рок-музыкантом. Впервые Маргарет и Родди встретились в шотландском поместье друзей принцессы. По завершении недели оба влюбились друг в друга. Рассказывают, что их встреча была предопределена судьбой. За пять лет до этого Родди ходил к гадалке, которая предрекла ему роман с той, чье имя будет начинаться на букву «М». С этой особой он проведет много времени в Вест-Индии.

С самого начала друзья принцессы всячески обхаживали Родди, готовя его на роль любовника Маргарет. Год спустя, впрочем, он посчитал, что роман с замужней принцессой – дело слишком хлопотное, и сбежал, никому ничего не сказав, сначала на Гернси[51], что оказалось слишком близко, а затем в Турцию. Маргарет, впав в отчаяние, наглоталась таблеток. Родди становился все более неуправляемым. После загула на Барбадосе и нервного срыва во время перелета домой он был временно помещен в санаторий для психически больных.

А Тони между тем влюбился в свою помощницу, которую Маргарет обычно называла Это. Он много пил и с трудом сдерживал враждебность по отношению к загулявшей жене. Впоследствии, вспоминая то время, Маргарет утверждала, что они едва сдерживали гнев, проходя мимо друг друга по лестнице дворца. В 1976 году восстановивший душеные силы Родди возобновил отношения с Маргарет. Когда они обедали в одном из баров на острове Мюстик, неизвестный сфотографировал их за этим занятием. Тони, заручившись нечеткими снимками, добился развода.

Несмотря на неодобрение сестры и зятя, отношения Маргарет и Родди продолжались и после развода. Мужчина, закончив курс садоводства, решил, что наконец нашел свое призвание. Он начал посещать различного рода мероприятия, надеясь, что общественность со временем его примет. Затем Родди решил записать свой альбом, потом вложил деньги в ресторан… Что бы он ни предпринимал, он выставлял себя в глупом виде и служил мишенью для журналистов. Близость его к Маргарет унижала принцессу.

В конце концов Родди ее бросил, связавшись с женщиной, больше подходившей ему по возрасту. Маргарет опять оказалась одна-одинешенька. Сложившееся положение вещей она восприняла с изрядной долей реализма: «Я не собираюсь повторно вступать в брак… Если вы член королевской фамилии,

то как бы являетесь фигурой, украшающей нос корабля. Если вы сестра сами знаете кого, то ваши поступки могут поставить ее в невыгодное положение. В любом случае с меня всего этого довольно!»

Совсем не сказочный конец

Маргарет так больше и не вступила в брак. Когда молодость закончилась, начались проблемы со здоровьем. Алкоголь стал ее главной бедой. В конце семидесятых ей поставили диагноз – алкогольный гепатит, но пить принцесса не бросила. В 1985 году ей вырезали часть легкого, но Маргарет, если верить Би-Би-Си, продолжала курить. В 1994 году она пережила инсульт, в 2000-м – транзиторную ишемическую атаку сердца. Принцесса ослепла на один глаз и не могла больше передвигаться самостоятельно, только в инвалидной коляске. Маргарет умерла 9 февраля 2002 года в возрасте семидесяти одного года.

В течение восьмидесятых и девяностых годов XX века принцесса оставалась любимой мишенью для нападок со стороны прессы. В «Прайвэт Ай»[52] ее обычно величали «царственная карлица», намекая на ее низкий рост. Даже когда принцесса не вставала с постели, а ее смертный час был не за горами, в одной бульварной газете писали: «Она испорчена и плохо воспитана. За годы жизни она выпила достаточно виски, чтобы открыть собственный ликероводочный завод».

Пресса обходилась с Маргарет грубо и несправедливо, но и сама принцесса ничего не делала, чтобы улучшить отношение к себе со стороны широкой общественности. «Ее жалели, но она ничего не делала, чтобы себе помочь», – писала особа, вхожая в королевский дворец. Даже в зрелом возрасте принцесса не исправилась. Подруга писала о ней в своем дневнике: «Она, и это мы все прекрасно понимаем, надоедлива и избалована, ленива и раздражительна. У нее нет цели в жизни, нет вообще никаких интересов». Несчастная и не знающая, куда приткнуться, Маргарет и впрямь очень много пила. Женщина легко выходила из себя и сердилась по пустякам. Она часто находилась в хмуром расположении духа и демонстрировала свое недовольство окружающим. Иногда на принцессу находили приступы гнева, что воспринималось общественностью не особенно благосклонно.

Впрочем, случалось, что Маргарет проявляла завидную доброту к окружающим. Она всегда помнила, когда у кого день рождения, и неизменно посылала подарки. Иногда лучшая

сторона ее характера производила яркое впечатление на окружающих. Так случилось во время дипломатической поездки на небольшой полинезийский островок Тувалу. Сопровождающая принцессу фрейлина сильно пострадала от укусов местных насекомых. Принцесса уложила больную в комнате, предназначавшейся для нее самой, и стала лечить укусы. Она знала множество уловок из арсенала «идеальной домохозяйки». Например, как приготовить особенно вкусную яичницу-болтунью, добавив сырое яйцо незадолго до того, как сковородку снимают с плиты. Еще ей нравилось, когда люди вокруг нее ведут себя «нормально» и не особенно выказывают свое почтение к титулованной особе. Несмотря на легкомысленность и любовь к спиртному, к своим официальным обязанностям Маргарет относилась со всей серьезностью. Она даже капитулировала перед решением нации, отказавшись выходить замуж за своего избранника, а затем оставалась в браке с человеком, с которым, была бы ее воля, развелась бы намного раньше.

Жизнь принцессы Маргарет, что ни говори, не удалась. Ей никогда не поручали ничего серьезного. Всю свою жизнь принцесса служила всего лишь «запасной частью», декорацией к монархии. Такое неопределенное положение оставляло ей достаточно свободного времени, чтобы впутываться в неприятности. Ситуацию усложняли папарацци, этот новый выводок журналистов, которые были куда проворнее и пронырливее своих предшественников. Теперь каждый поступок Маргарет становился достоянием общественности, что было просто невообразимо в прошлом. Она стала легкой добычей радикальных политиков, желавших упразднить монархию и распоряжаться королевскими доходами. На королеву нападать было бесполезно. Корона на голове Елизаветы Второй сидела так же прочно, как ее любимая шляпка-таблетка. А вот нападки на оскандалившуюся родную сестру королевы – это совсем другое дело.

Жизнь Маргарет описана в многочисленных анонимных биографиях, включая «Ее королевское высочество, принцесса Маргарет, или Жизнь, которая не сложилась» и «Маргарет. Трагедия принцессы». Хотя страницы этих изданий пестреют инсинуациями, непроверенными слухами и клеветой, названия этих книг, по крайней мере, соответствуют действительности.

Три принцессы, отказавшиеся от короны ради любви

Частично трагедия жизни принцессы Маргарет объясняется ее неспособностью отказаться от титула, привилегий и причастности к светской жизни королевской семьи ради мужчины, которого она любила. Но были и такие принцессы, кто смог поступить иначе.

Принцесса Патриция Коннаутская

Будучи внучкой королевы Виктории, Патриция отказалась от титула, выйдя замуж за простолюдина. Впрочем, хотя никто больше не называл ее принцессой, молодая женщина не была изгнана из королевской семьи Великобритании. Ее приглашали на официальные приемы, и она не утратила своего места в линии престолонаследия. После свадьбы принцесса стала леди Патрицией Ремзей, женой офицера военно-морского флота. Умерла она в 1974 году.

Принцесса Уболротана Раджаканья

Таиландская принцесса, дочь короля Пхумипона Адульядета, лишилась своего титула, после того как в 1972 году вышла замуж за простого американца. Со своим будущим мужем принцесса познакомилась во время учебы в Массачусетском технологическом институте, где получила научную степень по биохимии. После двадцати шести лет совместной жизни их брак закончился в 1998 году разводом. После этого Уболротана вернулась на родину, в Таиланд.

Принцесса Саяко

Будучи дочерью японского императора Акихито, принцесса Саяко отказалась от титула и привилегий, выйдя замуж за простолюдина в ноябре 2005 года. Теперь ее зовут просто Саяко Курода. Ей пришлось сдавать на водительские права и учиться делать покупки в супермаркете. Саяко потеряла причитающееся ей как члену императорского дома право на денежное содержание. В качестве компенсации, впрочем, ей выплатили приданое в размере одного миллиарда двухсот миллионов долларов.

Сумасшедшие Принцессы, которые, скорее всего, страдали безумием или были близки к этому
Анна Саксонская (23 декабря 1544–18 декабря 1577) Принцесса, у которой изо рта шла пена

Германия, Нидерланды, две комнаты в Дрездене

В 1561 году Вильгельм Первый, принц Оранский, отправился на рынок невест искать себе новую жену. Первая его супруга, богатая наследница, умерла в 1558 году, и знатному голландскому аристократу Испанской империи не помешал бы новый брак для упрочения собственного политического влияния.

Принцесса Анна Саксонская, дочь покойного курфюрста Морица Саксонского и племянница здравствующего саксонского владетеля, была идеальной кандидатурой на роль жены. Она получила хорошее воспитание и имела обширные связи. Правда, красавицей ее никто бы не назвал. Анна Саксонская прихрамывала, спинной хребет у нее был немного искривлен, а лицо было «апоплексического цвета», то есть неестественно красное. Но какое это имело значение, учитывая деньги и родственные связи?

Незадолго до того как Вильгельм и Анна впервые встретились, одна из фрейлин предупредила тетю Анны о том, что, если девушке не понравится жених, на ее послушание и согласие на брак рассчитывать не стоит. «Фройляйн ни за что не убедишь сделать что-нибудь, к чему у нее не лежит душа». Это не было преувеличением. Даже в то время иметь дело с принцессой было трудно. Впрочем, только после замужества все увидели, насколько непросто с ней ужиться.

Схожу по тебе с ума

Детство Анны трудно назвать легким. В девять лет она лишилась отца, в одиннадцать – матери. Девочку воспитывали

тетя и дядя, унаследовавший титул курфюрста Саксонии. С детства у Анны сложилось впечатление, будто она является центром вселенной. При этом никто ее по-настоящему не любил. Родители не простили Анну за то, что она не родилась мальчиком. Девочка росла замкнутой, в изоляции от остального мира. Эти обстоятельства усугубили ее врожденную склонность к агрессии и эгоцентризму. Семья видела один способ «лечения» психологических проблем Анны – выдать ее поскорее замуж и сделать головной болью кого-нибудь другого.

Когда Анна и Вильгельм впервые увидели друг друга в его родном Нассау, жениху исполнилось двадцать восемь лет. Он был признанным главой дворянства Нидерландов. Со стороны семнадцатилетней Анны это была любовь с первого взгляда. Тревога о том, что она не позволит отвести себя к алтарю, исчезла, сменившись обеспокоенностью иного толка. Анна, упрямая в своем мнении и до крайности самовлюбленная, по уши втрескалась в Вильгельма. В течение нескольких часов после его отъезда она написала ему три любовных письма. Пламя ее мгновенно возникшей страсти, без сомнения, питалось возражениями, которые имелись у кое-кого из ее родни, отчаянной потребностью в любви, которой она была обделена, и тем обстоятельством, что Анна была совершенно безумна.

Вильгельм был занят другими делами, поэтому ограничился тем, что ставил свою подпись под любовными посланиями невесте, которые за него сочинял его брат и лучший друг Луи. Несмотря на то что принц пользовался эпистолярными заготовками, его желание вступить с Анною в законный брак было подлинным. Ее богатство и положение в обществе делали женитьбу на ней весьма и весьма привлекательной. Свадьба состоялась в августе 1561 года. Праздновали знаменательное событие целую неделю. Кроме всего прочего в программу входили рыцарский турнир и церемония публичного освидетельствования вступления брака в силу. Во время этого милого обряда развеселые гости вели жениха и невесту в спальню, под сальные шуточки укладывали их в постель и ждали, хихикая за дверью, когда свадьба подойдет к своему логическому концу. Пять с половиной тысяч гостей выпили три тысячи шестьсот ведер вина и тысячу шестьсот бочонков пива. Во время свадьбы Вильгельм признался тете Анны, что он предпочел бы, чтобы его молодая невеста больше времени уделяла танцам и французским романам, а не шитью и религиозному образованию. Супруга курфюрста была скандализована и заявила, что подобное образование не довело бы Анну до добра.

Ее племянница и впрямь плохо кончила, но танцы

и французские романы в этом не были повинны. К 1565 году, по прошествии четырех лет брака, все хорошее, что у них прежде было, пошло прахом. Все, начиная от аристократа и заканчивая последней домохозяйкой из Антверпена, называли Анну «домашним проклятием» Вильгельма. Один из биографов принца Оранского, писавший в сороковых годах XX века, заявлял, что «даже самые злейшие враги Вильгельма, которые ни перед чем не останавливались, чтобы очернить принца, не находили добрых слов в защиту его жены».

С высоты XXI века ясно, что Анна была психически больна, а огромное количество алкоголя, который она употребляла, а также высокое общественное положение усугубляли ее состояние. Из плаксивой меланхолии Анна мгновенно впадала в беззаботную веселость. Женщина часто угрожала покончить жизнь самоубийством. Она время от времени запиралась в своих покоях, ни с кем не разговаривала, ничего не ела, а только слонялась из угла в угол. Иногда Анна приходила в бешенство и в сопровождении компании «непотребных» подруг отправлялась в Спа, город, расположенный к юго-востоку от Льежа. Там она тратила огромные суммы денег, которых у нее не было, а когда муж требовал, чтобы она возвращалась домой, вопила, что Вильгельм хочет ее отравить. Когда Анна была дома, она так третировала детей мужа от первого брака, что ему пришлось отослать их подальше от мачехи.

Анна была той еще пропойцей. Однажды, когда во время одной из своих последних беременностей она пребывала в замке, принадлежащем ее семье, женщина устроила истерику гостям, которые пытались помешать ей напиться. Даже в те времена, когда женщины обычно пили алкоголь во время беременности, родственники Анны испугались того, что пьяное забвение, в которое она впадала, может навредить плоду. Анне, впрочем, было все равно. Она потеряла двух детей через несколько дней после родов. Третий ребенок, сын, выжил, но мать не проявляла к нему никакой привязанности. Несмотря на все свои причуды и неспособность быть хорошей матерью, Анна исполнила свой долг и родила Вильгельму пятерых детей.

Кроме всего прочего, эта женщина отличалась патологической ревностью. Она любила закатывать скандалы и намекала на то, что Вильгельм замешан в каких-то порочных, возможно сексуальных отношениях с собственным братом. Один граф вспоминает, как Анна во время вечерней трапезы только то и делала, что пилила мужа за то, что она называла его «незнатным происхождением». Исчерпав эту тему, Анна перешла к половой несостоятельности Вильгельма. После подобного рода

выходок женщина впадала в раскаяние и со слезами на глазах принималась вымаливать прощение у своего мужа, который прекрасно знал цену всем ее извинениям.

К 1568 году поведение Анны стало невыносимым. Кажется, она прониклась подлинной ненавистью к мужу, который, надо отдать ему должное, много раз пытался найти с ней общий язык. Однажды, когда, пребывая в Кельне, Анна пустилась в очередное сумасбродное мотовство, прибыл гонец с письмом от ее супруга, в котором ей настоятельно рекомендовалось вернуться домой. Женщина на глазах у толпы зевак разорвала бумагу в клочья, начала топтаться по ним ногами и орать, что пусть лучше ее муженек сдохнет и его закопают, чем она вернется к нему.

После рождения последнего ребенка Анна полностью порвала с Вильгельмом. Она завела шашни с Йоханнесом Рубенсом, адвокатом средних лет, который к тому же был женат и имел детей. В 1571 году эту парочку однажды застукали на горячем в окрестностях Кельна. Хотя Анна с самого начала отрицала свою измену, доказательства против нее быстро множились. Она забеременела от любовника. Рубенс во всем сознался, и тогда Анна закатила одну из своих фирменных истерик, призывая Вильгельма по праву супруга убить и ее, и ее любовника. Рубенса, как и следовало ожидать, подобного рода перспективы не обрадовали. Его жена, как ни странно, принялась умолять принца Оранского сохранить жизнь ее непутевому муженьку.

Вильгельм сохранил жизнь обоим. В конце концов, отправлять саксонскую принцессу на плаху, какой бы сумасшедшей она ни была, было неразумно с политической точки зрения. Что же касается помилования Йоханнеса Рубенса, то искусство находится в неоплатном долгу перед принцем Оранским, так как этот адвокат со временем станет отцом фламандского барочного художника Питера Пауля Рубенса. Адвокат и его великодушная жена воспитали дочь Йоханнеса от Анны. Представляется маловероятным, что у этого ребенка было счастливое детство.

Под замком

Анне, впрочем, посчастливилось меньше, чем ее любовнику. В 1571 году Вильгельм с ней развелся, и больше они не виделись. Развод остался в тайне, а заботу об Анне взяли на себя члены ее семьи. Безумие женщины принимало угрожающие формы. Теперь Анну ни на минуту не оставляли без присмотра. С 1572 года местные священнослужители дважды в неделю читали ей

проповеди, надеясь на то, что божественное вмешательство может воспрепятствовать женщине следовать тем порочным путем, который она выбрала. В соответствии с понятиями тех лет ее воспринимали как грешницу, которая «добровольно упорствует в своем пороке». К концу жизни с ней обращались так же, как принято было обходиться с другими умственно больными людьми: насильственная изоляция, содержание в отвратительных условиях и ежечасное обращение к религии.

В 1575 году Анну перевели в дрезденский фамильный замок. Ее содержали в двух комнатах, окна которых были заложены кирпичом. В двери было проделано зарешеченное окошко, через которое подавали пищу. Нет ничего странного в том, что состояние больной только ухудшилось. Анна постоянно жаловалась на то, что ее морят голодом, и в огромном количестве потребляла оливковое масло по одной только ей ведомой причине. Женщину мучили галлюцинации. Анна впадала в бешенство, утверждая, что окружающие замыслили ее убить, что она умертвила своих детей, а ее дочери спят с собственным отцом. С пеной у рта она невнятно бормотала полную бессмыслицу, «словно сумасшедшая». В 1576 году Анна напала на местного жителя с ножами, «свирепствуя, словно одержимая». Она умерла в 1577 году в возрасте тридцати трех лет.

Как ни печально, но кое-кто из детей Анны, судя по всему, унаследовал толику ее безумия. Не исключено, впрочем, что на их психику разрушительно повлияла обстановка, в которой они росли. Особенно не повезло младшей дочери Вильгельма и Анны по имени Эмилия. Когда она сошла с ума и начала кричать на кого-то невидимого, ее пришлось арестовать. Она несколько раз пыталась совершить самоубийство, прежде чем умерла в 1629 году.

Три безумные принцессы и одна, которая, судя по всему, сумасшедшей не была

Анна Саксонская была, без сомнения, не единственной принцессой в европейской истории, нуждавшейся в принудительной госпитализации. Из-за того что ограничений на браки между кровными родственниками в королевских домах Европы практически не существовало, врожденные психические заболевания цвели буйным цветом. Привилегированное общественное положение, когда все время находишься на виду, этому только способствовало. Но не все, кого считали сумасшедшими, на самом деле были психически больными.

Безумие, кажется, имеет свои привилегии.

Принцесса Александра Амалия Баварская

Принцесса Александра Амалия, дочь баварского короля Людвига Первого, единственная из его детей никогда не состояла в браке. Отец отклонял кандидатуры потенциальных женихов, ссылаясь на хрупкое здоровье дочери, но болезни принцессы имели не только физическую природу. В возрасте двадцати трех лет симпатичную черноволосую принцессу видели осторожно идущей на цыпочках по коридорам королевского дворца. На вопрос встревоженных родителей Александра Амалия отвечала, что в детстве она проглотила огромный стеклянный рояль. Если она натолкнется сейчас на что-то твердое, рояль разобьется и она умрет от потери крови.

«Стеклянная мания» была часто встречающимся симптомом меланхолии. В XIX веке до возникновения научной психологии этим термином называли широкий диапазон различных психических расстройств. Больные иногда считали, что части или даже все их тело состоит из этого материала. В XIV столетии, например, Карл Шестой Французский уверял, будто внутренние органы у него из стекла. Чтобы обезопасить их, он приказал пришивать железные «ребра» к его одежде.

Странности принцессы Александры этим не ограничивались. Она одевалась во все белое и маниакально придерживалась чистоты. Вид кое-каких предметов и некоторые запахи вызывали у нее нерациональное беспокойство. Ходили слухи, что она считает, будто у нее в голове есть диван. Известно, что в 1850 году принцесса лечилась в санатории для душевнобольных в Германии. Бóльшую часть взрослой жизни она провела в женском монастыре, где ее возвели в сан аббатисы, скорее всего, из-за высокого социального положения. Впоследствии Александра Амалия стала детской писательницей. Она умерла в 1875 году в возрасте сорока девяти лет.

Венгерская графиня Елизавета Батори

Двадцать девятого декабря 1610 года граф Дьёрдю Турзо во главе фаланги солдат ворвался в небольшой замок на северо-западе Венгрии. При обыске был обнаружен труп недавно умершей молодой женщины. Все ее тело покрывали синяки, порезы и следы от веревок. В подземной темнице солдаты нашли

еще одну женщину, которая находилась на пороге смерти из-за нагноения многочисленных ран. Были и другие пленницы. Тридцатого декабря граф в торопливо написанном письме, адресованном его супруге, сообщал, что «эта чертовка держала их взаперти, для того чтобы пытать».

«Чертовкой» была графиня Елизавета (Эржéбет) Батори, венгерская принцесса, одна из самых влиятельных аристократок Европы XVI века. Как гласит легенда, эта убийца верила, что, купаясь в крови юных девушек, она сможет вернуть себе молодость. Скорее всего, это просто выдумки, но Елизавета, без сомнения, была жестокой, аморальной и безумной.

Количество убитых ею женщин и девушек точно не установлено. Их били, кусали, жгли огнем, резали, морили голодом и заставляли стоять в ледяной реке посреди зимы. Четверо слуг и служанок, проходящих по делу в качестве ее сообщников, на допросе сознались в том, что принимали участие в убийстве разного числа женщин – от тридцати шести до пятидесяти. Впоследствии свидетели изменили это число на шестьсот пятьдесят, хотя, судя по всему, это преувеличение.

То, что Елизавета смогла убить столько женщин и так долго оставаться безнаказанной, уму непостижимо. Впрочем, надо иметь в виду, что взаимоотношения между разными социальными группами в Венгрии того времени были крайне неравноправными. Господа имели много власти и мало обязанностей по отношению к своим слугам. Зависимого человека казнили за воровство, в то время как аристократ, убивший простолюдина из низших слоев общества, выходил сухим из воды. Жестокость по отношению к своим слугам проявляла не одна Елизавета. Представители правящего класса могли приказать жестоко выпороть человека за незначительные или даже воображаемые проступки. К тому же власть и влияние Елизаветы немногим уступали королевской.

В обычной жизни Эржебет Батори была любящей, заботливой матерью и сильным игроком на политической арене даже после смерти мужа, жестокого графа Надашди. Кажется, об убийствах, совершаемых графиней, стало известно только в 1609 году, когда Елизавета принялась за женщин благородных кровей. Большинство жертв графини, чьи имена упоминаются в свидетельских показаниях в суде, были родственницами Елизавете по крови или через мужа. Хотя репутация у нее была ужасная, нехватки в девушках благородных кровей из обедневших семейств у графини не было: непрекращающиеся войны привели к тому, что во многих семьях были дочери, выдать замуж которых не представлялось возможным.

Несмотря на страшные обвинения, не говоря уже

о политических силах, заинтересованных в ее смерти, Елизавета избежала суда. Трех ее слуг-сообщников казнили. Та же судьба постигла местную ведьму, оказывавшую графине услуги. Суд не вынес никакого решения по делу графини. Ее наказанием занялись члены ее же семьи. Елизавету замуровали в спальне ее замка, оставив небольшое окошко, через которое передавали пищу. Она умерла 21 августа 1614 года.

Мария Первая, королева Португалии

Португальская королева Мария Первая, чье безумие приобрело религиозную направленность, пугала обитателей своего дворца, в любой час дня и ночи вопя «Славься, Иисус!»

Впрочем, безумной она была не всегда. Родившаяся в 1734 году, Мария в 1777 году унаследовала трон своего отца. Ее первым шагом после коронации была отставка маркиза де Помбала, которому ее отец жаловал право заключать в тюрьму и казнить представителей аристократии, вызвавших у маркиза подозрение. В дальнейшем королева вела себя как мудрая правительница. В 1788 году в течение трех месяцев умерло пять близких ей людей, но Мария осталась стойкой и сдержанной в своем горе. Плохая наследственность взяла свое в 1791 году.

В роду Марии Первой было достаточно много нервных, дерганых, а то и откровенно душевнобольных людей. Ее дед Филипп Пятый Испанский мучился от того, что думал, будто его изнутри пожирает пламя. Он отказывался стричь волосы и ногти на ногах. Испанский король верил, что ступни у него разной величины. Дядя Фердинанд Шестой не хотел мыться и бриться, часами бился головой о стену и не ел твердой пищи. Отец страдал боязнью замкнутого пространства. Эта фобия появилась у него после землетрясения, в результате которого погибло более ста тысяч человек, а его дворец сравняло с землей. С раннего возраста принцесса Мария периодически страдала от «черной меланхолии», «чрезмерного нервного возбуждения», приступов раздражительности и боязни за бессмертие собственной души.

После смерти духовника Марии Первой, тихого человека, неплохо справлявшегося со страхами королевы, на его место был назначен другой духовный пастырь. Этот человек бредил адским пламенем и разнообразными проклятиями, что никак не способствовало душевному спокойствию женщины. Он только усилил страхи королевы, считавшей, что она и любимые ею люди прокляты. Революция в соседней Франции, где король из династии Бурбонов лишился власти, также не способствовала

душевному здоровью королевы. В 1789 году она запретила редактору «Lisbon Gazette» («Лиссабонской газеты») помещать какую-либо информацию о кровавой вакханалии, захлестнувшей соседнюю страну.

К октябрю 1791 года Мария Первая страдала ночными кошмарами, из-за которых боялась спать. Она жаловалась на боли в области горла и живота и отказывалась принимать пищу. Через два месяца, когда королеве стало хуже, вызвали врачей. У женщины началось кровотечение. Вид крови еще больше напугал ее.

Второго февраля 1792 года во время представления в опере королева начала вопить истошным голосом. Не прошло и недели, как министр иностранных дел писал португальскому посланнику в Англии: «С прискорбием должен вам сообщить, что их величество страдает от меланхолического недомогания, которое, переходя в настоящее безумие, выплескивается в неконтролируемые вспышки ярости». Министр пригласил в Португалию доктора Френсиса Уиллиса, знаменитого врача из Линкольншира, который лечил несчастного британского короля Георга Третьего во время его безумных припадков. Уиллис утверждал, что ему сопутствовал успех и после всего нескольких месяцев пребывания в частной психиатрической лечебнице король «исцелился». На самом деле в 1811 году рассудок Георга Третьего окончательно помрачился. Дожидаясь приезда доктора Уиллиса, придворные врачи лечили королеву единственным способом, какой знали: пускали ей кровь, насильственно поили минеральными водами и, вследствие того что Мария Первая отказывалась принимать лекарства, ставили ей клизмы. Когда приехал Уиллис, он потребовал, чтобы ему позволили лечить больную так, как он считает нужным. Португальская корона заплатила доктору Уиллису двадцать тысяч фунтов стерлингов (более полутора миллионов долларов по современному курсу). Его варварские методы лечения мало чем отличались от тех, что применяли придворные врачи. Предложение Уиллиса избавить королеву от ежедневных месс и пышных религиозных церемоний только подлило масла в огонь ее безумия.

А тем временем сын королевы, застенчивый и не получивший должного образования принц Жуан, вступил в управление страной. Пока королева Мария Первая впадала в депрессию и безумие, Португалия благодаря трусливому руководству Жуана стала легкой добычей Наполеона. В ноябре 1807 года армия французского императора вошла в Лиссабон. Королевская семья спаслась бегством. Безумную Марию затолкали в портшез, а затем, применив силу, затащили на вельбот, доставивший ее

на флагманский корабль. Тремя месяцами позже она и члены ее семьи высадились на берег в гавани Рио-де-Жанейро. Марию отвезли в женский монастырь, где она скончалась в 1816 году.

Хуана Первая Безумная

Хуана la Loca, то есть Безумная, скорее всего, не была на самом деле душевнобольной. Вот только для тех, кто хотел держать в руках будущую королеву Кастилии[53], а именно для ее мужа, отца и сына, было крайне выгодно повсюду распространять слухи о безумии королевы.

Она родилась в 1479 году и была дочерью четы Reyes Católicos (католических монархов) – королевы Кастилии Изабеллы и короля Арагона Фердинанда, могущественных правителей двух независимых королевств. Хуана считалась красавицей: длинные золотисто-каштановые волосы и голубые глаза. Она в совершенстве владела языками Иберийского полуострова и бегло разговаривала на французском и латыни. Девушка отличалась умом, набожностью и фанатичным следованием дворцовому этикету. Короче говоря, она была идеальной принцессой. В 1496 году, когда Хуане исполнилось шестнадцать лет, она сочеталась браком с семнадцатилетним Филиппом Красивым, герцогом Бургундии. Этот вызванный политическими соображениями союз породнил королевские дома Габсбургов и Траста́мара, к которому принадлежала принцесса.

Хуана влюбилась в своего мужа, а тот любил многих женщин. Как бы там ни было, за восемь лет супруги произвели на свет шесть детей, что гарантировало преемственность династии. В 1500 году внезапная смерть трех ближайших родственников сделала Хуану первой в линии наследования кастильской короны. Примерно в это же время были посажены семена ее «безумия».

Несмотря на то что Хуана была герцогиней, собственных денег у нее почти не водилось. Филипп распоряжался завязками от ее кошеля с монетами, а значит, ведал домашним хозяйством вплоть до увольнения и приема на работу прислуги, чем начал злоупотреблять довольно скоро после свадьбы. Когда Хуана выказала неудовольствие деспотизмом мужа, придворные Филиппа Красивого начали распространять слухи о ее безумии. Хуана всегда отличалась вспыльчивым, истеричным характером. Этот ее недостаток придворные Филиппа преувеличили до чудовищных размеров, утверждая, что герцогиня патологически ревнива, соглашается со всем, что бы ни предложил ей муж, и часы напролет нежится в ванне

в обществе своих мавританских рабынь. Но королева Изабелла, мать Хуаны, женщина с волевым характером, была в курсе игры, которую вел Филипп, и понимала, что интересы Испании зятю безразличны. Несмотря на распространяемые слухи о «плохом здоровье» Хуаны, королева в своем завещании подтвердила права дочери на престол и ввела дополнительные пункты, делавшие невозможной ситуацию, при которой Филипп мог позариться на корону Кастилии.

Как бы там ни было, но после смерти Изабеллы в ноябре 1504 года Филипп Габсбург провозгласил себя королем Кастилии, упрятав жену под замок. Подделав подпись Хуаны, он издал указ, позволяющий ему править от ее имени. Филипп и его клика продолжали упорно утверждать, что «сумасшедшая» Хуана не в состоянии править самостоятельно. Два года спустя, когда он умер, отец Хуаны, у которого были свои виды на королевство покойной жены, решил продолжать игру, начатую зятем.

Поведение Хуаны, впрочем, играло Фердинанду на руку. Будучи на момент смерти мужа на восьмом месяце беременности, Хуана приказала, чтобы его тело похоронили в далекой провинции Гранаде, несмотря на все трудности и расходы. Это решение было очень кстати для ее политических врагов, поскольку представляло состояние разума Хуаны весьма неустойчивым и подтверждало ранее циркулирующие слухи о ее безумной любви к Филиппу Красивому. Пока процессия находилась в пути, поговаривали о том, что Хуана не расстается с разлагающимся телом своего мужа, что она открывает гроб и целует его гниющие ноги, что она верит в то, что Филипп со временем воскреснет.

Впрочем, прямых свидетельств того, что Хуана когда-нибудь ласкала труп своего мужа, нет. Желание похоронить Филиппа в Гранаде могло быть продиктовано тем соображением, что на юге Испании сосредоточились силы, к помощи которых, как казалось Хуане, она может прибегнуть. Путешествие избавляло ее от родни мужа и от советников, которые наперебой склоняли королеву к тому, чтобы она отреклась от трона. Паломничество с гробом через всю страну должно было к тому же укрепить в головах видевших похоронную процессию мысль, что Хуана собирается самостоятельно править Кастилией.

Вот только гамбит вышел неудачным. Авторитет королевы по-прежнему находился на невысоком уровне. Ее ловкому отцу, которого Макиавелли сделал одним из героев своего «Государя»[54], не составило труда обыграть собственную дочь. Напустив на себя личину убитого горем родителя, Фердинанд убедил всех в том, что перевозка трупа его зятя свидетельствует

о серьезном психическом заболевании Хуаны, и принялся отбирать у нее бразды правления, как ранее делал ее муж. В 1507 году Фердинанд полностью лишил дочь власти, а в 1509 году до конца жизни заточил в замок Тордесильяс. Когда Фердинанд умер в 1516 году, Карл, сын Хуаны, продолжал настаивать на безумии собственной матери.

Поведение Хуаны не всегда можно было назвать нормальным, но то же самое можно сказать и об обстоятельствах жизни, которую ей навязали. В конце концов упорные слухи, поддерживаемые членами ее семьи, сделали свое дело. Хуана умерла в замке Тордесильяс 12 апреля 1555 года и вошла в историю под именем Хуаны la Loca, печальной сумасшедшей королевы Испании.

Елизавета Австрийская (24 декабря 1837–10 сентября 1898) Императрица, которая накладывала на лицо маску из сырого мяса

Австро-Венгерская империя

Когда австрийская императрица Елизавета говорила кому-то, что задержалась из-за того, что мыла себе волосы, ей обычно верили. Волосы у нее и впрямь были необычной длины. Она заплетала их в косы и укладывала в виде стилизованной короны, из-за чего, по словам одного придворного, «ее голова казалась непропорционально большой по сравнению с телом». Мытье этой массы длинных, до пола, золотисто-каштановых волос представляло собой непростую задачу. Один камердинер писал, что за раз расходовалось несколько дюжин желтков яиц и двадцать бутылок «лучшего французского коньяка». Впоследствии императрица добавила в «шампунь» выжимку из репчатого лука и перуанский бальзам[55].

Ежевечернее расчесывание волос продолжалось несколько часов и превратилось в настоящий ритуал. Первым делом на полу расстилали белоснежную простыню. Парикмахер тоже одевался во все белое. После расчесывания и укладки он собирал выпавшие волосинки и пересчитывал их. Если их оказывалось слишком много, императрица «начинала нервничать». Елизавета берегла свои волосы, ведя подсчет каждой выпавшей волосинке. Конечно, если вам больше ничем не позволяют заниматься, маниакальная забота о волосах имеет определенный смысл.

Из принцессы в императрицы

Свое детство баварская принцесса Елизавета, или, как все ее называли, Сиси, провела в обширном загородном поместье. Она росла сорванцом, воровала фрукты из близлежащих садов и писала елейные, романтические стихи о природе и добродетельных девах. Иногда они с отцом, переодевшись в крестьян, пели и плясали перед входом в пивные на открытом воздухе, а посетители бросали им монетки. А почему бы и нет? Ведь это ее сестру Елену готовили к ответственной миссии – стать

супругой австрийского императора Франца Иосифа Первого, ее кузена со стороны матери.

Но двадцатитрехлетний император положил глаз на красивую, отличавшуюся легким нравом пятнадцатилетнюю Елизавету. Они познакомились на празднике, по случаю которого собрались все члены семьи. На следующий день состоялся бал, и император танцевал только с Елизаветой. Все было как в одной из любимых принцессой сказок. Вот только это происходило на самом деле, происходило с ней. Сиси была немного напугана. Через несколько дней Франц Иосиф попросил ее руки. Девочка разрыдалась в объятиях матери. Она утверждала, что любит его, вот только бы «он не был императором».

В сжатые сроки принялись заделывать прорехи в образовании Елизаветы, преподавая ей все, начиная от истории и заканчивая этикетом. Вокруг Сиси постоянно толпились придворные, парикмахеры, учителя, врачи, юристы и послы. Довольно суетно для любого человека, а особенно для девочки-подростка, которая привыкла к свободе.

Двадцать четвертого апреля состоялось бракосочетание двух любящих сердец. Елизавета стала императрицей Австрии и королевой Венгрии. Она плакала, словно ребенок, и на это у Сиси были все основания. Будущая Австро-Венгерская империя, которой ей теперь предстояло «управлять», представляла собой место, кишащее анархистами, отрекшимися от престола претендентами и наемными убийцами, не говоря уже о сложном, а иногда даже странном дворцовом этикете. По своему характеру и воспитанию Елизавета плохо подходила на роль австрийской императрицы.

О черствой свекрови стоит упомянуть особо. Когда два дня спустя после венчания императорский брак был полностью узаконен, эрцгерцогиня София стала первой, кому сообщили эту новость. После того как женщина сказала, что у ее невестки «желтые зубы», Елизавета перестала улыбаться и старалась помалкивать. Впрочем, ей и разговаривать было не с кем. Елизавете было разрешено общаться только с несколькими членами семьи. У Сиси почти не было друзей. Ее новое положение сделало немыслимым даже покупку в магазине пары перчаток без того, чтобы полиция не организовала ей на всякий случай защиту. Сиси ненавидела все это. Временами ее ненависть к свекрови принимала вид мании, которая не покидала Елизавету до тех пор, пока эрцгерцогиня не умерла в 1872 году.

Когда Сиси забеременела, у нее отняли последние крохи остававшейся у нее свободы. В марте 1855 года, когда Елизавете исполнилось всего семнадцать лет, она родила девочку, которую

ее свекровь назвала Софией в свою честь. Новорожденную тотчас же забрали у матери и отдали на воспитание бабушке. Эрцгерцогиня сама выбрала мебель для детской, расположенной рядом с ее покоями. Впоследствии Елизавета жаловалась на то, что ее разлучали с детьми, но в то время, судя по всему, ей было все равно. Когда треволнения, связанные с материнством, были позади, молодая императрица посвятила себя своему любимому занятию – заботе о собственной красоте.

Самая очаровательная и привлекательная

Если бы Елизавета была сказочным персонажем, она бы, сидя перед зеркалом, спрашивала: «Свет мой, зеркальце, скажи, кто на свете всех…» Симптомы ее болезни являются, в некотором смысле, классическими. Не имея возможности влиять на другие стороны своей жизни, Елизавета занялась тем, что ей оставалось, – своей красотой.

Кроме тщательно выверенных манипуляций с волосами, Сиси морила себя голодом ради того, чтобы сохранить осиную талию, которая равнялась восемнадцати дюймам в окружности, что, даже учитывая распространенные в те времена корсеты, было очень мало. Ради того чтобы подчеркнуть изящество своей фигуры, Елизавета облекала ее в костюмы для верховой езды, а нижнее белье у нее было сшито из тончайшей замши, хорошо сохраняющей тепло тела. Как только императрица достигала установленного ею самой предела в сто десять фунтов при пяти футах и восьми дюймах роста, она сразу же переходила на строгую диету, состоящую из апельсинов, сока сырого мяса, яичных белков и соли. Во время беременности Елизавета испытывала отвращение к собственному телу и стеснялась показываться на публике. После очередных родов она становилась одержима желанием вернуть себе прежние объемы. Елизавета морила себя строгой диетой и тяжелыми физическими упражнениями. С 1875 года она спала, обвернув горячее полотенце вокруг талии. Женщина верила, что это помогает ей сохранять стройность тела. В тридцать восемь лет, родив четырех детей, императрица могла похвастаться талией двадцать дюймов в окружности. Свою худощавость она поддерживала с помощью винограда, молока и замороженного десерта с орехами и фруктами.

Всю свою жизнь Елизавета выполняла интенсивные физические упражнения, ходила пешком от пяти до шести часов в день, занималась конным спортом и фехтованием. Для гибкости

мышц ей ежедневно делали особый шведский массаж со специальным лосьоном, состоящим из спирта, глицерина и бычьей желчи. Женщина страдала чем-то вроде мании чистоты и гигиены. Императрица приказала установить в ее гардеробной ванну, для того чтобы она каждое утро могла окунаться в холодную воду. В конце жизни Елизавета часто принимала ванну, наполненную теплым оливковым маслом, считая, что это сделает ее кожу мягкой и упругой. Оказавшись где-нибудь поблизости от моря, женщина приказывала, чтобы ей принесли и нагрели морской воды.

Под действием психологического стресса императрица доводила самоистязание во имя красоты до крайностей. Когда Елизавете исполнилось двадцать лет, ее дочь София умерла от кори. Тогда женщина отказалась есть и, судя по всему, решила уморить себя голодом. Забеременев третьим ребенком, императрица взяла себя в руки. Она очень надеялась, что на этот раз будет сын, после чего ее оставят в покое и больше детей ей рожать не придется. В 1858 году на свет появился кронпринц Рудольф. Елизавета сразу же после родов занялась приведением себя в прежнюю физическую форму. Свою гардеробную она приказала превратить в гимнастический зал с брусьями и кольцами. Когда Елизавета переезжала, спортивный инвентарь упаковывали и везли вместе с ее багажом.

Когда женщина начала стареть, частое пребывание на открытом воздухе и убийственная диета стали самым негативным образом сказываться на состоянии ее кожи. Елизавета решила прибегнуть к радикальным омолаживающим кожу процедурам. Задолго до того, как Леди Гага ввела в моду сырое мясо, императрица Елизавета отправлялась ко сну, надев на лицо шелковую маску, под которой находились ломтики сырой телятины. Считалось, что это избавляет кожу от веснушек. А еще императрица на несколько часов покрывала кожу лица очищенным медом, а потом пюре из свежей клубники, смешанным с нефтяным вазелином. Во всех поездках Елизавету сопровождали специально отобранные для этого коровы джерсейской породы, которые, как она верила, дают очень «чистое» молоко. Из сливок, полученных от этих коров, и перетертых луковиц лилий изготовлялся особый лосьон. Учитывая тот факт, что в XIX столетии бóльшая часть женской косметики содержала свинец и мышьяк, нельзя не согласиться, что императрица поступала разумно.

Вечно несчастная

Как ни странно, но, уделяя столько сил сохранению своей красоты, императрица очень сердилась, когда на нее смотрели, и старалась заслонить лицо веером или зонтиком от солнца. Казалось, она считает себя богиней, чьей красотой недостойны любоваться простые смертные. Не исключено, впрочем, что женщина боялась того, что ее могут сглазить. Знание сказок, древнегреческого языка, классических мифов о богах и героях, сочинение и декламация стихов способствовали возникновению у нее этой мании. А еще Елизавета захотела стать самой красивой в мире. Она собирала декоративные памятные альбомы с изображениями женщин, имеющих шанс с ней соперничать. «Жизнь не будет иметь никакого смысла, если я перестану быть желанной», – время от времени говаривала императрица.

Эксцентричность Елизаветы оказала негативное воздействие на несколько аспектов ее личной жизни, но больше всего досталось браку. Император любил свою молодую супругу, но ее странности ставили Франца Иосифа в тупик. Он был человеком практического склада ума. Елизавета была романтичной натурой, ревнующей по пустякам. Франц Иосиф свято чтил этикет. Его жена привыкла общаться с людьми, похожими на ее мать, которая во время обеда сажала себе на колени собаку и, собственноручно раздавив на ней блоху, клала останки на пустую тарелку. Франц Иосиф так и не смог понять свою супругу, что очень огорчало Елизавету. А еще он отказывался признавать тот факт, что девчонка, которую он взял себе в жены, выросла, превратившись в молодую женщину, наделенную живым умом и неплохо разбиравшуюся в международной политике. Франц Иосиф часто горячился, когда его жена пыталась дать ему дельный совет, заблаговременно считая ее мнение не заслуживающим внимания.

Со временем у супругов возникли проблемы интимного свойства. Испытывая отвращение к собственному телу, когда оно находилось в «интересном положении», Елизавета панически боялась забеременеть. После рождения Рудольфа она почти отказалась от физической близости с мужем. Половое воздержание вполне соответствовало создаваемому Сиси образу ничем не запятнанной богини – желанной, но недосягаемой. Отделавшись от одних страхов, императрица тем не менее оказалась перед лицом вполне реальной угрозы того, что Франц Иосиф найдет себе другую женщину. В 1860 году ее наихудшие опасения оправдались, когда доктора диагностировали у нее венерическое заболевание (судя по всему, это была гонорея). Двадцатитрехлетняя Елизавета узнала об изменах мужа. Молодая женщина отправилась в свое первое путешествие подальше

от австрийского двора и Франца Иосифа, который без особого недовольства принялся оплачивать ее продолжительные поездки.

Лишь в 1867 году супруги вновь нашли общий язык и Елизавета снова забеременела девочкой Валери, единственным ребенком, которого она воспитала так, как хотела. Больше к себе она императора близко не подпускала. Когда в 1885 году у Франца Иосифа начался долгий роман с актрисой, Елизавета не только одобрила эту связь, но, кажется, старалась, чтобы император виделся с любовницей как можно чаще.

От психических проблем к безумию

Помимо одержимости собственной красотой у Елизаветы со временем возникла мания преследования. Уже в двадцатидвухлетнем возрасте императрица постоянно жаловалась на то, что ее окружают враги. Она часто плакала и могла целыми днями не выходить из своих покоев. Женщина временами впадала в депрессию, чему способствовали неправильное питание и советы ее врачей.

Умственное состояние Елизаветы не было чем-то неожиданным, учитывая то обстоятельство, что у нескольких ее близких родственников были проблемы психического свойства. Король Баварии Людвиг Второй, один из самых близких Сиси по духу двоюродных братьев, сначала вел уединенную жизнь романтика, а потом, по неофициальным сведениям, превратился в опасного, склонного к насилию параноика. Елизавета знала о том, что члены ее семьи имеют склонность сходить с ума, и боялась того, что однажды эта участь постигнет и ее. Даже если не учитывать генетической склонности, многое в ее жизни могло свести с ума и очень здравомыслящего человека. Кроме бесконечных политических волнений и все растущей изоляции, Елизавета страдала и от трагедий личного характера: ее близкие и дальние родственники гибли насильственной смертью (пожар, расстрел, кораблекрушение). В 1889 году ее давно ставший чужим сын и его семнадцатилетняя любовница совершили групповое самоубийство. Неудивительно, что однажды на день рождения императрица попросила бенгальского тигра и, только вдумайтесь, психиатрическую лечебницу в свою собственность.

На все жизненные невзгоды и трудности Елизавета отвечала тем, что бежала от них прочь. Это только обостряло ее замкнутость. Один из придворных писал: «Ее разум был болен. Она вела крайне уединенный образ жизни, что только ухудшало ее душевное состояние». Впрочем, длительные путешествия

помогали императрице обрести душевный покой. Во время них Елизавета находилась в приподнятом настроении, особенно когда охотилась на лис в Ирландии или плавала среди греческих островов. Оказываясь подальше от двора, Елизавета превращалась в очаровательную, добросердечную, заботливую женщину, горячо любящую своего мужа и детей. Возможно, именно поэтому императрица путешествовала так же регулярно, как заботилась о своей внешности.

Однажды мать написала Елизавете: «Ты не знаешь, как жить и как следует принимать тревоги современной жизни. Ты принадлежишь душой к иному веку святых и великомучениц. Пожалуйста, не веди себя в обществе так, словно ты святая, и не терзай саму себя, воображая, будто ты великомученица». Эти слова можно назвать пророческими. Елизавета в определенном смысле слова стала мученицей, символизируя собой крах европейских империй. Десятого сентября 1898 года, когда Елизавета гуляла по Женеве, итальянский анархист Луиджи Лученни ударил ее кинжалом прямо в сердце. Ей было шестьдесят лет. Убийца впоследствии заявил, что искал в тот день «коронованную голову на убой». Елизавета просто попалась ему под горячую руку. Добавив к удару оскорбление, Лученни заметил: «Она совсем не красивая… и уже старуха».

Бойся Черного Карлика

Екатерина Радзивилл, непутевая наследница одного из княжеских родов Восточной Европы (читайте о ней на с. 99), время от времени зарабатывала себе на жизнь написанием сенсационных книг, посвященных европейской аристократии. «Венский Черный Карлик и другие странные истории» – одна из них. В этом сборнике Карлик, давший название книге, был страшным призраком, являющимся представителям австрийской императорской фамилии каждый раз накануне какого-нибудь несчастья, случающегося с членом их семьи.

Согласно легенде, когда-то Черный Карлик был придворным шутом на службе у австрийского императора, но по невыясненной причине венценосец приказал казнить паяца, тем самым обрекая его дух вечно бродить по коридорам дворца. Впервые Карлика видели «злобно смеющимся» в залах дворца Хофбург.

Это случилось в 1683 году. Вскоре после этого турки осадили Вену. Только после того, как приход польской армии спас город, Черный Карлик исчез. Во время правления несчастной Марии-Терезии, императрицы, которая, по словам Екатерины Радзивилл,

«не знала ни минуты покоя все те долгие годы, что пребывала на троне», он стал частым гостем ее двора. Черный Карлик появился во дворце в тот день, когда французская королева, а в прошлом австрийская принцесса Мария-Антуанетта взошла на эшафот, чтобы лишиться головы. На этот раз, по крайней мере, привидение проявило сочувствие – оно показалось видевшим его ужасно расстроенным.

Только однажды Черный Карлик являлся кому-то вне стен Хофбурга. Это случилось в женевском отеле. Свидетельницами стали несчастная императрица Елизавета и ее фрейлина.

Екатерина Радзивилл пишет: «Он бежал перед ней. Когда императрица повернулась, желая пройти в свои апартаменты, Черный Карлик помахал ей, словно на прощанье, рукой и исчез. Значение этого жеста стало очевидно всего несколько часов спустя, когда кинжал Лученни даровал императрице вечный покой».

Шарлотта Бельгийская (7 июня 1840–19 января 1927) Принцесса, напугавшая Папу Римского

Мексика, как настоящая, так и воображаемая

Хорошо воспитанная принцесса, по-настоящему хорошо воспитанная, знает, что не стоит окунать свой пальчик в горячий шоколад Папы Римского. Однако когда принцесса Шарлотта Бельгийская внезапно появилась во время завтрака его святейшества в Ватикане, она была ужасно голодна. Женщина ела мало и нерегулярно, боясь того, что враги могут ее отравить. Горячий шоколад его святейшества не вызвал у Шарлотты Бельгийской опасений. Вряд ли кто решится отравить Папу Римского…

Мексиканская авантюра

Шарлотта не всегда была немного свихнувшейся шоколадоголичкой. Начало жизни симпатичной черноволосой принцессы не предвещало никаких серьезных бед. Родилась она в 1840 году – единственный ребенок короля Бельгии Леопольда Первого из рода Саксен-Кобург и его второй жены. Несмотря на то что ее назвали в честь первой, рано умершей жены короля (смотрите «Смерть в Викторианскую эпоху» на с. 245), первый период ее жизни ничем не предвещал грядущей трагедии. Будучи очень серьезным и умным ребенком, маленькая Шарлотта начала читать Плутарха в одиннадцатилетнем возрасте. Она была любимицей отца. В шестнадцать лет девушка влюбилась в двадцатичетырехлетнего эрцгерцога Фердинанда Максимилиана фон Габсбурга, брата австрийского императора Франца Иосифа Первого. Он был довольно привлекательным молодым человеком, очень страстным. На философские и религиозные темы эрцгерцог говорил с горячностью глубоко убежденного человека. Против воли отца, который планировал выдать дочь за короля Португалии, Шарлотта 27 июля 1857 года вышла замуж за эрцгерцога Фердинанда Максимилиана.

К сожалению, интересы ее жениха не ограничивались

религией и философией. Шарлотта старалась продлить свое счастье, но к 1859 году измены ее мужа способствовали тому, что между супругами возникло отчуждение. Ходили слухи, что эрцгерцог заразил свою супругу венерическим заболеванием, но позднейшие биографы сходятся на том, что любящий все новое и свежее Максимилиан просто «не мог» быть ей верен.

В 1863 году Наполеон Третий предложил эрцгерцогу императорскую корону Мексики, страны, которую уже несколько десятилетий разрывали социальные конфликты и гражданские войны. В 1860 году в Мексике снова провозгласили республику, но правительство реформаторов во главе с либералом Бени́то Хуа́ресом оказалось не в состоянии погасить кредиты иностранных держав. В 1861 году, используя как повод желание вернуть себе свои деньги, Франция, Испания и Англия вторглись на территорию Мексики. После того как в апреле 1862 года два союзных государства вывели из страны свои войска, Наполеон Третий, мечтающий об империи вроде той, что была у его дяди, оставил свой воинский контингент в столице Мехико. План сделать эрцгерцога Максимилиана императором Мексики был частью более обширного плана Наполеона Третьего, направленного на то, чтобы упрочить его притязания в Латинской Америке и укрепить союз с Австрией в Европе.

Но с первых дней, когда войска Максимилиана в июне 1864 года вошли в столицу, стало ясно, что надежды на Мексиканскую империю неоправданно иллюзорны. Большинство мексиканцев не хотели, чтобы ими управлял иностранец. Встречать нового императора на улицы Мехико вышло совсем немного людей. У мексиканцев были все основания для недовольства. На каждом углу разоренной войной столицы голодные калеки и нищие просили подаяния. Никакая работа, заказанная новым имперским правительством, не оплачивалась. Долги росли с угрожающей скоростью.

Сначала Шарлотта загорелась открывающимися перед ней перспективами. «Эта страна – огромное дикое поле, которое следует распахать и возделать», – писала она своей двоюродной сестре, британской королеве Виктории. Но руки, сжимающие плуг, тряслись. Максимилиан оказался правителем не лучшим, чем мужем. Он утвердил несколько толковых законов, вот только политические решения, принимаемые молодым императором, колебались от излишне либеральных до излишне консервативных. К тому же Максимилиан часто прислушивался к никуда не годным советам. А тем временем Бенито Хуарес руководил мятежным правительством из города Чиуауа. Среди прочих легитимным его в 1865 году признало правительство

США. Наполеон Третий, испытывая все нарастающее давление как на международной арене, так и внутри страны, начал шантажировать мексиканского императора тем, что выведет свои войска из Мексики и оставит его один на один с бунтовщиками.

Чем хуже становилась ситуация, тем более шатким казалось психическое здоровье Шарлотты. Сначала молодая императрица проявила интерес к своим обязанностям. Она совершила поездку по полуострову Юкатан, организовала благотворительные базары, но к началу 1866 года ее энтузиазм окончательно угас. Шарлотта возненавидела Мехико, считая этот город ужасно грязным, мерзким и опасным. У женщины начались страшные головные боли. Черная депрессия, в которую Шарлотта погрузилась после смерти отца, никогда ее больше не оставляла. Муж не хотел ее как женщину. Надежд родить ребенка почти не оставалось. Мексиканцы сплетничали о том, что их императрица бесплодна. В то же время ей донесли, что жена садовника беременна от ее мужа. Максимилиан умудрился заделать ей малыша во время своего отступления от Куэрнавака.

Шарлотте исполнилось двадцать шесть лет. Она начинает писать мужу все более бессвязные по своему содержанию письма. Видно, что женщина находится на грани нервного срыва. «Думаю, тебе стоит наградить (королеву) Викторию орденом. Она наградит тебя орденом Подвязки. В чистилище Господь смилостивится над нашими душами. Мне кажется, будет снег».

Но когда Наполеон Третий приказал прекратить оказывать императору Максимилиану военную и материальную помощь, а потом потребовал от последнего отречения от престола, Шарлотта очнулась и принялась защищать свой трон. В августе 1866 года она в одиночку отправилась в Европу, желая лично встретиться с французским императором.

Отрава и Папа Римский

Даже до отплытия в Европу психологическое здоровье императрицы вызывало опасения, а взваленный на плечи груз ответственности окончательно его подорвал. Как вспоминают очевидцы, Шарлотта выглядела худой и изможденной, совсем не похожей на молодую, серьезную эрцгерцогиню, какой покинула Европу всего три года назад.

Встреча с Наполеоном Третьим происходила за закрытыми дверями. Впоследствии Шарлотта обвинила хозяина в том, что тот пытался ее отравить. Вторая встреча прошла еще хуже. Императрице Евгении, жене Наполеона Третьего, пришлось

притвориться, будто она падает в обморок, лишь бы остановить поток жалоб на несправедливости, чинимые в Мексике, и на невыполненные обещания, которые прежде давала Максимилиану Франция. Шарлотта окончательно сошла с ума. Кажется, не последнюю роль в ее безумии сыграла неспособность переубедить французского императора в целесообразности дальнейшей поддержки Максимилиана. Она решила, что двуличный Наполеон Третий – воплощение дьявола, пожелавшего погубить ее и ее мужа. Женщина была одержима идеей фикс: убийцы императора хотят отравить ее пищу и питье.

Путешествуя по Европе, Шарлотта всюду заявляла, что ее отец, мать и принц Альберт были отравлены. Даже сейчас, утверждала императрица, подлые отравители пытаются ее убить. По вечерам она питалась лишь апельсинами и орехами, предварительно внимательно изучив кожуру и скорлупу на предмет их цельности. Всюду ей виделись шпионы. Путешествуя по Италии, Шарлотта решила, что крестьянин в поле – убийца, подосланный Наполеоном. Шарманщик на улицах Больца́но был еще одним убийцей. Свита, которая последовала за императрицей из Мексики, стала объектом ее подозрения и недоверия. Периоды относительной ясности рассудка становились все короче и реже.

Когда казалось, что хуже Шарлотте стать уже не может, это все-таки произошло. Тридцатого сентября, находясь в Риме, императрица приказала приготовить карету – она собиралась отправиться к знаменитому фонтану Треви. Приехав туда, Шарлотта выпрыгнула из кареты, подбежала к фонтану и жадно, пригоршнями принялась пить воду, бормоча: «Она, по крайней мере, не отравлена. Я так хочу пить!» После этого императрица приказала вести ее в Ватикан, где она попросила аудиенции у Папы Пия Девятого. Раскрасневшись и дрожа всем телом, Шарлотта умоляла понтифика защитить ее от подосланных Наполеоном Третьим убийц. Увидев на столе чашку горячего шоколада, императрица окунула в нее пальцы и, облизав, завопила: «Я умираю от голода! Все, что они дают мне есть, отравлено!»

Шарлотта отказалась покинуть резиденцию понтифика и несколько часов рассказывала о тяжелой ситуации, сложившейся в Мексике. К полудню шторм, кажется, улегся. Во время обеда она вела себя почти нормально, если не считать того факта, что императрица ела из одной тарелки с фрейлиной. Во второй половине дня Шарлотту сумели уговорить вернуться в гостиницу. Оказалось, что ключи от ее комнаты пропали. (Их специально спрятали с намерением запереть императрицу

на ночь.) Шарлотта впала в истерику и потребовала, чтобы ее отвезли обратно в безопасный Ватикан. В десять часов ночи она вернулась к Папе Римскому. Терпеливый понтифик приказал, чтобы императрице постелили в библиотеке. «Чего только со мной не случалось, – хмуро заметил Папа. – Теперь вот женщина сходит с ума в Ватикане». На следующее утро, после того как Шарлотта мирно выспалась под действием сильного снотворного, она отказалась пить и есть что-либо, если оно не было приготовлено для его святейшества.

Сумасшедшая женщина – это одно, а сумасшедшая императрица – совсем другое. Намечались серьезные дипломатические проблемы. Поползли нехорошие слухи. Надо было во что бы то ни стало выманить Шарлотту из тихой папской гавани. Один из кардиналов попросил мать-настоятельницу близлежащего монастыря пригласить императрицу навестить находящихся под их опекой сирот. Польщенная Шарлотта согласилась. Сначала она прекрасно играла роль доброй и щедрой августейшей особы, но, когда ее ввели в кухню, женщина заявила, что из кастрюль на плитках очень вкусно пахнет. Монахиня, которая сопровождала императрицу, хотела угостить ее рагу, но Шарлотта заметила грязь, прилипшую к ножу, которым нарезáли овощи. «Это отрава! – завопила она. – Бог меня спас!» Но она была ужасно голодна, потому что ничего не ела с самого утра. Находясь в невменяемом состоянии, императрица решила, что мясо, выуженное из кипящей кастрюли, ей не повредит. Ожог руки был настолько серьезным, что Шарлотта потеряла сознание, пока ее перевязывали.

Врачи пришли к заключению, что императрица страдает от «опасных приливов крови к головному мозгу». Они написали об этом ее мужу, но ничего, кроме успокоительных сонных капель, предложить в качестве лекарства не смогли. Неделя между 30 сентября, когда Шарлотта ворвалась к Папе Римскому, и 6 октября, когда ее поручили заботам императорского лекаря, показалась кое-кому очень долгой. Из гостиницы выписали всех постояльцев, не желая доводить Шарлотту до очередного приступа паранойи.

По утрам императрица приказывала везти ее в карете к многочисленным римским фонтанам. Там она наполняла хрустальный графин и пила из стакана, украденного из папского дворца. Женщина отказывалась есть что-либо, если это не будет приготовлено у нее на глазах. Служанки покупали живых цыплят, которых привязывали за лапки к ножкам позолоченного стола ее королевских апартаментов. Потом их убивали на глазах у императрицы. Содержание писем Шарлотты к Максимилиану

постепенно трансформировалось. Теперь это уже не были преисполненные любви послания женщины, которая верит, что умирает. Письма были исполнены горечи и паранойи. Она не сомневалась в том, что муж покушается на ее жизнь.

Конец империи

А тем временем в Мексике император Максимилиан постепенно осознавал, что все кончено. Его жена сошла с ума. Французские войска уходили из страны. Кровопролитная гражданская война охватывала все новые территории. Вместо того чтобы отречься от престола, бросить своих сторонников на произвол судьбы и вернуться с позором в Европу, Максимилиан решил оставаться в Мексике до конца. Это решение было сродни самоубийству.

Французы покинули Мехико 5 февраля 1867 года. У мексиканского императора оставалось восемь тысяч верных ему солдат. Армия Бенито Хуареса насчитывала около сорока тысяч. Максимилиан был осажден в Сантьяго-де-Керетаро. Пятнадцатого мая город пал под ударами штурмующих. Императора и его генералов схватили при попытке к бегству. Их обвинили в государственной измене и приговорили к расстрелу. Девятнадцатого июня 1867 года Максимилиана Третьего казнили по решению нового правительства страны.

Шарлотте так никогда и не рассказали о гибели ее мужа. Бывшую императрицу приютила в Бельгии ее семья. Боясь всего на свете, женщина жила в замке, окруженном глубоким рвом, отрезанная от внешнего мира. Хотя у нее случались периоды просветления, бóльшую часть времени Шарлотта прожила в иллюзорном мире, не понимая, что ее муж давно уже мертв. Она ожидала его возвращения, иногда спрашивала у слуг, почему он опаздывает к обеду. Каждую весну Шарлотта сходила ко рву, садилась в небольшую лодку, стоявшую здесь на якоре, и заявляла: «Сегодня мы поплывем в Мексику».

Принцесса, связывающаяся по прямому телефону с небесами

Шарлотта Бельгийская, конечно, получила аудиенцию у Папы Римского, но одна принцесса утверждала, что смогла обойтись без его посредничества. Будучи ребенком, принцесса Марта-Луиза (род. 1971), единственная дочь норвежского короля Харальда Пятого и королевы Сони, четвертая в линии

престолонаследования, была ясновидящей и умела угадывать, каковы истинные чувства окружающих ее людей. После того как девочка начала учиться верховой езде, она поняла, что может общаться с ангелами и душами мертвых.

В 2007 году она и Елизавета Норденг, спиритуалистка, с которой принцесса познакомилась на курсах экстрасенсорики, открыли в Норвегии англоязычную Школу Астарты, призванную помочь людям найти их «духовный путь», творить чудеса и «общаться с ангелами».

С этого времени принцесса и Норденг опубликовали несколько книг о своих духовных путешествиях, ставших в Норвегии бестселлерами. В частности, они писали: «Вокруг нас витает множество ангелов, всегда готовых нам помочь… Они все время рядом. Они реальны. Они существуют». В год своего открытия школа предлагала трехгодичный курс по ангельскому спиритуализму за четыре тысячи сто пятьдесят долларов ежегодно. Сейчас школа предлагает семинары по общению с ангелами.

Утверждения Марты-Луизы о том, что она может общаться с внеземными сущностями, не принесли ей популярности среди религиозного сообщества Норвегии. В конце концов, ее отец является формальным главой государственной Церкви. В 2010 году епископ Лейла Рикаасен Даль заявила в интервью местным средствам массовой информации: «Мы не знаем достаточно о положении мертвых, но они принадлежат Богу, и, следовательно, их надо оставить в покое. Нам следует помнить усопших, а не пытаться вступить с ними в контакт». Кое-кто считает попытки принцессы общаться с мертвецами «нездоровыми». Но дворец, однако, сохраняет молчание по поводу того, что принцесса связывается по прямому телефону с небесами.

Франческа (16 декабря 1896–12 февраля 1984) Страдающая амнезией пациентка, ставшая княжной из семьи Романовых

Российская империя. Разные сумасшедшие дома, Шарлотсвилл (штат Виргиния) и неуемное воображение

Семнадцатого февраля 1920 года фабричная работница, полька по национальности, Франческа Шанцковская упала с моста в ледяные воды Ландвер-канала в Берлине. По ее признанию, она пыталась покончить с собой. В определенном смысле ей это удалось.

Когда полицейские выудили ее из холодных вод канала, Шанцковская отказалась с ними разговаривать. При себе у девушки не было ни денег, ни документов – ничего, за исключением одежды. Власти были вынуждены отправить ее в больницу.

Несмотря на то что девушка с головой окунулась в воды канала, это не принесло никакого заметного вреда ни ее физическому, ни психическому здоровью. В больнице ее назвали Fraulein Unbekannt, что можно перевести как «мадемуазель Неизвестная». Девушка редко заговаривала и отказывалась называть свое настоящее имя. Через некоторое время ее перевели в Далльдорфскую государственную больницу для душевнобольных. Мадемуазель Неизвестная много времени проводила в своей кровати, укутавшись с головой в одеяло, и упорно не хотела, чтобы ее фотографировали. Она много читала, в особенности газеты и журналы. Так размеренно текла ее жизнь в течение полутора лет до того дня, как она прочла статью о Романовых.

В Сибирь и обратно

За полтора года до того, как Франческа прыгнула в воды канала, Анастасия Романова, которой только месяц назад исполнилось семнадцать лет, была убита в подвале дома

в далекой Сибири. Она была младшей дочерью русского царя Николая Второго, который за год до этого отрекся от престола перед лицом разлагаемой большевиками армии и коммунистов, требовавших низложения монархии. Бывшего царя, его жену и детей посадили под домашний арест, а позже перевезли в сибирский город Екатеринбург. Когда Белая армия (настроенные против большевиков и за монархию вооруженные формирования) подступила к Екатеринбургу, большевики запаниковали.

В ночь на 17 июля 1918 года семью Николая Второго, трех слуг и их врача отвели в подвал дома, в котором их содержали. Там их расстреляли по приказу вождя коммунистической революции Владимира Ленина. Императрицу Александру пристрелили прежде, чем она успела перекреститься. Тех, кто выжил после нескольких залпов, закололи штыками или забили прикладами. Так быстро, жестоко и кроваво окончились триста четыре года правления дома Романовых.

Два детских трупа сожгли, остальные тела сбросили в штольню шахты. Об убийстве помалкивали. Большевики заявили, что казнили бывшего царя во время попытки к бегству, но ничего не говорили о смерти других членов его семьи. Наступивший после этого информационный вакуум способствовал распространению слухов о том, что некоторые из членов царской семьи спаслись. Через несколько месяцев после казни появилось множество самозванцев, заявляющих, что он или она – тот или иной спасшийся Романов. Самозванство большинства из этих претендентов не вызывало сомнений, но от некоторых просто так отмахнуться не удавалось.

В 1921 году судьбы Франчески Шанцковской и княжны Анастасии прочно переплелись.

Зовите меня Анна

В течение полутора лет, проведенных в больнице, газеты и журналы были единственным источником информации, из которого Франческа могла узнать, что же делается в мире. Однажды словоохотливая медсестра показала ей экземпляр газеты «Berliner Illustrirte Zeitung» за 23 октября 1921 года. В ней была напечатана фотография трех русских великих княжон. В статье муссировались слухи о том, что великая княжна Анастасия выжила после расправы. В частности, там говорилось: «На данный момент представляется невозможным точно установить, получила ли великая княжна во время резни

незначительные раны, после которых выжила, или нет». Вскоре после этого Франческа заявила, что является спасшейся Анастасией.

Бросив, если так можно выразиться, в толпу бомбу, Франческа взяла с больных и персонала слово, что они будут хранить ее тайну, но появление «потерянной» великой княжны из династии Романовых долго в секрете не сохранишь. Вскоре одна из больных проболталась, и об этом узнали за стенами заведения. Тотчас же выстроилась длинная очередь желающих лицезреть выжившую русскую принцессу. Среди них были любопытствующие русские эмигранты, бывшие офицеры имперской армии, монархисты и лишившиеся всего своего имущества, не особо родовитые дворяне. Большинство не поверило рассказу девушки, но прошло полгода, и один барон вместе с женой, эмигранты из России, взяли Франческу под свою опеку. Им никогда не доводилось встречать настоящую великую княжну Анастасию, но эти люди поверили в то, что девушка говорит правду.

На то имелось достаточно оснований. Франческа была такого же роста, как и погибшая великая княжна. Серо-голубые глаза производили такое же завораживающее впечатление. Она даже страдала от того же заболевания ноги, что и Анастасия, – hallux valgus, вальгусной деформации первого пальца стопы. Когда полицейские вытаскивали девушку из воды канала, не ставшего ее могилой, репортеры обратили внимание на шрамы характерной, рваной формы на ее теле. Особенно бросался в глаза треугольный шрам на правой ноге. Такой след мог оставить штык, который был на вооружении у русской армии.

Вскоре появились и другие доказательства. Франческа отказывалась изъясняться по-русски, но прекрасно его понимала и, по свидетельству лечащего врача, говорила на нем во сне без акцента. Находясь в бреду под действием обезболивающего, она бормотала слова на хорошем английском, на языке, которым владела мать Анастасии. По-французски Франческа разговаривала с «идеальным» акцентом. (Великая княжна Анастасия, так же как и ее сестры, с раннего детства изучала французский язык.) К тому же Франческа смогла припомнить интимные подробности жизни царской семьи, в том числе прозвища, которыми Анастасию называли строгие придворные и гвардейские офицеры. Девушка выказала безупречное знание дворцового этикета. Ей удалось убедить графологов в том, что перед ними великая княжна. (Очевидно, Франческа тренировалась выводить подпись Анастасии по фотографии, найденной в книге.) «Мадемуазель Неизвестная» горько

расплакалась, заслышав мрачный вальс, который когда-то играли княжне. Как эта молодая женщина могла все это знать, если на самом деле не была одной из Романовых?

В 1922 году Франческа, которая все еще жила у барона, казалось, не собиралась настаивать на признании своего благородного происхождения, но в то же время она ничем не давала понять, что не является великой княжной. Когда ее хозяева спросили, как им следует обращаться к ней, Франческа сказала, чтобы они пренебрегли этикетом и называли ее просто фрейлейн Анна. Это было мило по отношению к ним и удобно для нее, избавляя от необходимости постоянно вести себя как принцесса. Теперь у Франчески появилось время хорошенько обдумать, как проще всего будет стать Анастасией.

На первых порах ряд счастливых совпадений, таких как деформация ступни, сделали превращение Франчески в убитую великую княжну сравнительно простым, но с течением времени три фактора заставили молодую женщину настаивать на своей правоте: «провалы в памяти», растущий страх перед тем, что ее выведут на чистую воду (Франческа была лишенной опоры в жизни женщиной, которой нечего было терять, но благодаря этой авантюре она могла бы многое выиграть) и готовность некоторых людей верить ей.

Франческа заявила, что психическая травма, вызванная убийством ее семьи, избиение большевистскими солдатами и последовавший за ним побег привели к серьезным провалам в памяти. Женщина утверждала, что ее спас мужчина. В разное время она описывала его как солдата, которого она видела впервые, или молодого тюремщика, который выказывал ей знаки внимания в течение многих недель до ночи казни. А еще это был крестьянин, который ее изнасиловал, или опустившийся польский шляхтич, за которого великая княжна вышла замуж. Она от него забеременела, но потом у женщины случился выкидыш. Франческа также утверждала, что ее спаситель с помощью какого-то хитрого устройства изменил форму ее носа и рта. Этим она объясняла отличия, существующие во внешнем виде ее и Анастасии. Большинство приводимых ею подробностей были туманными, противоречивыми и не до конца сформулированными. Так, например, Франческа утверждала, что не умеет читать по-немецки, не знает цифр, не может сказать, который сейчас час, но при этом любила раскладывать пасьянсы. Все эти противоречивые заявления объяснялись сторонниками самозванки теми надругательствами, которые пришлось перенести Анастасии от рук революционеров.

Все больше и больше опасаясь разоблачения, Франческа

запоем читала все, что могла, о семье Романовых. Когда же ее начинали расспрашивать, то крайне неохотно выдавала факты, касающиеся прошлого великой княжны. Такое поведение, впрочем, внушило к ней любовь со стороны тех, кто хотел верить в то, что Анастасия осталась жива, в частности, родственников Романовых. Представители русской аристократии испытывали ностальгию по славным денькам до революции, не оставившей камня на камне от привилегированного способа жизни, который они прежде вели. Другие надеялись, что, если императорская семья все же вернет себе власть, тем, кто сейчас помогает великой княжне Анастасии, воздастся сторицей. Все эти люди смотрели сквозь пальцы на странности в поведении княжны, равно как и на нарушения светского этикета, когда, например, она склонялась за обеденным столом и вытирала себе нос.

Как только люди поверили в ее историю, трудно было разубедить их в обратном. Убежденные в том, что Анастасия все еще топчет ногами землю, они были столь же искусны в разгадывании шарад, как и Франческа. Даже поймав ее на лжи, эти люди не теряли веры в то, что перед ними великая княжна. В 1928 году двенадцать ближайших родственников покойного царя собрались вместе и постановили, что Анна Андерсон (так Франческа называла себя в отелях, желая избежать внимания назойливых американских репортеров) не Анастасия. Они официально заявили: «Чувство долга внушает нам необходимость заявить, что все это не более чем сказки. Память дорогой покойницы будет омрачена, если мы позволим, чтобы эта фантастическая история распространилась и в нее поверили». Но и это утверждение не поколебало уверенности сторонников Франчески. Их веры хватило на то, чтобы поселить сомнения в сердцах широкой общественности, с огромным вниманием относившейся к историям о спасшейся Анастасии.

Придерживаться ранее взятого курса Франческа и ее верные сторонники имели и другую причину – деньги. Огромные богатства царя не исчезли после его смерти. Его личные средства исчислялись двумя миллионами рублей, что по сегодняшнему курсу превосходит двадцать миллионов долларов. Все эти деньги продолжали пылиться в одном из берлинских банков. В 1933 году банк разделил доли оставшихся фондов – всего лишь около ста пяти тысяч долларов по современному курсу – между несколькими наследниками дома Романовых. Анастасии среди них не было.

Адвокаты Франчески подали исковое заявление, требуя прекратить «разбазаривать» наследство, что привело к самой долгоиграющей в истории германского правосудия тяжбы,

которая тянулась тридцать семь лет. Истцам требовалось доказать, что Франческа, она же Анна Андерсон, и великая княжна Анастасия – одно и то же лицо. Дело долго висело в воздухе. Обе стороны пускались на не очень честные трюки. Когда в 1961 году суд в конце концов решил, что притязания Франчески безосновательны, ее адвокаты подали апелляцию, и все завертелось по новой. Франческа, впрочем, никогда не появлялась в суде, что только «добавило достоверности к ее притязаниям», как выразился один из ее позднейших биографов.

В любом случае после десятилетий судебных разбирательств многое всплыло на поверхность. Свидетели с обеих сторон рассказывали свои истории, давали неточные или противоречивые показания, что лишь усиливало путаницу. К изучению материальных доказательств были привлечены графологи, эксперты по разным акцентам и по фотографии, психологи и криминалисты, которые уверяли, что могут узнать людей по форме их ушных раковин. Выводы экспертов были противоречивыми. Одни заявляли, что определенные факты подтверждают историю Франчески, но большинство материальных доказательств были не в ее пользу. Семнадцатого февраля 1970 года Верховный суд Западной Германии вынес вердикт: женщина, выдающая себя за Анастасию, не доказала того, что является великой княжной. Но Франческе было все равно. Ей уже перевалило за семьдесят. Пожилая женщина страдала от старческой слабости. Ее действиями теперь руководили люди, верившие ее россказням. Именно они всячески побуждали старушку к действиям.

Женщина-кошка

С психикой у Франчески было не все в порядке, впрочем, это и неудивительно, учитывая тот факт, что ее карьера самозванки началась после попытки самоубийства. С самого начала она находилась на грани нервного срыва, то впадая в эйфорию, то заливаясь слезами, то борясь с черной депрессией. Несмотря на то что именно Франческа придумала всю эту направленную на привлечение интереса широкой публики историю, она не любила находиться в центре внимания, а со временем стала страдать паранойей, считая, что является жертвой заговора. Вскоре после переезда в дом барона вспышки раздражения Франчески вынудили хозяина отказать «великой княжне» в гостеприимстве. До начала тридцатых она мыкалась между различными больницами и домами своих доброжелателей.

Начало 1928 года застало ее в Соединенных Штатах, где Франческа обустроилась в доме Ксении Лидс, богатой кузины настоящей Анастасии. Затем «мадемуазель Неизвестная» пожила немного у Анни Бурр Дженнингс, манхэттенской светской дамы, с радостью предоставившей кров скандальной знаменитости. После того как Франческа начала набрасываться на слуг, пробежалась голой по крыше, устроила скандал в универмаге и закатила истерику, когда случайно наступила на своего любимого длиннохвостого попугайчика и убила его, Дженнингс пришлось поместить ее в санаторий «Четыре ветра», расположенный в сельской местности штата Нью-Йорк. Из американского санатория Франческа в 1931 году попала в немецкую психиатрическую лечебницу. Выписавшись оттуда, она продолжила бродячий образ жизни, переезжая из одной комнаты для гостей в другую и полагаясь на великодушие своих друзей. Так продолжалось шестнадцать лет подряд.

Первое постоянное место жительства, перестроенные казармы, расположенные возле Шварцвальда в Германии, были куплены на деньги одного из тех, кто верил, что эта женщина на самом деле является великой княжной. Франческа заколотила окна, чтобы за ней никто не шпионил, окружила дом оградой из колючей проволоки и купила огромных волкодавов, для того чтобы охранять свои владения. Она скопила много барахла, окружила себя кошками и непрочитанными письмами. В 1960 году Франческа перебралась в сборный дом в швейцарском стиле, купленный на деньги друга. В 1968 году ее нашли без сознания внутри домика среди кошек. В том же году по требованию старого друга Франческа, которой уже перевалило за семьдесят, отправилась в Америку. После истечения действия туристической визы она вышла замуж за Джона Икотта Манахана, эксцентричного профессора истории и одаренного специалиста по генеалогии, из Шарлотсвилла, штат Виргиния, который был более чем на двадцать лет младше ее. Для него Франческа была принцессой. Сам себя Манахан стал называть «зятем царя» и «великим князем в изгнании». Франческа, которая теперь именовала себя Анастасией Манахан, не отказывалась от претензий на то, что является выжившей великой княжной. Теперь, когда старушка впала в маразм, ее рассказы о русской императорской семье становились все более странными и противоречивыми. Однажды она даже заявила, что никто из Романовых не погиб. У всех у них были двойники, которых казнили в то время, как настоящие Романовы спаслись.

Супружеская чета более десятилетия прожила в грязи. Соседи часто жаловались на них из-за крыс, котов, гор мусора и ужасного

зловония. В доме вместе с ними жили более двадцати собак и несколько дюжин кошек, которых Франческа считала реинкарнациями покойных родственников и друзей Анастасии. Когда кошки умирали, их кремировали в камине. Огромный ящик с картофелем на балконе должен был унять страхи Франчески по поводу того, что зимой они будут голодать. Их автомобиль был завален контейнерами для пищи навынос, потому что никто из Манаханов не готовил.

Когда в ноябре 1983 года супруги свалились с пятнистой лихорадкой Скалистых гор, стало ясно, что Манахан больше не в состоянии заботиться о собственной жене. Ее отправили в психиатрическую лечебницу на обследование, но муж «освободил» Франческу, а три дня спустя их обнаружили в грязном микроавтобусе, стоящем возле всеми покинутого фермерского дома. После этого инцидента Франческу поместили в частный интернат для престарелых. Двадцать восьмого января 1984 года у нее случился инсульт. Умерла Франческа 12 февраля от воспаления легких. Манахан впоследствии утверждал, что ее убили агенты КГБ и, возможно, работники британской разведки.

Как ни парадоксально, свидетельство о смерти предоставило Франческе подтверждение легитимности ее притязаний, которое она искала всю свою жизнь. Заполненный рукой ее мужа, документ называл усопшую «Анастасия Николаевна Манахан». Дата ее рождения – 5 (18) июня 1901 года (5 июня по юлианскому календарю, которым пользовались в России до революции, а 18 июня по григорианскому). Место рождения – Петергоф. Ее родители – царь Николай Второй и Александра Гессен-Дармштадтская. Профессия – «член королевской семьи». Манахан умер в 1990 году.

Кризис идентичности

Несмотря на решение суда, сомнения насчет личности Анастасии-Анны-Франчески оставались до тех пор, пока наука не смогла дать миру определенный ответ. В 1994 году, используя биоматериал, полученный во время операции на желудке, которой Франческа подверглась в 1979 году, ученые пришли к выводу, что она не Романова. С вероятностью в 98,5 % можно сказать, что она была той самой фабричной работницей-полькой, которая считалась пропавшей без вести с 1920 года. Но остается до сих пор невыясненным, кем же на самом деле была эта таинственная самозванка. Вопросов без ответа – множество. Почему она пошла на это и зачем притворялась до конца своих

дней?

На второй вопрос, впрочем, ответить легче. Однажды назвавшись Анастасией, Франческа уже не смогла отказаться от своих притязаний из-за страха перед возможным судебным преследованием. А еще ей приходилось действовать осторожно, не особо напирая на то, что она великая княжна, из-за риска быть разоблаченной. С того момента как она заявила, что является Анастасией, женщина жила в неком подобии печального чистилища: вновь стать Франческой она не могла, равно как и убедить нужных ей людей в том, что она – августейшая наследница.

Что же касается первого вопроса, то, судя по всему, первоначальным стимулом к самозванству послужило то самое психологическое напряжение, которое прежде едва не довело ее до самоубийства. Работая на заводе, Франческа в полной мере столкнулась со всеми тяготами жизни. Сейчас трудно понять, насколько тяжело жилось людям во время Первой мировой войны. Было мало пищи, мало работы и мало хороших вестей. В жизни у Франчески была своя маленькая трагедия. Покинув Польшу в 1916 году, она сначала нашла себе работу горничной, потом официантки и наконец стала трудиться на заводе по производству боеприпасов. Франческа встретила молодого человека, солдата. Они обручились. Девушка забеременела, но, прежде чем они успели пожениться, молодого человека отправили на восточный фронт, где он умер от полученных в бою ран. Судя по всему, Франческа сделала аборт. Вскоре после этого, находясь на работе, она потеряла сознание. Граната, которую она как раз собирала, выпала из ее рук и, покатившись, взорвалась возле мастера, работавшего на конвейере. Франческа очнулась в луже крови погибшего.

После нервного срыва молодая женщина вернулась в Польшу, работала некоторое время в деревне, но потом навсегда распрощалась с матерью, у которой не нашла ни капли сочувствия. Треугольный шрам на ноге, кстати говоря, она получила граблями во время драки с батрачкой. Вернувшись в Берлин, Франческа сняла комнату у доброй женщины и, судя по всему, начала подрабатывать проституцией. К 1920 году ей не на что было жить, и Франческа прыгнула с моста в ледяную воду канала. После этого своеобразного крещения она получила новое имя – сначала Fraulein Unbekannt, а потом выжившей княжны из дома Романовых. Это последнее преображение принесло Франческе известность.

Многие люди выдавали себя за выживших членов царской семьи, некоторые также притворялись Анастасиями, но никому

не удалось добиться того, чего удалось добиться Франческе. Сыгранный ею фарс превратил жизнь настоящей великой княжны Анастасии из трагического примечания к темной главе российской истории в саму сущность большевистской революции. Выдуманная Франческой история вдохновила на создание фильма с Ингрид Бергман в главной роли, мюзикла, который шел на театральных подмостках, и, как ни странно, балета. Даже со смертью Франчески этот поток не иссяк. В 1997 году студия «Фокс энимейшен» выпустила на экраны мультипликационный мюзикл, взявший у истории лишь костяк, к которому добавились наводящий ужас колдун, говорящая летучая мышь-альбинос Барток и страдающая амнезией принцесса, озвученная Мег Райан.

Мультипликационный фильм в неменьшей степени отдален от правды жизни, чем рассказанная Франческой история. По крайней мере, у него счастливый конец.

Знаменитые предсмертные слова

В конце концов, всех нас подстерегает смерть – и принцессу, и нищенку. Но некоторым принцессам удавалось отойти в мир иной немного более стильно, немного более драматично, немного более героически, чем другим. Лакшми-баи из княжества Джханси погибла в бою с британскими войсками. Рани Дургавати, раненная в бою, предпочла заколоть себя, чем сдаться врагу. Другие умерли так же, как жили. Анна Болейн, женщина остроумная, не утратила присутствия духа до самого конца. Она даже шутила с палачом, заявляя, что работа у него будет нетрудная, ведь у нее очень тонкая шея. Все эти женщины ушли из жизни, но возродились в легендах.

Мария-Антуанетта. Королева, которая попросила прощения (как бы)

Мария-Антуанетта, красивая, экстравагантная, помешанная на моде жертва Французской революции, на которую клеветали все, кто только хотел, взошла на эшафот 16 октября 1793 года с осознанием того, кем является. Было ли ее поведение продиктовано силой воли и мужеством или высокомерием и заносчивостью, описывается по-разному в зависимости от того, кто о ней писал.

Как бы то ни было, но большинство очевидцев сходятся на том, что последними словами австрийской принцессы

и французской королевы были «Извините, сударь, я сделала это нечаянно». Королева, впрочем, не извинялась за свои безрассудные траты (фарфоровые чашки в форме женской груди, небольшой дворец в деревенском стиле, где она сама и ее подруги любили переодеваться пастушками, и все эти версальские балы) или за то негативное влияние, которое, по мнению радикальных революционеров, Мария-Антуанетта имела на своего слабохарактерного мужа Людовика Шестнадцатого, уже девять месяцев как покоившегося в могиле. Она извинилась перед палачом, на чью ногу нечаянно наступила.

Елизавета Гессен-Дармштадская. Княгиня, которая, умирая, пела

Елизавета приходилась внучкой внушавшей уважение и восхищение королеве Великобритании Виктории. В молодости она выделялась своей красотой и была любимицей высшего общества. Замуж Елизавета вышла в 1894 году. Ее брак оказался недолговечным: мужа, великого князя Сергея Александровича, убило бомбой, которую в феврале 1905 года бросил член партии социалистов-революционеров. Елизавета видела останки своего мужа, лежащие на снегу. Проникшись религиозностью, она простила убийцу своего мужа и даже ходатайствовала перед судом за то, чтобы отменить его смертную казнь. После гибели мужа Елизавета стала вегетарианкой и постриглась в монахини. Распродав все свое немалое состояние (даже обручальное кольцо), она основала монашескую обитель.

К сожалению, человек, убивший ее мужа, оказался не одинок среди жаждущих голубой крови. К 1917 году большевистское движение превратилось в силу, которую стало невозможно остановить. Иметь хоть какое-то отношение к правившей династии было равносильно тому, чтобы получить смертный приговор. В 1918 году Елизавету по указу Ленина арестовали. Ей предоставили возможность уехать из России, но она предпочла остаться с сестрами основанного ею монастыря. В течение нескольких месяцев Елизавету перевозили из города в город под конвоем грубых и безжалостных красногвардейцев.

Большевики, узнав о предстоящем убийстве царской семьи, решили, что та же судьба должна постичь и других Романовых. В ночь на 17 июля, в то же самое время, когда убивали царя и его семью (Смотрите «Франческа» на с. 306), красногвардейцы разбудили Елизавету и еще нескольких членов русского императорского дома, а затем посадили всех на телегу.

Согласно информации, полученной от одного из убийц, солдата по фамилии Рябов, местом захоронения выбрали ствол покинутой, наполовину затопленной шахты глубиной шестьдесят пять футов, расположенной вблизи небольшой русской деревушки. Рябов заявлял, что великую княгиню вместе с остальными столкнули живыми в шахту, надеясь, что они либо разобьются при падении, либо утонут. Когда этого не случилось, убийцы бросили в шахту ручную гранату. Невероятно, но внизу еще оставались живые. Тогда метнули еще одну гранату. «И что вы думаете? Из-под земли доносилось пение! Меня охватил ужас. Они пели церковный гимн «Боже! Спаси и помилуй!» – вспоминал Рябов. – Больше гранат у нас не было, но и оставлять их живыми мы не могли. Мы решили набросать в шахту сухого кустарника и поджечь. Несмотря на густой дым, они некоторое время еще пели».

Через три месяца после казни солдаты Белой гвардии и другие враждебные большевизму лица обнаружили в шахте трупы. Страшная смерть и праведная жизнь побудили русскую православную Церковь в 1981 году канонизировать великую княгиню. В 1992 году, после падения коммунистического режима, повинного в ее убийстве, Елизавету объявили великомученицей.

Нур Инаят Кхан. Принцесса из Сопротивления, которая умерла с возгласом «libertè»[56] *на устах*

Принцесса Нур Инаят Кхан, героиня Второй мировой войны, заслуживает, чтобы ей посвятили целую главу, а то и целую книгу.

Отец у нее был индусом, мать – американкой. В ее предках значился Типу Султан, Тигр Майсура, который в XVIII столетии нанес поражение войскам Британской Ост-Индской компании, впервые в мире использовав ракеты. Хотя до войны в характере Нур не заметно было ничего воинственного (она играла на арфе, писала детские книги и являлась последовательницей суфизма, миролюбивого исламского течения), кое-что от Типу Султана она все же унаследовала.

В 1940 году Нур вступила в женскую вспомогательную службу ВВС и обучилась на радистку. Двумя годами позже британское Управление специальных операций забросило ее под псевдонимом Мадлен на территорию оккупированной Франции, снабдив фальшивым паспортом и пистолетом. Нур тогда было двадцать девять лет, и она оказалась первой женщиной-радисткой на территории оккупированной нацистами

Франции. К лету 1943 года сотрудники гестапо выяснили, что за шестью разными позывными скрывается один человек, координирующий связь французского Сопротивления с союзниками.

Нур выдал кто-то из своих. Она успешно скрывалась в течение трех месяцев, пока не попала в руки гестапо. Нур оказала отчаянное сопротивление и пыталась убежать через окно в ванной комнате, но неудачно. Немцы сочли ее несговорчивой и крайне опасной. Десять месяцев она провела в одиночной камере. Ее держали в цепях, били, морили голодом и пытали. С ней поступали в соответствии с директивой «Nacht und Nebel»[57]. Тем, кого касалась эта директива, предстояло исчезнуть навсегда. Нур не сломалась и не заговорила. Тринадцатого сентября 1944 года ее казнили выстрелом в голову на территории концентрационного лагеря Дахау. Перед смертью она выкрикнула: «Liberté!»

Посмертно Нур наградили георгиевским крестом. Среди служащих Управления специальных операций такой чести удостоились только три женщины. Французское правительство наградило Нур военным крестом за храбрость. Благодаря многолетней кампании и помощи многих людей в 2012 году в одном из парков Лондона принцесса Анна[58] торжественно открыла бронзовый бюст принцессы-разведчицы.

Библиография

Альфхильда

Davidson, Hilda Ellis, commentary, and Peter Fisher, translation. *Saxo Grammaticus: The History of the Danes, Books I–IX, Vol. II Commentary*. Woodbridge, UK: D. S. Brewer, 1980.

Grammaticus, Saxo. *The Danish History, Books I–IX*. http://tinyurl.com/c3ryzv3.

Sawyer, Birgit, and Peter Hayes Sawyer. *Medieval Scandinavia: From Conversion to Reformation, Circa 800–1500*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.

Пинь-Янь

Cawthorne, Nigel. *Daughter of Heaven: The True Story of the Only Woman to Become Emperor of China*. Oxford: Oneworld, 2007.

Lewis, Mark Edward. *China's Cosmopolitan Empire: The Tang Dynasty*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2009.

Peterson, Barbara Bennett, et al., eds. *Notable Women of China: Shang Dynasty to the Early Twentieth Century*. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 2000.

Walker, Hugh Dyson. *East Asia: A New History*. Bloomington, IN: AuthorHouse, 2012.

Семь воинственных королев древности

Cassius, Dion. *Dio's Roman History*. Trans. Earnest Cary and Herbert Baldwin Foster. Cambridge, Mass.: Loeb Classical Library, 1925.

«Herotodus: Queen Tomyris of the Massagetai and the Defeat of the Persians under Cyrus.» Internet Ancient History Sourcebook. http://tinyurl.com/bnuw5h9.

Jones, David E. *Women Warriors: A History*. Washington, D.C.: Brassey's, 1997.

Plutarch. «Pyrrhus.» *Parallel Lives*. Trans. John Dryden. Internet Classics Archive. http://tinyurl.com/5r7ejr.

Schwarz-Bart, Simone, and Andre Schwarz-Bart. *In Praise of Black Women*. Vol. 1, *Ancient African Queens*. Trans. Rose-Myriam Rejouis

and Val Vinokurov. Madison: University of Wisconsin Press, 2001.

Skinner, Patricia. «'Halt! Be Men': Sikelgaita of Salerno, Gender and the Norman Conquest of Southern Italy.» *Gender and History* 12, no. 3 (Nov 2000): 622–41.

Ольга Киевская

Sherman, Heidi. «Grand Princess Olga: Pagan Vengeance and Sainthood in Kievan Rus.» *World History Connected* 7, no. 1 (Feb 2010).

Zenkovsky, Serge A. «Epics and Stories from the Chronicles.» Part A in *Medieval Russia's Epics, Chronicles, and Tales*. New York: Meridian, 1974.

Хутулун-Чаха

Polo, Marco. *The Travels of Marco Polo: The Complete Yule-Cordier Edition*, vol. 2. New York: Dover, 2012.

Weatherford, Jack. *The Secret History of the Mongol Queens: How the Daughters of Genghis Khan Rescued His Empire*. New York: Crown Publishers, 2010.

Weatherford, Jack. «The Wrestler Princess.» Roundtable (blog), *Lapham's Quarterly*, Sep 3, 2010. http://tinyurl.com/bqjvdyq.

Лакшми-баи

Kincaid, C. A. «Lakshmibai Rani of Jhansi.» *Journal of the Royal Asiatic Society*, 75, nos. 1–2 (Jan 1943): 100–104.

Lebra-Chapman, Joyce. *The Rani of Jhansi: A Study in Female Heroism in India*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1986.

Mukherjee, Rudrangshu. «The Reluctant Rebel: Rani Lakshmibai of Jhansi.» *Manushi*, no. 87 (1995): 6–10.

Хатшепсут

Brown, Chip. «Hatshepsut.» *National Geographic*, Apr 2009.

«Egypt's Golden Empire.» PBS interactive website. Mar 15, 2006. http://tinyurl.com/2lmqnd.

Tyldesley, Joyce. *Hatshepsut: The Female Pharaoh*. London: Viking, 1996.

Tyldesley, Joyce. «Hatshepsut and Tuthmosis: A Royal Feud?» BBC History, Feb 17, 2011. http://tinyurl.com/7xvfpyb.

Wilford, John Noble. «Tooth May Have Solved Mummy Mystery.» *New York Times*, Jun 27, 2007.

Семейные дела. Инцест в царских семьях

Dobbs, David. «The Risks and Rewards of Royal Incest.» *National Geographic*, Sep 2010.

У Цзэтянь

Anderson, Mary M. *Hidden Power: The Palace Eunuchs of Imperial China*. Buffalo, N.Y.: Prometheus Books, 1990.

Barrett, T. H. *The Woman Who Discovered Printing*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2008.

Clements, Jonathan. *Wu: The Chinese Empress Who Schemed, Seduced, and Murdered Her Way to Become a Living God*. Stroud, UK: Sutton Publishing, 2007.

Dash, Mike. «The Demonization of Empress Wu.» Past Imperfect (blog), *Smithsonian*, Aug 10, 2012. http://tinyurl.com/bv79xlg.

Путь Вэй

Clements, Jonathan. *Wu: The Chinese Empress Who Schemed, Seduced, and Murdered Her Way to Become a Living God*. Stroud, UK: Sutton Publishing, 2007.

Зинга Мбанди Нгола

Heywood, Linda M., and John K. Thornton. *Central Africans, Atlantic Creoles, and the Foundation of the Americas, 1585–1660.* New York: Cambridge University Press, 2007.

Jones, David E. *Women Warriors: A History*. Washington, D.C.: Brassey's, 1997.

Miller, Joseph C. *Kings and Kinsmen: Early Mbundu States in Angola*. Oxford: Clarendon Press, 1976.

Miller, Joseph C. «Nzinga of Matamba in a New Perspective.» *Journal of African History* 16, no. 2 (1975), 201–16.

Orchardson-Mazrui, Elizabeth. *Nzinga, the Warrior Queen*. Nairobi:

Jomo Kenyatta Foundation, 2006.

Schwarz-Bart, Simone, and Andre Schwarz-Bart. *In Praise of Black Women*. Vol. 1, *Ancient African Queens*. Trans. Rose-Myriam Rejouis and Val Vinokurov. Madison: University of Wisconsin Press, 2001.

Sweetman, David. *Queen Nzinga: The Woman Who Saved Her People*. London: Longman, 1971.

Thornton, John. «Legitimacy and Political Power: Queen Njinga, 1624–1663.» *Journal of African History* 32, no. 1 (1991): 25–40.

Юста Грата Гонория

Bury, J. B. «Justa Grata Honoria.» *Journal of Roman Studies* 9 (1919): 1–13.

Gordon, Colin Douglas. *The Age of Attila: Fifth-Century Byzantium and the Barbarians*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960.

Jenkins, Philip. *Jesus Wars: How Four Patriarchs, Three Queens, and Two Emperors Decided What Christians Would Believe for the Next 1,500 Years*. New York: HarperOne, 2010.

Oost, Stewart Irvin. *Galla Placidia Augusta: A Biographical Essay*. Chicago: University of Chicago Press, 1968.

Изабелла, прозванная Французской Волчицей

Castor, Helen. *She-Wolves: The Women Who Ruled England Before Elizabeth*. London: Faber, 2010.

Принцессы-ведьмы

Davis, J. *Duke Humphrey: A Sidelight on Lancastrian England*. Ed. Mary P. Lucy. Ilfracombe, UK: Arthur H. Stockwell, 1973.

Gregory, Philippa, David Baldwin, and Michael Jones. *The Women of the Cousins' War.* New York: Simon & Schuster, 2011.

Mantel, Hilary. «Anne Boleyn: Witch, Bitch, Temptress, Feminist.» *The Guardian*, May 11, 2012.

Vickers, Kenneth Hotham. *Humphrey, Duke of Gloucester: A Biography*. London: A. Constable, 1907.

Роксолана

Clot, André. *Suleiman the Magnificent: The Main, His Life, His*

Epoch. London: Saqi Books, 2005.

Peirce, Leslie P. *The Imperial Harem: Women and Sovereignty in the Ottoman Empire*. New York: Oxford University Press, 1993.

Yermolenko, Galina I., ed. *Roxolana in European Literature, History and Culture*. Farnham, UK: Ashgate, 2010.

Yermolenko, Galina I. «Roxolana: 'The Greatest Empresse of the East.'» *The Muslim World* 95, no. 2 (Apr 2005): 231–48.

Екатерина Радзивилл

«Ex-Princess Held at Ellis Island.» *New York Times*, Apr 30, 1917.

Ferrant, Leda. *The Princess from St. Petersburg*. Lewes, UK: Book Guild, 2000.

«Princess Radziwill Held as Hotel Beat.» *New York Times*, Dec 14, 1921.

Roberts, Brian. *Cecil Rhodes and the Princess*. London: Hamish Hamilton, 1969.

Thomas, Antony. *Rhodes: The Race for Africa*. London: Penguin, 1997.

Стефани фон Гогенлоэ

Hohenlohe, Franz. *Steph, the Fabulous Princess*. London: New English Library, 1976.

Roosevelt, Franklin Delano. *Memorandum regarding Princess Stephanie von Hohenlohe Waldenburg, with aliases*. Oct 28, 1941. Franklin D. Roosevelt Presidential Library and Museum, Hyde Park, New York.

Schad, Martha. *Hitler's Spy Princess*. Stroud, UK: Sutton Publishing, 2004.

Wilson, Jim. *Nazi Princess: Hitler, Lord Rothermere, and Princess Stephanie von Hohenlohe*. Gloucestershire, UK: History Press, 2011.

Лукреция

Bellonci, Maria. *Lucrezia Borgia*. London: Phoenix, 2002.

Bradford, Sarah. *Lucrezia Borgia: Life, Love and Death in Renaissance Italy*. New York: Viking, 2004.

Gregorovius, Ferdinand. *Lucretia Borgia: According to Original Documents and Correspondence of Her Day*. Trans. John Leslie Garner. New York: Benjamin Blom, 1904.

Shankland, Hugh. *The Prettiest Love Letters in the World: Letters between Lucrezia Borgia and Pietro Bembo*. London: Collins Harvill, 1987.

Малинче

Cutter, Martha J. «Malinche's Legacy: Translation, Betrayal, and Interlingualism on Chicano/a Literature.» *Arizona Quarterly: A Journal of American Literature, Culture and Theory* 66, no. 1 (Spring 2010): 1–33.

Cypess, Sandra Messinger. *La Malinche in Mexican Literature from History to Myth*. Austin: University of Texas Press, 1991.

Thompson, Maris Wistar. «La Malinche: Various Perspectives.» In *Selected Essays from the International Conference on Word and World of Discovery, 1992*, ed. Gerald M. Garmon. Carrolton: West Georgia International Conference, 1994.

Townsend, Camilla. *Malintzin's Choices: An Indian Woman in the Conquest of Mexico*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 2006.

Принцесса, доставшаяся победителю

Maund, Kari. *Princess Nest of Wales: Seductress of the English*. Stroud, UK: Tempus, 2007.

София Доротея

Herman, Eleanor. *Sex with Kings: 500 Years of Adultery, Power, Rivalry and Revenge*. New York: William Morrow, 2004.

Herman, Eleanor. *Sex with the Queen: 900 Years of Vile Kings, Virile Lovers, and Passionate Politics*. New York: William Morrow, 2006.

Van der Kiste, John. *The Georgian Princesses*. Stroud, UK: Sutton Publishing, 2000.

Williams, Robert Folkstone. *Memoirs of Sophia Dorothea, consort of George I, chiefly from the secret archives of Hanover, Brunswick, Berlin, and Vienna…* London: H. Colburn, 1845.

Замужество или сумасшедший дом

Marengo. «Princess Louise of Belgium: 'Eve After The Fall

of Man.'» The Royal Articles, May 19, 2009. http://tinyurl.com/banvev7.

«Princess Louise of Belgium Elopes.» *New York Times*. Feb 1, 1897.

«Princess Louise of Belgium Insane.» *New York Times*. Jan 6, 1902.

«Princess Louise, Long a Court Exile, Dies.» *New York Times*. Mar 2, 1924.

«Sister Asks Judicial Council For Estate of Louise of Belgium.» *New York Times*. Mar 12, 1912.

«$300,000 for Princess: Louise of Belgium Settles Her Troubles With Creditors.» *New York Times*. Jan 18, 1914.

Сара Уиннемакка

Canfield, Gae Whitney. *Sarah Winnemucca of the Northern Paiutes*. Norman: University of Oklahoma Press, 1983.

Hopkins, Sarah Winnemucca. *Life Among the Piutes: Their Wrongs and Their Claims*. Ed. Mrs. Horace Mann. Boston: Cupples, Upham, 1883.

Lape, Noreen Groover. «'I Would Rather Be with My People, but Not to Live with Them as They Live': Cultural Liminality and Double Consciousness in Sarah Winnemucca Hopkins's *Life Among the Piutes: Their Wrongs and Claims*.» *American Indian Quarterly* 22, no. 3 (Summer 1998): 259–79.

McClure, Andrew S. «Sarah Winnemucca: [Post]Indian Princess and Voice of the Paiutes.» *MELUS* 24, no. 2 (Summer 1999): 29–51.

Senier, Siobhan. *Voices of American Indian Assimilation and Resistance: Helen Hunt Jackson, Sarah Winnemucca, and Victoria Howard*. Norman: University of Oklahoma Press, 2001.

Sneider, Leah. «Gender, Literacy, and Sovereignty in Winnemucca's *Life Among the Piutes*.» *American Indian Quarterly* 36, no. 3 (Summer 2012): 257–87.

Sorisio, Carolyn. «Playing the Indian Princess? Sarah Winnemucca's Newspaper Career and Performance of American Indian Identities.» *Studies in American Indian Literatures* 23, no. 1 (Spring 2011): 1–37.

Stewart, Patricia. «Sarah Winnemucca: Paiute Princess.» *Nevada Magazine*, 1978.

София Долгорукая

Skipwith, Sofka. *Sofka: The Autobiography of a Princess*. London: Hart-Davis, 1968.

Zinovieff, Sofka. *Red Princess: A Revolutionary Life*. London: Granta Books, 2007.

Кристина

Buckley, Veronica. *Christina of Sweden*. London: Harper Perennial, 2004.

Jones, David E. *Women Warriors: A History*. Washington, D.C.: Brassey's, 1997.

Thomas, Henry, and Dana Lee Thomas. *Living Biographies of Famous Women*. London: W. H. Allen, 1959.

Карабу

Gutch, John Matthew. *Caraboo: A narrative of a singular imposition, practised upon the benevolence of a lady residing in the vicinity of the city of Bristol…* London: Baldwin, Cradock and Joy, 1817.

Raison, Jennifer, and Michael Goldie. *Caraboo: The Servant Girl Princess: The Real Story of the Grand Hoax*. Gloucestershire, UK: Windrush Press, 1994.

Wells, John. *Princess Caraboo: Her True Story*. London: Pan Books, 1994.

Шесть способов стать мнимой принцессой

Bloch, Hannah. «Mummy Not So Dearest.» *Time*, Apr 23, 2001.

Brodie, Neil. «Persian Mummy.» Trafficking Culture, Aug 12, 2012. http://tinyurl.com/a38np7j.

Burton, Sarah. *Impostors: Six Kinds of Liar*. London and New York: Viking, 2000.

Danilevski, Grigory Petrovich. *The Princess Tarakanova: A Dark Chapter of Russian History*. Trans. Ida de Mouchanoff. London: Swan Sonnenschein, 1891.

Grigoriadis, Vanessa. «Her Royal Lie-ess.» Intelligencer (blog), *New York*, May 21, 2005. http://tinyurl.com/at7gdlv.

Khan, Aamer Ahmed. «Burial for Pakistan's Fake Mummy.» BBC News, Aug 5, 2005. http://tinyurl.com/aelytlv.

Martinez, Jose. «Fake Princess Antoinette Millard Drops $1.1 Million Lawsuit against Michael Eigen New Directions.» *New York Daily News*, Mar 26, 2010.

«Mysterious Mummy 'Princess' Examined in Pakistan.» Al

Bawaba, Oct 26, 2000. http://tinyurl.com/a8fyy5n.

«The Mystery of the Persian Mummy.» *BBC Horizon*, BBC Two, Sep 20, 2001. Копия доступна на http://tinyurl.com/ax6q9.

Naqvi, Abbas. «Fake 'Mummy' Still Awaits Burial.» BBC News, Jan 24, 2008. http://tinyurl.com/aac9l6r.

Romey, Kristin M., and Mark Rose. «Special Report: Saga of the Persian Princess» *Archeology* 54, no. 1 (Jan/Feb 2001).

Saulny, Susan. «Officials Cite Big Spending of a Princess Who Wasn't.» *New York Times*, May 8, 2004.

Serres, Olivia Wilmot. *The Princess of Cumberland's Statement to the English Nation, as to her application to ministers…* London: Redford & Robins, 1822.

Shapiro, Harriet. «Dressmaking Was Not Beneath India's Princess Sumair – Now Only Her Prices Are Untouchable.» *People*, May 5, 1980.

Sheppard, Eugenia. «Designing Princess Flouts Custom.» *Palm Beach Daily News*, Nov 27, 1979.

Wasserstein, Bernard. «Collaborators and Renegades in Occupied Shanghai.» *History Today* 48, no. 9 (1998): 20.

Wasserstein, Bernard. *Secret War in Shanghai: Treachery, Subversion and Collaboration in the Second World War*. London: Profile Books, 1999.

Шарлотта Прусская

Connolly, Kate. «Sex parties, bloody duels, and blackmail: Life at court of last German emperor.» *The Guardian*, Sep 2, 2010.

Van der Kiste, John. *Charlotte and Feodora: A troubled Mother-Daughter Relationship in Imperial Germany*. Seattle, Wash.: Amazon Media, 2012.

Клара Уорд

«American Girls Who Married Titles: Clara Ward Becomes Princess Chimay.» *The Pittsburgh Press*, Jun 13, 1915.

«American Who Thrilled Europe with Her Loves: End of a Whirlwind Career.» *Evening Telegraph*, Jan 4, 1917.

Amory, Cleveland. *Who Killed Society?* New York: Harper, 1960.

Cabot, James L. «Lumberman's Daughter Married a Prince.» *Ludington Daily News*, Mar 1, 2003.

«The Chimay Scandal.» *Lincolnshire Echo*, Aug 3, 1897.

«Clara Ward Left by Angry Husband.» *The Pittsburgh Press*, Jun 19,

1910.

Henrickson, Wilma Wood, ed. *Detroit Perspectives: Crossroads and Turning Points*. Detroit: Wayne State University Press, 1991.

«Hooting a Princess: The Gipsy and His Royal Wife: Hissed in a Paris Theatre.» *The Evening Post*, Apr 5, 1902.

Passante, Anna. «Clara Ward: Paparazzi Princess.» *Bay View Compass*, Aug 1, 2010.

«The Princess de Chimay.» *Evening Telegraph*. Jan 23, 1897.

«A Princess with Conneaut Connections.» *Star Beacon*, Apr 1, 2012.

«Долларовые принцессы»

Brandon, Ruth. *The Dollar Princesses*. London: Weidenfield and Nicolson, 1980.

Kahan, Sylvia. *Music's Modern Muse: A Life of Winnaretta Singer, Princesse de Polignac*. Rochester, N.Y.: University of Rochester Press, 2003.

Sebba, Anne. «Hearts and Hearths.» *History Today* 57, no. 9 (2007): 2.

«What Happened to Gladys Deacon, Duchess of Marlborough?» BBC News, Feb 17, 2011. http://tinyurl.com/b3b8m8w.

Глория фон Турн-и-Таксис

Colacello, Bob. «The Conversion of Gloria TNT.» *Vanity Fair*, Jun 2006.

Colacello, Bob. «Let Them Eat Lobster!» *Vanity Fair*, Sep 1986.

Fesperman, Dan. «The Party Over, Bavarian Princess Hosts a Most Unusual Yard Sale.» *The Baltimore Sun*, Oct 10, 1993.

Melikian, Souran. «Death and Taxes Squeeze Thurn und Taxis Estate: The Growing Cost of Keeping Art.» *New York Times*, Jul 22, 1992.

Petkanas, Christopher. «Icon of the Decade: the 1980s: Gloria von Thurn und Taxis.» *W*, Nov 2012.

«Princess Gloria von Thurn und Taxis.» *Bloomberg Businessweek*, Jun 16, 2002.

Rockwell, John. «A Princess Tightens Her High-Fashion Belt.» *New York Times*, Oct 14, 1993.

Silva, Horacio. «The Talk: Gloria in Extremis.» *T Magazine*, Dec 4, 2008.

Stockem, Stefani. «A New Bang for 'TNT': Princess Gloria's

New York Tea Party.» Spiegel Online, Oct. 9, 2008. http://tinyurl.com/cdoxmk4.

«West Wing.» Thurn und Taxis Family Website. http://tinyurl.com/bnge6ts.

Расходы принцесс

Pettifer, Hannah. «Thai Princess Clears Shelves During 8-hour, $40,000 UK Antique Shopping Spree.» NBC News, Oct 8, 2012. http://tinyurl.com/d28xpxf.

Rayner, Gordon. «WikiLeaks cables: Thailand's Royal Pet.» *Daily Telegraph*, Feb 5, 2011.

Rice, Tamara Talbot. *Elizabeth, Empress of Russia*. New York: Praeger, 1970.

Shaw, Adrian. «Epic bail: Saudi princess caught doing a runner from hotel at 3:30 am… with 60 servants in tow.» *The Mirror*, Jun 5, 2012.

Wilson, Peter H. «Women and Imperial Politics: The Württemberg Consorts 1674–1757.» In *Queenship in Europe, 1660–1815: The Role of the Consort*, ed. Clarissa Campbell Orr, 221–51. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004.

Каролина Брауншвейг-Вольфенбюттельская

Holme, Thea. *Caroline: A Biography of Caroline of Brunswick*. New York: Atheneum, 1980.

Melville, Lewis [Lewis Saul Benjamin]. *An Injured Queen: Caroline of Brunswick*. London: Hutchinson, 1912.

Plowden, Alison. *Caroline and Charlotte: Regency Scandals, 1795–1821*. Stroud, UK: History Press, 2005.

Richardson, Joanna. *The Disastrous Marriage: A Study of George IV and Caroline of Brunswick*. London: Cape, 1960.

Van der Kiste, John. *The Georgian Princesses*. Stroud, UK: Sutton Publishing, 2000.

Полина Бонапарт

Fleischman, Hector. *Pauline Bonaparte and her lovers, as revealed by contemporary witnesses, by her own love-letters, and by the anti-Napoleonic pamphleteers*. London: John Lane, 1914.

Fraser, Flora. *Pauline Bonaparte: Venus of Empire*. New York:

Alfred Knopf, 2009.

Kühn, Joachim, and Walter Henry Johnson. *Pauline Bonaparte: Napoleon's Attendant Star*. London: Hutchinson, 1937.

Ortzen, Len. *Imperial Venus: The Story of Pauline Bonaparte-Borghese*. London: Constable, 1974.

Маргарет

Dempster, Nigel. *H.R.H. the Princess Margaret: A Life Unfulfilled*. Bath, UK: Chivers Press, 1981.

Heald, Tim. *Princess Margaret: A Life Unravelled*. London: Weidenfeld & Nicolson, 2007.

Lawrence, Will. «Revisiting the Riddle of Baker Street.» *The Daily Telegraph*, Feb 15, 2008.

Анна Саксонская

Midelfort, H. C. Erik. *Mad Princes of Renaissance Germany*. Charlottesville: University of Virginia Press, 1994.

Wedgwood, C. V. *William the Silent, William of Nassau, Prince of Orange, 1533–1584*. London: Jonathan Cape, 1944.

Три безумные принцессы и одна, которая, судя по всему, сумасшедшей не была

Aram, Bethany. *Juana the Mad: Sovereignty and Dynasty in Renaissance Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005.

Fox, Julia. *Sister Queens: The Noble, Tragic Lives of Katherine of Aragon and Juana, Queen of Castile*. New York: Ballantine, 2011.

Levy, Deborah, and Kate Bland, producers. «The Glass Piano.» BBC Radio 3, Dec 2011.

Midelfort, H. C. Erik. *Mad Princes of Renaissance Germany*. Charlottesville: University of Virginia Press, 1994.

Poeta, Salvatore. «The Hispanic and Luso-Brazilian World: From Mad Queen to Martyred Saint: The Case of Juana la Loca Revisited in History and Art on the Occasion of the 450th Anniversary of Her Death.» *Hispania* 90, no. 1 (Mar 2007): 165–72.

Roberts, Jenifer. «Portugal's Mad Queen.» *History Today* 57, no. 12 (2007): 32.

Thorne, Tony. *Countess Dracula: The Life and Times of the Blood*

Countess, Elisabeth Báthory. London: Bloomsbury, 1997.

Елизавета Австрийская

Haslip, Joan. *The Lonely Empress: A Biography of Elizabeth of Austria*. London: Phoenix Press, 2000.

Sinclair, Andrew. *Death by Fame: A Life of Elisabeth, Empress of Austria*. London: Constable, 1998.

Бойся Черного Карлика

Radziwill, Catherine. *The Black Dwarf of Vienna and Other Weird Stories*. London: William Rider and Son, 1916.

Шарлотта Бельгийская

Haslip, Joan. *Imperial Adventurer: Emperor Maximilian of Mexico*. London: Weidenfeld & Nicholson, 1971.

Ibsen, Kristine. *Maximilian, Mexico, and the Invention of Empire*. Nashville, Tenn.: Vanderbilt University Press, 2010.

Reiss, Ben. «Death by Firing Squad.» *History Today* 57, no. 1 (2007): 2.

Принцесса, связывающаяся по прямому телефону с небесами

Astarte Education website. http://tinyurl.com/mjmkxrz.

«Norway princess 'talks to angels.'» BBC News, Jul 25, 2007. http://tinyurl.com/lamg7d7.

«Norway's princess moving to London with family.» The Local, Apr 27, 2012. http://tinyurl.com/n24dh6v.

«Princess Märtha Louise celebrates 40th birthday.» Norway.com, Sep 22, 2011. http://tinyurl.com/kc3syt3.

«Princess upsets Norway's bishops.» Views and News from Norway, Sep 14, 2010. http://tinyurl.com/22n6ps8.

Франческа

King, Greg, and Penny Wilson. *The Resurrection of the Romanovs: Anastasia, Anna Anderson, and the World's Greatest Royal Mystery*. Hoboken: Wiley, 2011.

Tucker, William O., Jr. «Jack & Anna: Remembering the Czar of Charlottesville Eccentrics.» *The Hook*, no. 627 (Jul 5, 2007).

Знаменитые предсмертные слова

Fraser, Antonia. *Marie Antoinette: The Journey*. London: Phoenix, 2001.

«Noor Anayat Khan: The Princess who Became a Spy.» *The Independent*, Feb 20, 2006. http://tinyurl.com/2ejarkw.

Olsoufieff, Alexandra. «Palace Personalities: HIH Grand Duchess Elisabeth Feodorovna.» Trans. Rob Moshein. Alexander Palace Time Machine. http://tinyurl.com/kq5y8zz.

Serfes, Archimandrite Nektarios, comp. «Murder of the Grand Duchess Elizabeth.» Archimandrite Nektarios Serfes personal website. http://tinyurl.com/mmauaao.

Благодарности

Эта книга не смогла бы появиться на свет без самоотверженной работы многих историков, посвятивших время изучению судеб разных принцесс. Их огромный труд сделал мою работу намного легче. Список использованных источников смотрите в библиографии. Пожалуйста, не упустите этого шанса. Кое-какие книги будет очень даже интересно почитать.

Британская библиотека и ее замечательные сотрудники, большой поклон первому читальному залу гуманитарных наук, вы очень помогли мне в моих исследованиях. Просто замечательно, что существует такое место, где можно почитать оригинальные издания памфлета Джона Мэтью Гутча, посвященные похождениям принцессы Карабу в английской глубинке, увидеть порнографические гравюры с изображением того, чем Генрих Первый занимался с Нест Уэльской, и найти полный каталог произведений княгини Екатерины Радзивилл.

Выражаю признательность доброжелательным сотрудникам «Квирк Букс», в особенности Джейсону Рекулаку, подавшему мне блестящую идею написания этой книги, и редактору Рику Шиллоту, который придал моей работе завершенность. А еще большое спасибо замечательным сотрудникам журнала «Ментал Флосс», прежним и нынешним, с подачи которых я писала чудесные статьи вроде «Истории туалетной бумаги» или «О влиянии пищи на человеческую эволюцию».

Большое спасибо моим друзьям и семье (Мак-Робби, Эйде и Лондону), которым довелось выслушать множество историй о княгине, сбежавшей с цыганом, и о принцессе, убивавшей своих врагов особо изощренным способом. Спасибо моей маме Аните Корбитт за то, что она никогда не называла меня своей «маленькой принцессой». Спасибо за то, что часто приятно меня удивляла. Спасибо отчиму Джоэлу Корбитту за то, что радовал мою маму. Спасибо моему замечательному, чудесному, обожаемому, смышленому маленькому мальчику Остину Томасу Родригесу Мак-Робби. Ты главная причина того, что мама не засиживалась в библиотеках.

И, конечно же, огромнейшее спасибо тому, без чьего участия эта книга была бы намного тоньше, если бы вообще не растаяла в воздухе, – моему коту Норгусу. Я просто пошутила, котик. Ты – это что-то с чем-то. Кис-кис. Человек, на самом деле вдохновивший меня на написание этой книги, – Кристофер Остин Мак-Робби, мой прекрасный принц. Спасибо за все те дни, когда ты давал мне выспаться.

И они жили долго и счастливо?
Не совсем.

О других принцессах, которые плохо себя вели, а также эксклюзивное интервью с Линдой Родригес Мак-Робби можно прочесть, зайдя на сайт quirkbooks.com/princessesbehavingbadly.

notes

Сноски

1

В тексте оригинала ошибочно указан родственный гётам народ готов. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

2

Авгу́ры – в Древнем Риме коллегия жрецов, толковавшая волю богов главным образом по наблюдениям за полетом и криком птиц.

3

Пирр (318–272 до н. э.) – царь Эпира (северо-запад Греции), талантливый полководец, один из сильнейших противников Рима.

4

Битва при Азенкуре – сражение, состоявшееся во время Столетней войны 25 октября 1415 года между французскими и английскими войсками близ местечка Азенкур в Северной Франции.

5

Кир II Великий (? – 530 до н. э.) – персидский царь, правил в 559–530 годах до н. э. Основатель персидской державы Ахеменидов.

6

Акба́р Великий (1542–1605) – третий падишах Империи Великих Моголов из династии Тимуридов.

7

Хубилай (1215–1294) – монгольский хан, основатель государства Юань, в состав которого входил Китай. На Западе известен благодаря Марко Поло под именем Кублай-хан.

8

Маратхская империя – крупное индуистское государство, созданное в 1674 году народом маратха на территории современного штата Махараштра и прилегающих к нему земель. К 1818 году после третьей англо-маратхской войны фактически прекратило свое существование.

9

Джеймс Эндрю Дальхузи (1812–1860) – британский государственный деятель шотландского происхождения, который осуществил централизацию прежде раздробленной Индии. Несмотря на проводимые им меры по защите прав местного населения и достойной оплате труда индийцев, политика постепенного устранения от власти мелких индийских правителей привела к напряжению в стране. Отменив привилегии мусульман в регионах со смешанным населением, лорд Дальхузи спровоцировал восстание сипаев.

10

Аллюзия на культовый американский фильм «Бунтовщик без причины».

11

Хью Роуз (1801–1885) – британский фельдмаршал (*Примеч. ред.*).

12

Меритократия – общественная система, при которой высшие должности занимают наиболее талантливые люди.

13

Имеется в виду отказ императора сделать Ан-ло своей наследницей.

14

Аллюзия на американский детективный телесериал «Она написала убийство».

15

«Семейка Брэди» – американский комедийный телесериал о большой семье.

16

Имеется в виду война Алой и Белой розы.

17

Кафа – название города Феодосия в XII–XV веках.

18

На самом деле отец Екатерины был генералом российской армии, участником подавления Польского восстания 1830–1831 гг.

19

Имеется в виду Эвелина Ганская, урожденная Ржевуская (1801–1882) – польская помещица и русская подданная.

20

Эллис – остров, расположенный в устье реки Гудзон. С 1892 по 1954 год был самым крупным пунктом приема иммигрантов в США.

21

Кетцалькоатль – имя божества древней Америки, одного из главных богов ацтекского пантеона.

22

Монтесума II (1466–520) – император ацтеков из династии Акамапичтли.

23

Октавио Пас (1914–1998) – мексиканский поэт, эссеист-культуролог, переводчик, политический публицист, исследователь цивилизаций Запада и Востока.

24

Верховая езда (*фр.*).

25

Моя маленькая (*фр.*).

26

Молюцелла гладкая – довольно редкое, неприхотливое однолетнее растение.

27

Данный термин впервые использован в 1845 г. Джоном О'Салливаном в статье «Аннексия», в которой шла речь о том, что Соединенные Штаты Америки должны способствовать продвижению цивилизации и демократии в соседних странах и на индейских территориях.

28

Карл Кристиан Шурц (1829–1906) – американский политический деятель, эмигрант из Пруссии, журналист, министр внутренних дел США; сделал на своем посту очень многое для защиты интересов национальных меньшинств, в особенности индейцев.

29

Бодмин-Мур – холмистая болотистая местность, вересковая пустошь в Корнуолле, Англия.

30

Ижорская земля.

31

От лат. belle – красавица.

32

Modus operandi – образ действия (*лат.*).

33

Замок Святого Ангела – архитектурный памятник, расположен в Риме. Был сначала гробницей, затем замком, резиденцией пап, хранилищем их ценностей и одновременно тюрьмой.

34

На самом деле титул княжны Таракановой присвоил самозванке французский дипломат Жан Анри Кастера в своей книге «Жизнь Екатерины II, императрицы российской» (1797). Под этим именем она фигурирует в исторической и художественной литературе.

35

Патиала – государство в Индии, находившееся в вассальной зависимости от британской короны.

36

Нуа́р – жанр кинематографа 1940-х – 1950-х годов, запечатлевший атмосферу пессимизма, недоверия, разочарования и цинизма. Возник в США, но впоследствии распространился на другие страны.

37

Удар милосердия (*фр.*) – удар или выстрел, посредством которого прерывают мучения смертельно раненного животного или человека.

38

Ксеркс I – персидский царь из династии Ахеменидов, правил в 486–465 годах до н. э.

39

За́мке (*нем.*).

40

Fin de siècle (фр. «конец века») – обозначение характерных явлений периода 1890–1910 гг. в истории европейской культуры.

41

Прекрасная эпоха (фр. Belle Époque) – условное обозначение периода европейской истории между 1890 и 1914 гг.

«Княжеская идиллия» (*фр.*).

43

Генри Джон Темпл, лорд Палмерстон (1784–1865) – знаменитый английский государственный деятель, 35-й (с 1855 по 1858 гг.) и 37-й (с 1859 по 1865 гг.) премьер-министр Великобритании.

44

Колéтт, полное имя Сидони́-Габриэль Колетт (1873–1954) – французская писательница, актриса кабаре «Мулен Руж», автор романов о женщинах полусвета.

45

ТНТ – взрывчатое вещество тринитротолуол.

46

Американский певец.

47

«Студия 54» – культовый ночной клуб в Нью-Йорке, пользовавшийся дурной репутацией.

Инсургент (от лат. insurgens – восстающий) – участник восстания, повстанец (*Примеч. ред.*).

49

Принц Карим Ага-хан IV (род. 1936) – духовный лидер, имам мусульманской общины исмаилитов-низаритов, мультимиллионер.

50

Гедонизм – этическое учение, согласно которому удовольствие является высшим благом и целью жизни.

51

Гернси – остров в проливе Ла-Манш, входит в состав Нормандских островов.

52

«Прайвэт Ай» – английский сатирический журнал.

53

Королевство Кастилия – одно из средневековых королевств Пиренейского полуострова. Возникло в IX столетии как политическая автономия.

54

Государь – трактат флорентийского мыслителя и государственного деятеля Никколо Макиавелли, в котором описываются методология захвата власти, методы правления и умения, необходимые для «идеального» правителя.

55

Перуанский бальзам – смола, получаемая из коры бальзамного дерева и других деревьев из рода мироксилон.

Свобода (*фр.*).

57

«Ночь и туман» (*нем.*) – директива Адольфа Гитлера от 7 декабря 1941 года, разрешающая похищение антинацистских политических активистов на всей территории, оккупированной Германией во время Второй мировой войны.

58

Принцесса Анна – член британской королевской семьи, единственная дочь королевы Елизаветы II.